

ISSN 0207-6918
e-ISSN 2310-3701

КАНТОВСКИЙ СБОРНИК

Научный журнал

2016
Том 35
№4

Калининград
Издательство
Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
2016

Кантовский сборник : научный журнал. — 2016. — Т. 35, № 4. — 109 с.

Интернет-адрес: http://journals.kantiana.ru/kant_collection/

Издается с 1975 г.

Выходит 4 раза в год

Зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.
Свидетельство о регистрации Министерства Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
ПИ №ФС77-46310 от 26 августа 2011 г.

Учредитель

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта»
(236041, г. Калининград, ул. А. Невского, д. 14)

Адрес редколлегии:
236041, г. Калининград, ул. А. Невского, 14, БФУ им. И. Канта,
кафедра философии
e-mail: kant@kantiana.ru

© Балтийский федеральный университет
им. И. Канта, 2016

Международный редакционный совет

- А. Вуд, д-р философии, проф. (Индианский университет, США) — председатель;
Л. А. Калинин, д-р филос. наук, проф. (Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия);
Б. Дёрфлингер, д-р философии, проф. (Университет Трира, Германия);
Н. В. Мотрошилова, д-р филос. наук, проф. (Институт философии РАН, Россия);
Т. И. Ойзерман, д-р филос. наук, проф., действительный член РАН (Институт философии РАН, Россия);
В. Штарк, д-р философии, проф. (Марбургский университет, Германия)

Редакционная коллегия

- Л. А. Калинин, д-р филос. наук, проф. (Балтийский федеральный университет им. И. Канта) — главный редактор; В. А. Бажанов, д-р филос. наук, проф. (Ульяновский государственный университет); В. Н. Белов, д-р филос. наук, проф. (Российский университет дружбы народов, Москва); В. В. Васильев, д-р филос. наук, проф. (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова); Н. А. Дмитриева, д-р филос. наук, проф. (Московский педагогический государственный университет); А. С. Зильбер (Балтийский федеральный университет им. И. Канта) — координатор по международным контактам; В. А. Конев, д-р филос. наук, проф. (Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева); И. Д. Копцев, д-р фиол. наук, проф. (Балтийский федеральный университет им. И. Канта); А. Н. Круглов, д-р филос. наук, проф. (Российский государственный гуманитарный университет); А. И. Мигунов, канд. филос. наук, доц. (Санкт-Петербургский государственный университет); А. Г. Пушкирский (Балтийский федеральный университет им. И. Канта) — ответственный секретарь; Д. Н. Разеев, д-р филос. наук, проф. (Санкт-Петербургский государственный университет); Т. Г. Румянцева, д-р филос. наук, проф. (Белорусский государственный университет); М. Е. Соболева, д-р философии, проф. (Марбургский университет, Германия); Г. В. Сорина, д-р филос. наук, проф. (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова); В. А. Чалый, канд. филос. наук, доц. (Балтийский федеральный университет им. И. Канта); К. Ф. Самохвалов, д-р филос. наук, проф. (Институт математики им. С. Л. Соболева Сибирского отделения РАН); С. А. Чернов, д-р филос. наук, проф. (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. М. А. Бонч-Бруевича)

International editorial council

- Prof. A. Wood (Indiana University, USA) — chair; Prof. L. A. Kalinnikov (I. Kant Baltic Federal University, Russia); Prof. B. Dörflinger (University of Trier, Germany); Prof. N. V. Motroshilova (Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences); Prof. T. I. Oizerman, fellow of the Russian Academy of Sciences (Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences); Prof. W. Stark (University of Marburg, Germany)

Editorial board

- Prof. L. A. Kalinnikov (I. Kant Baltic Federal University) — editor-in-chief; Prof. V. A. Bazhanov (Ulyanovsk State University); Prof. V. N. Belov (The Peoples' Friendship University of Russia); Prof. V. V. Vasilyev (Lomonosov Moscow State University); Prof. N. A. Dmitrieva (Moscow State Pedagogical University); A. S. Zilber (I. Kant Baltic Federal University) — international liaison; Prof. V. A. Konev (Samara University); Prof. I. D. Koptsev (I. Kant Baltic Federal University); Prof. A. N. Kruglov (Russian State University for the Humanities); Dr A. I. Migunov (Saint-Petersburg State University); A. G. Pushkarsky (I. Kant Baltic Federal University) — executive editor; Prof. D. N. Razeyev (Saint Petersburg State University); Prof. T. G. Rumyantseva (Belarusian State University); Prof. M. E. Soboleva (University of Marburg, Germany); Prof. G. V. Sorina (Lomonosov Moscow State University); Dr V. A. Chaly (I. Kant Baltic Federal University); Prof. K. F. Samokhvalov (Sobolev Institute of Mathematics of the Russian Academy of Sciences); Prof. S. A. Chernov (Bonch-Bruevich Saint-Petersburg State University of Telecommunications)

Ссылки на оригинальные тексты Канта приводятся по изданию: *Kant I. Gesammelte Schriften* (Akademie-Ausgabe). В., 1900 ff. — и оформляются в тексте статьи следующим образом: [АА, XXIV, S. 578], где римскими цифрами указывается номер тома данного издания, а затем дается страница по этому изданию. Ссылки на «Критику чистого разума» оформляются по этому же изданию, например: [А 000] — для текстов из первого издания, [В 000] — для второго издания или [А 000 / В 000] — для фрагментов текста, встречающихся в обоих изданиях.

СОДЕРЖАНИЕ

Рецепции философии Канта

<i>Калинников Л. А.</i> Фундаментальная идея государственного права Канта в «Борисе Годунове» Пушкина	7
<i>Боброва А. С.</i> Идеи теоретической философии Канта в графической теории Пирса	24

Неокантианство

<i>Дмитриева Н. А.</i> Вокруг «Социальной педагогики» Пауля Наторпа: В. Ф. Динзе в полемике о национальном воспитании. Часть 1	38
--	----

Публикации

<i>Кант И.</i> Естественное право Файерабенда. Введение (окончание, пер. с нем. Л. Э. Крыштон)	55
<i>Крыштон Л. Э.</i> Лекции Канта по естественному праву: справедливость и совесть	63
<i>Швейцер А.</i> Философия религии Канта (от «Критики чистого разума» до «Религии в пределах только разума»). Часть I (продолжение, пер. с нем. В. Х. Гильманова)	73

Разыскания. Архивы. Документы

<i>Костяшов Ю. В.</i> Кёнигсбергский кафедральный собор и могила Иммануила Канта в советском Калининграде	79
---	----

Обзоры и рецензии

<i>Мелих Ю. Б.</i> Иррациональное расширение философии Канта в России (<i>В. Н. Белов</i>)	103
--	-----

CONTENTS

Receptions of Kant's philosophy

<i>Kalinnikov L.</i> Kant's fundamental idea of state and law in Pushkin's Boris Godunov.....	7
<i>Bobrova A.</i> Ideas of Kant's theoretical philosophy in Peirce's graph theory.....	24

Neokantianism

<i>Dmitrieva N.</i> Paul Nathorp's social pedagogy: V. Dinze in the polemic on national education. Part 1	38
---	----

Publications

<i>Kant I.</i> Feyerabend's Natural Law Notes. Introduction. Part 2 (<i>translated from the German by L. Krysh-top</i>)	55
<i>Krysh-top L.</i> Kant's lectures on natural law: Justice and conscientiousness	63
<i>Schweitzer A.</i> Kant's philosophy of religion (from <i>Critique of Pure Reason to Religion within the Boundaries of Mere Reason</i>). Part 1 (<i>translated from the German by V. Gilmanov</i>)	73

Research. Archives Documents

<i>Kostyashov Yu.</i> Königsberg Cathedral and Kant's tomb in Soviet Kaliningrad.....	79
---	----

Reviews

<i>Melikh Yu.</i> Irrational expansion of Kant's philosophy in Russia (<i>V. Belov</i>)	103
---	-----

УДК 1 (091)

**ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
ИДЕЯ
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПРАВА КАНТА
В «БОРИСЕ ГОДУНОВЕ»
ПУШКИНА**

Л. А. Калинин*

Аргументировано влияние философско-правовых идей Канта на А. С. Пушкина в ходе его работы над трагедией «Борис Годунов». Мысль Канта о том, что народ – это единственный монарх, носитель законодательной власти в государстве, построенном на принципах права, является основополагающей идеей трагедии. Во время создания «Бориса Годунова» А. С. Пушкин изучал «Критику способности суждения» Канта, а также знакомился с рядом работ, посвященных его гносеологической теории. В трагедии он не только сам руководился государственно-правовой идеей – кантизмом, но и стремился сделать ее абсолютно очевидной: лишь народ – правитель, только он источник всей полноты государственной власти и единственный носитель власти законодательной. Беда народа в том, что он этого не осознает, и обязанность образованного сословия сделать это народу известным, учить и воспитывать его. Вне этого народного самосознания нет и не может существовать права как такового – есть только деспотизм, только тирания.

Ключевые слова: *принципы государственного права, монарх, «Метафизика нравов» И. Канта, гносеология искусства, трагедия «Борис Годунов».*

Художественный язык сам по себе никогда не бывает адекватным выражением того, что он передает; главное в искусстве – заключенное в нем невысказанное содержание.

*Альберт Швейцер.
Иоганн Себастьян Бах*

Уже много было сказано о том, что А. С. Пушкин не просто мог быть знаком, но был знаком с основополагающими идеями системы великого кёнигсбергского философа. Доказательства этого год от года ширятся; правда, скептиков это все равно не убеждает, и они твердят, что имя Канта появляется на исписанных пушкинской рукой страницах лишь как дань моде, случайно, без сколь-либо серь-

* Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта, 236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14.

Поступила в редакцию: 23.10.2016 г.

doi: 10.5922/0207-6918-2016-4-1

© Калининков Л. А., 2016

езных оснований. Например, рецензент моей монографии «Кант в русской поэзии» (Марков, 2009, с. 354–356) утверждает, что Кант упомянут в лицейских стихах

Друзья, почто же с Кантом
Сенека, Тацит на столе
Фольянт над фолиантом? (Пушкин, 2001, с. 26)

лишь для красного словца, всуе, а вовсе не потому, что при изложении нравственной философии Канта профессора, как правило, обращаются к сравнению ее со стоической теорией морали. Лицейские профессора вряд ли были здесь исключением. Может, конечно, при этом всплыть имя Зенона-стоика или Посидония, но Сенеки или Марка Аврелия — все же вероятнее, поскольку это латынь, язык учебный, а «Нравственные письма к Луцилию» и «Наедине с собой» — неперенные источники учебных текстов. Пара имен — Кант и Сенека — образует довольно устойчивое в таких ситуациях сочетание, где ведущая роль принадлежит Канту: идеи Сенеки не станут пояснять Кантовыми идеями, обратное же происходит постоянно. Нужно, конечно, учитывать, по-моему, и тот факт, что при перечислении фолиантов Пушкину надо было показать всю историческую широту лицейской программы, и знаменательно, что современность представлена не кем иным, как Кантом. Если бы для многих лицеистов не было естественным иметь книги Канта, поэт не стал бы его упоминать. В их студенческой жизни значение Канта явно превосходило значение, например, Фихте или Шеллинга и менее известных и, главное, имеющих меньшее влияние в университетской жизни Европы, а следовательно, и России.

Я уже имел возможность отметить значение для Пушкина и его друзей-лицеистов профессора-кантианца Александра Петровича Куницына, читавшего лекции по юриспруденции. Пушкин слушал его курсы энциклопедии права, права естественного, гражданского права. По двум последним курсам он сдавал выпускные экзамены (Томашевский, 1956, с. 675, 678). Царскосельский лицей готовил своих выпускников к государственной службе и давал им универсальное и особенно основательное юридическое образование.

Именно поэтому проблемы функционирования государства, неотъемлемые от проблем политики, права и морали, были в центре внимания поэта на протяжении всей его жизни и составляли движущий нерв его творчества. Разумеется, сама жизнь русского общества делала эти проблемы центральными в его — общества — социально-политическом и духовном бытовании. Выпускник лицея оказался в этом отношении очень хорошо подготовленным.

1. Второй, основной, этап духовного развития А. С. Пушкина

Те два или два с половиной года после выхода из лицея, а затем годы южной и михайловской ссылки были периодами стремительного духовного созревания в резко расширившемся круге общения бывшего лицеиста. Следствием этого расширения стала определенная внутренняя переориентация сознания поэта, начатая еще в лицее, с культуры французской на англо-германскую. Может быть, эту мысль нужно выразить несколько ос-

торожнее и говорить не столько о переориентации, сколько о существенном дополнении интересов, поскольку лицей внес кантианскую закваску в сознание поэта и в то же время мысли о событиях и особенно последствиях Французской революции продолжали занимать его. И в годы ссылки он продолжал изучать книги французских историков революции, анализировавших ход великого события, и мыслителей, обдумывающих его результаты. Тем не менее люди с душою «геттингенской» в ближайшем окружении поэта стали превалировать, и этот перевес сохранился как в Одессе, так и в Кишеневе и в дальнейшем только рос.

Пушкин сам отмечал происходившие изменения. Особенно определенно он пишет об этом в послании «Чаадаеву» (1821 года):

В уединении мой своенравный гений
Познал и тихий труд, и жажду размышлений.
Владею днем моим; с порядком дружен ум;
Учусь удерживать вниманье долгих дум;
Ищу вознаградить в объятиях свободы
Мятежной младостью утраченные годы
И в просвещении стать с веком наравне.
Богини мира, вновь явились музы мне
И независимым досугам улыбнулись;
Старинный звук меня обрадовал — и вновь
Пою мои мечты, природу и любовь,
И дружбу верную, и милые предметы,
Пленявшие меня в младенческие леты,
В те дни, когда, еще не знаемый никем,
Не зная ни забот, *ни цели, ни систем,*
Я пеньем оглашал приют забав и лени
И царскосельские хранительные сени (Пушкин, 2001, с. 131 – 132).

Я выделил здесь курсивом два стиха, ясно говорящие о направлении происходивших перемен в душевном строе и самом содержании сознания их автора. За семь лицейских лет, особенно за годы после Отечественной войны 1812 года, просвещение ушло вперед, надо было наверстывать упущенное. Модными за это время стали новые имена, новые знания, новые книги. Произошло то, что в наиболее образованных кругах русского общества начало формироваться критическое, более трезвое отношение к французскому Просвещению как духовному движению, вызвавшему столь мощные и разнонаправленные социальные потрясения, перетряхнувшие феодальную Европу, что однозначной оценке они никак не поддавались. На эту оценку начало накладывать свою печать кантианство и выросший из него немецкий трансцендентальный идеализм. Помимо самого Канта заявили о себе Фихте, Шеллинг, несколько позднее Гегель и их многочисленные поклонники. Классицизм и так называемый просветительский реализм сменились в искусстве романтизмом. Романские духовные приоритеты поменялись на англо-германские.

Все это надо было узнать, осмыслить, суметь сориентироваться в новой обстановке, о чем Пушкин и сообщает старшему другу, давно приобщившемуся к европейской моде. Обращает на себя внимание отмечаемая по этому необходимости обстоятельного знакомства с *системами* как новым в духовной культуре явлением. Действительно, философия эпохи Просвещения не носила системного характера. Системность и логическая последовательность в ней разрушалась фундаментальными противоречиями

двух родов. В онтологических основаниях просветительской философии это было противоречие между физической природой, подвластной механическим законам, сформулированным Ньютоном, и миром социально-разумным, человеческим, где ньютоновские закономерности и принципы были абсолютно бессильны. В гносеологических же основаниях зияла аналогичная непроходимая пропасть между эмпиризмом и рационализмом. Оба эти противоречия разрешались в философской системе Канта. Именно этим великим кенигсбергским профессором и мыслителем была построена *первая действительная система философии*. Необходимость для философии быть системной провозглашена в «Критике чистого разума». За ним последовали и Фихте, и Шеллинг... Система стала идеалом философского построения. Кант и здесь был пионером, и здесь он совершил нечто в виде «коперниканского переворота». Мимо внимания Пушкина эта новость в философии, как видим, не прошла и заставляла возвращаться поэта к тому, что он знал о Канте и узнавать новое.

Теоретическая и практическая философия Канта обстоятельно рассматривалась в статьях и книгах французского историка философии Виктора Кузена, охотно знакомившего русскую публику с новейшими течениями в европейской философии. Статьи его печатали русские журналы, тома истории философии В. Кузена были в библиотеке Пушкина. Академик М. П. Алексеев, много сделавший для выяснения источников знакомства А. С. Пушкина с новейшими явлениями европейской культуры его времени, писал о нем: «Французский философ-электик Виктор Кузен (1792–1867) пользовался в России широкой известностью в 20–30-е годы. В "Московском телеграфе" Кузена деятельно пропагандировал Н. Полевой, называвший его "первым профессором истинной философии во Франции" и печатавший в переводах отдельные лекции из его курса истории философии; лекции Кузена печатались также в "Атенее" М. Г. Павлова, отмечавшего, что он помещает их в своем журнале "с тем большим удовольствием", что "в бытность в Париже сам пользовался лекциями сего философа"; они рецензировались в "Московском вестнике". Кузеном и его трудами тогда же интересовались А. И. Кошелев, И. В. Киреевский, П. Я. Чаадаев и др.» (Алексеев, 1984, с. 408). Всё это люди из ближайшего окружения Пушкина, включая и редакторов журналов. Особенно активно переводились статьи и лекции по новейшей *немецкой* философии, а Кузен считал одной из своих заслуг знакомство французской и русской публики с философией Канта.

Пушкин тщательно изучал книги Жермены де Сталь «О литературе, рассмотренной в связи с общественными установлениями», «Рассмотрение основных событий Французской революции», «О Германии», которая многократно обращалась к Канту и с позиций его практической философии давала оценку событий Французской революции. Информация о Канте стекалась к нему разнообразными путями, а хорошо известно, как прочно такого рода сведения усваивались и систематизировались в его сознании. Об этом есть многочисленные свидетельства его современников.

Вообще 10–30-е годы XIX века были временем, когда в русском обществе имя Канта оказалось в первый раз модным, привлекавшим всеобщее внимание. Его философские идеи широко обсуждались, поскольку на фоне привычной галантной французской мысли звучали необычно ново; в журналах по их поводу разгоралась жаркая полемика, а нам хорошо известно, с какой страстью полемизируют наши соотечественники, особенно если предмет спора каким-то образом их хоть чуть-чуть касается.

2. Вопрос гносеологический, а не политический

Обычно исследователями творчества великого поэта не ставится в связь одновременность появления из-под его пера знаменитой трагедии «Борис Годунов» и небольшого и на ее фоне кажущегося совершенным пустяком философского стихотворения «Движение», названного Пушкиным в письме П. А. Вяземскому «эпиграммой». И не ставится напрасно, по-моему. Вяземский поместил его в издание, осуществленном М. Погодиным, под названием «Уrania. Карманная книжка на 1826 год для любителей и любителей русской словесности» (М., 1826). М. П. Алексеев, исследовавший историю появления стихотворения и разыскавший адресата эпиграммы, писал: «Очень вероятно, что о Зеноне и о выдвинутых им доказательствах против движения Пушкин знал еще из лицейских лекций А. И. Галича, тем не менее мы предполагаем, что непосредственным поводом для возникновения эпиграммы "Движение" явилась статья В. Ф. Одоевского, написанная им в четвертой части альманаха "Мнемозина" под заглавием "Секта идеалистико-элеатическая" и представлявшая собой отрывок из задуманного им "Словаря истории философии"» (Алексеев, 1984, с. 71). Он установил, что источником анекдотического факта был для Пушкина «Исторический и критический словарь» Пьера Бейля, само наличие всех шестнадцати томов которого в его библиотеке, так же как и восьмитомной истории философии В. Кузена, говорит о его постоянном внимании к философии и немалой философской начитанности. Пушкин принял во внимание спорность в его время имени того мудреца, что прошелся перед Зеноном Элейским, поскольку Бейль писал, что им не мог быть Диоген-киник по хронологическим соображениям¹. Поэт в своей эпиграмме вообще обошелся без имен.

Что же вызвало несогласие Пушкина в оценке В. Ф. Одоевским заслуг элейской школы в философии? Почему статья его в «Мнемозине» заслужила эпиграмматический отклик? Смысл статьи-повода М. П. Алексеев изложил следующим образом: «С точки зрения Одоевского, Зенон своими доказательствами "приводил в затруднение защитников опытности"; в частности, парадокс о покое летящей стрелы казался ему хитроумным софизмом, в котором с издевательской целью доводились до явной бессмыслицы собственные аргументы противников древнего философа — ионийских эмпириков. Это была, так сказать, компрометация эмпиризма на самой заре европейской науки, как полагал Одоевский вместе со многими другими философами-идеалистами своего времени... Пушкин не разделял подобных воззрений...» (Алексеев, 1984, с. 77).

Приведем же саму эпиграмму:

Движение

Движенья нет, сказал мудрец брадатый.
Другой смолчал и стал пред ним ходить.
Сильнее бы не мог он возразить;
Хвалили все ответ замысловатый.

¹ Сейчас на роль этого мудреца претендует киник Антисфен (см.: *Фрагменты ранних греческих философов*. Ч. 1. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. М., 1989. С. 302, где этот анекдот изложен).

Но, господа, забавный случай сей
Другой пример на память мне приводит:
Ведь каждый день пред нами солнце ходит,
Однако ж прав упрямый Галилей (Пушкин, 2001, с. 196).

Алексеев считает, что Пушкин совершенно самостоятельно, «смело и неожиданно» переводит проблему в новую плоскость и «ставит один из самых существенных вопросов гносеологии» (Алексеев, 1984, с. 81). Мне же кажется, что наряду с фактическим источником эпиграммы, каковым Алексеев указал словарь Пьера Бейля, можно ставить вопрос и об *идейном* источнике ее и что таковым является гносеологическая концепция Канта.

Аргументами могут быть два обстоятельства. Первое заключается в том, что поэту была хорошо известна точка зрения Виктора Кузена: апории Зенона прекрасно разрешаются математическими антиномиями «Критики чистого разума». Кант, с его точки зрения, справился с задачей наилучшим образом из всех тех, кто к ней обращался. Вторым же таким обстоятельством является как раз пришедшаяся на 1819–1824 годы весьма острая дискуссия о философии Канта между Яном Снядецким и Василием Петровичем Андросовым в ведущем петербургском журнале «Вестник Европы», редактировавшемся М. Каченовским. Основой спора стали именно проблемы гносеологии. Полемика эта имела в русском обществе широкий отклик², обсуждалась даже в заседании Вольного общества любителей российской словесности. Пройти мимо внимания Пушкина эта широкая и громкая дискуссия никак не могла.

Начавший ее Ян Снядецкий в статье «Общие замечания по предмету науки об уме человеческом и общий взгляд на состав Кантовой науки» с позиций эмпиризма в выражениях не только не уважительных, но, как пишет В.П. Андросов, «со всею надменностью самоуверенности» и «унижая заслуги Канта и оскорбляя достоинство Любомудрия», по отношению к Канту даже грубо развенчивает незаслуженную славу. Например, один из сравнительно мягких пассажей гласит: «После того как Бэкон, Локк, Лейбниц, Даламбер и другие так хорошо объяснили способности и действия души, Кант поднимает из гроба неудовлетворительное учение Платоново; разрушает весь порядок и зависимость сил душевных, принимая простое мнение за доказательство; убирает оные силы прикрасами Схоластиков, давно уже от всех презренными; изобретает свое *absolutum*; способностям души приписывает какие-то влитые от природы *a priori* начала и виды, которых никто в себе не ощущает, никто даже постигнуть не может; одним словом, мешает мечтания и странности с простым, хотя впрочем недостаточным, учением Платона — вот в чем состоит его *сущность дела*» (Снядецкий, 1979, с.113).

В.П. Андросов с полным достоинством рассмотрел и отвел все критические претензии Снядецкого и показал, что Кант сумел разрешить казавшееся вечным противоречие эмпиризма и рационализма. Для своего времени он удивительно точно интерпретировал взаимодействие чувственности, рассудка и разума, представленное в трех важнейших разделах «Критики чистого разума»: эстетике, аналитике и диалектике, — как строго сис-

² Основные полемические статьи и их оценка даны в публикации З.А. Каменского в 4-м выпуске ежегодника «Вопросы теоретического наследия Иммануила Канта» (Калининград, 1979. С. 107–139), преобразованного в 2008 году в специальный журнал.

темное. Вполне справедливо Андросов заметил, что непонимание, на которое жалуется Снядецкий, надо относить не на счет Канта, а на его собственный. Сам Андросов излагает Канта понятным языком, несмотря на не устоявшуюся еще терминологию, и даже не без изящества. Обращает на себя внимание суждение, что «Пифагор и до него еще Вавилоняне также утверждали, что солнце стоит неподвижно в центре нашей планетной системы; но можно ли по сей причине систему Коперника назвать *смесью старинных мудрствований*? Сказать что-нибудь и даже истину — мало значит; надобно доказать целою системою» (Андросов, 1979, с.127). Да, идеи разума есть и у Платона, но то ли они, что идеи Канта? Идеи Платона образуют собственный замкнутый мир, тогда как идеи у Канта находятся в сложных отношениях как с чувственно данной, так и умопостигаемой реальностью.

Андросов обратился к именам Пифагора и Коперника; почему не воспользоваться киником Антисфеном и Галилеем? Дела не меняет тот факт, что у Андросова *сопоставляется* сходная точка зрения Пифагора и Коперника, а у Пушкина точки зрения Антисфена-кинника и Галилео Галилея — *противопоставляются*, как противопоставляются тезис и антитезис в антиномиях Канта. Из пушкинской эпиграммы видно, что его точка зрения на познание близка андросовской. Суть дела — в системе, когда разумное, умопостигаемое не отменяет и не исключает чувственное, а находит ему место необходимого элемента системы при том условии, что *система создается только разумом*, который направляет и исправляет чувственность, а не наоборот.

3. Политика совместно с гносеологией и эстетикой

Я чувствую, что мои духовные силы достигли
полной зрелости, я могу творить.

А. С. Пушкин — Н. Н. Раевскому 30 июля 1825 года

Трагедия «Борис Годунов» занимает в творчестве А. С. Пушкина особое место. Это поворотная точка, когда понадобилась ему вся мощь его поэтического гения, когда в русской культуре родилось произведение, стоящее вне традиционных художественно-эстетических стилей, сменяющих друг друга, но неизменно устанавливающих свой канон нового стиля, творчески преобразовывающего прежний. С «Борисом Годуновым» родился в русском искусстве *индивидуально-авторский стиль*, в конкретном произведении проявил себя совершенно особый, уникальный художественный мир — художественный мир Пушкина.

В своей монографии «Э. Т. А. Гофман и И. Кант: Преодоление романтизма» (Калининков, 2012) я предложил различать в ходе эволюции искусства инновации двух родов, по аналогии с инновационными мутациями в морфологии живых организмов, введенных в теорию эволюции академиком А. Н. Северцовым. Один род инноваций аналогичен *идеоадаптациям*, поскольку здесь один стиль сменяется новым, но нет выхода за границы движения искусства в стилевых рамках вообще; второй же род инноваций аналогичен *ароморфозам*, переходу к принципиально новому состоянию искусства, когда формируется индивидуальный стиль автора, в котором все прежние формы и стили в качестве материала служат совершенно новой художественной задаче. Пушкин такую новую для искусства задачу

ставит в трагедии «Борис Годунов». Традиционно считается, что этот стиль с его новыми задачами есть реализм (Гуковский, 1957). Новые создаваемые Пушкиным художественные формы вовсе не исключают реализма, или даже критического да и социалистического реализма, но его собственный индивидуальный стиль сложнее и потенциально наполненнее новыми интенциями, в сути своей бесконечными. Становление реализма — это движение по пути художественной идиоадаптации, движение искусства по инерции к формированию нового стилевого после романтизма канона; и эти возможности тоже, разумеется, заложены в индивидуально-стилевых потенциях революционно нового состояния искусства, нимало не исчерпывая его. Из Пушкина реализм может вырасти с тем же успехом, что и, например, символизм.

Что же такое сошлось в этой трагедии, что сделало ее совершенно новым проявлением возможностей искусства?

Трагедия явилась результатом разносторонних духовных поисков, проникнутых единой целевой доминантой.

3.1. Философия политики и права

Этих разных сторон оказалось, по крайней мере, три. Во-первых, это неустанные размышления и изучение проблем философии истории и философии права. По сути дела, поэт получил специальность по этим предметам в лицее, а для России они стали актуальнейшими, особенно после войн с Наполеоном, после знакомства русской армии с преобразованной сначала революционными, а затем наполеоновскими войнами Европой. Последствия «Кодекса Наполеона» уже нельзя было выветрить никакими усилиями Священного союза. Разговоры о необходимости для России конституции удалось загнать в подполье, но даже Николай I справиться с реформистской идеологией (в России даже она звучала революционно) был бессилён: идеи, овладевшие умами, нельзя вытравить никакими полицейскими мерами.

О том, что опорой своих размышлений над актуальными политическими вопросами Пушкин находил в лицейском ещё знакомстве с Кантом, свидетельствует ода «Вольность», где нашли поэтическое выражение идеи курса естественного права А.П. Куницына. В оде проводится мысль, что благополучие народа, общества прямо зависит от того, лежит ли в основе позитивного права право естественное. Общество процветает, если это так, и погрязает в хаос или оцепеневает, если нет:

Лишь там над царскою главой
Народов не легло страданье,
Где крепко с Вольностью святой
Законов мощных сочетанье;
Где всем простерт их твердый щит,
Где сжаты верными руками
Граждан над равными главами
Их меч без выбора скользит
И преступленье свысока
Сражает праведным размахом;
Где неподкупна их рука
Ни алчной скупостью, ни страхом (Пушкин, 2001, с. 100).

Уже здесь (на это нельзя не обратить внимание) находит выражение фундаментальная идея Кантовой философии права — только под «царской главой народов» процветает общество, только народ как целое и есть сам над собой *царь*; он (народ) суверен, властитель, над ним нет и не может быть иной власти, кроме той, которую он сам для себя устанавливает. В этом вся суть раздела «Государственное право» «Метафизики нравов». Кант говорит в нем, что нельзя путать понятия *монархическая власть* и *автократическая власть*. Если употреблять понятие «монарх» правильно, то надо вкладывать в него следующий смысл: «*Монарх* — это тот, кто обладает *высшей* властью, *автократ* же, или *самодержец*, — тот, кто имеет *всю* власть...» (Кант, 1965, с. 265). Высшая же власть — это власть законодательная, которой подчинена как власть правительственная, исполнительная, так и власть судебная. Правильно построенное государство предполагает обязательное разделение властей. Поэтому Кант здесь и пишет: «Властитель народа (законодатель), следовательно, не может быть одновременно *правителем*, так как правитель подчиняется закону и связан им...» (Кант, 1965, с. 235). «...Объединенный народ... сам *есть* суверен; ведь именно у него (у народа) в руках первоначально находится верховная власть, производными от которой должны быть все права отдельных лиц просто как подданных (во всяком случае как служащих государства)...» (Кант, 1965, с. 268).

Законы естественно-правовые обязаны сочетаться с законами положительного права при общей опоре на «Вольность святую», то есть на мораль.

Опираясь на эти положения философии права, А. С. Пушкин продолжает:

Владыки! Вам венец и трон
Дает Закон — а не природа;
Стоите выше вы народа,
Но вечный выше вас Закон.
И горе, горе племенам,
Где дремлет он неосторожно,
Где иль народу, иль царям
Законом властвовать возможно! (Пушкин, 2001, с. 101).

Царям (и здесь уже слово это означает автократов, самодержцев), когда они властвуют законами, а не подчиняются их власти, грозит смертельная опасность, что и случилось с Людовиком XVI:

Молчит Закон — народ молчит,
Падет преступная секира (Пушкин, 2001, с. 101).

И императоры Петр III и Павел I убиты при полной безучастности народа... Закон и есть народ, молчание народа — это молчание власти, ее отсутствие, вступление в силу безвластия, анархии, зла.

Но и народу властвовать Законом — означает возвратиться к естественному состоянию, к дикости, где секира вообще может упасть на кого угодно, без разбора и цели. Опыт не только Французской революции говорит об этом. Человек стал человеком только с того момента, когда установил для себя Закон. Ведь закон «Вольности святой» — это признание самим собой над собой и для себя принятого народом закона. По сущности закон свободы — это закон морали, но содержанием своим он сразу же облекается в правовую одежду, содержит в себе начала права. Он возможен только как

всеобщий акт, как акт всех, что и соответствует идее *общественного договора*, представляющей собой, разумеется, *регулятивную*, а не *конститутивную* идею практического разума, вовсе не требующую реального исторического акта.

И если уж речь зашла об оде «Вольность» и ее *философской основе*, то следует сказать, что патетическое обращение к «самовластительному злодею» имеет в виду не конкретного исторического самодержца, а автократа, тирана вообще под нарицательным именем Калигулы, любого деспота, узурпировавшего всю государственную власть. В этом случае она и не может быть надежной: государственные перевороты, сопряженные со смертью тиранов, происходят один за другим, самозванцы появляются постоянно. На страже самодержцев должен бы, согласно священному праву, стоять Господь; но и Он понимает, что имеет дело с фактическим деспотизмом, а не с правом и законом, а потому заговорщикам, как правило, даже помогает. Одно самовластье легко сменяется другим, поскольку при самодержавном строе закон предстает в качестве воли самодержца. Подлинный же *Закон молчит*, так как *молчит* находящийся не у дел *народ*, реальный носитель Права.

Проблема власти остается в центре внимания великого поэта и историка на пространстве всего творческого пути: и в «Борисе Годунове», и в «Истории Пугачева» и «Капитанской дочке» в качестве единого исторического и художественного целого, и в «Медном Всаднике».

3.2. Проблемы гносеологии

Во вторых, важной стороной духовных интересов, тесно связанных с философией истории и права, оказалась собственно философия, сердцевина ее — гносеология. Ни история, ни право не могут быть поняты без обращения к способам их познания. Священная история и история философская, так же как священное право и теория права естественного и производного от него позитивного права, требуют универсального взгляда на мир и такого же взгляда на природу знания. Что Пушкин не только проявлял интерес, но и много занимался философией и историей философии, мы уже знаем. Его чрезвычайно занимал вопрос о познавательных возможностях искусства, о соотношении искусства и науки. Без знания познавательных способностей и их возможностей, их взаимодействия в процессе восприятия мира и его познания ответить на эти вопросы невозможно!

Пушкин очень скоро после окончания лицея осознал, что поэзия — все не средство развлекать скучающих без серьезного дела людей, что искусство способно оказывать влияние на общественные процессы и что поэт имеет в мире высокое предназначение.

Всякий образованный, интеллигентный человек обязан содействовать совершенствованию мира, но художник, поэт располагает здесь особыми возможностями. Природа этих возможностей и их границы — вопрос философский, а потому философия всегда Пушкина интересовала.

В готовящейся им статье «О народной драме и драме Погодина «Марфа Посадница», задаваясь вопросом: Что нужно драматическому писателю? — Пушкин отвечал: «Философию, бесстрашие, государственные мысли историка, догадливость, живость воображения. Никакого предрассудка, любимой мысли. *Свобода*» (Пушкин, 2001, с. 1342). Философия не даром стоит здесь на первом месте. Важность и значимость ее не только в ней самой,

и во всех остальных нужных драматическому писателю качествах она присутствует составляющей их частью. *Бесстрашие* — качество философское, *догадливость* и *живость воображения* подталкиваются и питаются философией, *государственные мысли историка* требуют такой степени обобщения, какая без философии не возможна, не говоря о *свободе* — явлении морально-философском. Все эти соображения поэт развивал явно в связи с работой над трагедией «Борис Годунов», они были насущно актуальны, так как трагедия была реализацией совершенно новых возможностей жанра, требующей нового метода, новой стилистики.

Волей-неволей возникала необходимость сравнения философии французского Просвещения с новомодной немецкой. Вот что писал Пушкин в своем «Современнике» в полемической статье «Мнение М.Е. Лобанова о духе словесности как иностранной, так и отечественной», отмечая, что поэзия наша «более и более дружится с поэзией германскою»: «Теория наук освободилась от эмпиризма, возымела вид более общий, оказала более стремления к единству. Германская философия, особенно в Москве, нашла много молодых, пылких, добросовестных последователей, и хотя говорили они языком мало понятным для непосвященных, но тем не менее влияние их было плодотворно и час от часу становится ощутительно» (Пушкин, 2001, с. 1221).

Еще раньше мысль о благотворности немецкой философии сформулирована была в «Путешествии из Москвы в Петербург» (Пушкин, 2001, с. 1367). Что речь идет прежде всего о кантовской философии, ясно уже из характеристики малопонятности и эзотеричности языка, на котором обсуждались проблемы философии в московских журналах. Не думаю, чтобы этот язык был для Пушкина непонятен. Теорию научного познания освободил от эмпиризма также Кант. Он здесь во всем первый. Уж если речь идет о германской философии, Кант в этом дискурсе никак отсутствовать не может. Имена Фихте и Шеллинга также не раз упоминаются Пушкиным, однако ясно, что при этом Кант всегда присутствует, и не только в уме... И в текстах: и художественных, и публицистических.

3.3. Эстетика и философия искусства

Наконец, в-третьих, для создания великой трагедии, может быть, даже решающую роль играли размышления ее автора над проблемами общественно-исторической действительности искусства; следовательно, над проблемами философской эстетики, риторики и поэтики. Вполне возможно, что эта третья составляющая факторов, благоприятствующих успеху, была главенствующей. В тех же подготовительных набросках «О народной драме и драме Погодина «Марфа Посадница», которые можно рассматривать как итог раздумий поэта, приведших к осуществлению трагедии, есть часто цитируемые слова: «Между тем как эстетика со времен Канта и Лессинга развита с такой ясностью и обширностью, мы все еще остаемся при понятиях тяжелого педанта Готшета; мы все еще повторяем, что *прекрасное* есть подражание прекрасной природе и что главное достоинство искусства есть *польза*» (Пушкин, 2001, с. 1342).

Слова эти удостоверяют с ясностью, что написаны они после обстоятельного знакомства с «Критикой способности суждения». Именно в ней, вопреки не только классицистской эстетике, но и эстетике романтизма,

развита идея, согласно которой не природа дает нам понятие *красоты*, но само это понятие формирует представление о красоте природы. Без искусства, вне его и помимо его невозможно видение прекрасной природы. Только в лоне искусства, только с его помощью приходит осознание красоты природных пейзажей, природных феноменов, служащих натюрморту. В этой же своей «Критике...» Кант решительно воспротивился мысли об утилитарном назначении искусства, о *пользе*, якобы и образующей понятие красоты. Его идеи «целесообразности без цели», «самоцельности» искусства стали для Пушкина руководящими принципами. В *искусстве решающую роль играет идеал поэта, соотносённый с истиной реальности*. К этому положению приходит величайший наш художник. По мысли А. А. Фета, А. С. Пушкин не просто поэт, но *поэт-мыслитель*. Опираясь на идеи «Критики способности суждения», он приходит к чрезвычайно важному, пожалуй основополагающему для искусства, тезису: истина факта, *правдоподобие*, не есть истина искусства, которая, если она действительно — истина, несет в себе суть множества фактов, *суть исторической жизни народа*. Именно это Пушкин имеет в виду, когда пишет: «Правдоподобие все еще полагается главным условием и основанием драматического искусства. Что если докажут нам, что и самая сущность драматического искусства исключает правдоподобие» (Пушкин, 2001, с. 1342). Оно, правдоподобие, есть результат сиюминутных впечатлений художника, руководимых всегда его непосредственным пониманием жизненной ситуации. Вот почему Пушкин пишет далее: «Не он, не его политический образ мнений, не его тайное или явное пристрастие должно было говорить в трагедии, но люди минувших дней, их умы, их предрассудки. Не его дело оправдывать, обвинять, подсказывать речи. Его дело воскресить минувший век *во всей его истине*» (курсив мой. — Л. К.) (Пушкин, 2001, с. 1345).

Хоть пишет в данном случае Пушкин о драматическом искусстве, о трагедии, но суждения его относятся к искусству как таковому во всех его формах и жанрах. Для «Бориса Годунова» он выбрал театральный жанр из-за его исторической и поэтической специфики. Он хотел обратиться не к одной только образованной публике и быть понятым как можно более широкой ее массой, но и к простому народу, к мещанской его части, как минимум.

Тот факт, что это максимально народный вид искусства, что «драматическое искусство родилось на площади» (Пушкин, 2001, с. 1340), сыграл здесь свою решающую роль. Поэт хотел быть понятым как можно более широкой публикой и понят не со стороны правдоподобия, а со стороны *всей истины* происходивших (и происходящих!) событий. Правдоподобие эмпирично, фактично, истина же искусства — это всегда идеальная мысль поэта, результат *теоретических раздумий* над художественным сюжетом, за которым система отношений, непосредственно чувствам не данная.

В трагедии это отношения «Человек и народ. Судьба человеческая, судьба народная» (Пушкин, 2001, с. 1342), которые без философии не могут быть ни восприняты, ни поняты и которые поэт все же обязан сделать понятными для той аудитории, что в состоянии понять его намерения.

Сама философия, конечно, должна быть хорошей философией, какой и оказывается немецкая классическая философия. Пушкин погружается в ее освоение с начала 20-х годов XIX века; лицей не мог обеспечить хорошее ее знание хотя бы уже потому, что в обществе в целом значение немецкой

философии осознается в те же 1820-е годы, когда уже из Канта выросли и Фихте, и Шеллинг, появились ранние работы Гегеля. Уже достаточно основательно познакомившись с нею, Пушкин мог написать: «Ничто не могло быть противоположнее поэзии, как эта философия, которой XVIII век дал свое имя» (Пушкин, 2001, с. 1322). Философия Просвещения оказалась слишком однобокой и поверхностной, в чем вина прежде всего ее *эмпиризма*. Она непримиримо сражалась с наличным положением дел во французском обществе, призывая общество решительно изменить это положение. Она не задумывалась над тем, что будет дальше, полагая, что все само собой образуется и мир, совершив re-evolution, вернется к золотому веку.

Опираясь на этот эмпиризм, французская литература реалистически основательно описывала пороки феодального общества и абсолютистского государства. «Персидские письма» Монтескьё, «Монахиня» Дидро, страдания Юлии и Сен-Пре в романе Руссо, не говоря уже о Вольтере-художнике, дают самую правдивую характеристику состояния государства и общества.

Однако слишком плоской оказалась как философия, так и искусство. Уже во Франции XVIII века, а тем более во второй его половине, можно было видеть фактически наличествующими и достоинства и пороки нового строя, который уже готов прийти на смену старому; но, чтобы только увидеть их, нужно осознанно философски исходить из примата умопостижаемого над чувственно-непосредственным, априорно-теоретического над фактуально-эмпирическим. Просветители-философы, просветители-художники имели противоположную точку зрения. Для всматривания в историческую глубину она не годилась: что все кончится тем же, с чего и началось, — властью реставрированных Бурбонов, — это было за ее горизонтом.

Изучивший историю Французской революции А. С. Пушкин понял: совершивший революцию народ Франции не стал обладателем плодов революции.

4. «Невысказанный» смысл трагедии «Борис Годунов»

Жуковский говорит, что царь меня простит
за трагедию — навряд, мой милый. Хоть она и в
хорошем духе писана, да никак не мог упрятать
всех моих ушей под колпак юродивого, торчат!

А. С. Пушкин — П. А. Вяземскому. Около 7 ноября 1825 года

Трагедия А. С. Пушкина изучена, проинтерпретирована и прокомментирована со всех возможных сторон литературоведами самыми высококвалифицированными, и тем не менее интерес к ней не иссякает да и не может иссякнуть. Великая классика остается образцом и каноном прежде всего бесконечностью вложенных в нее смыслов, над ней не властно время. Это и есть ее главная тайна: как можно быть актуальной для своего времени и оставаться таковой всегда, на все времена?

Я уверен, что к тайне этой причастна философия, *философские раздумья и поиски* гениев великих творений искусства. Со времен Платона известно, что только идеи вечны, не вещи, не люди — только эйдосы их разума. Платон также полагал, что идеи неизменны и постоянны, но в этом можно уже усомниться. Не накапливают ли идеи энергии все новых и новых умов, которые и являются местом их обитания? Даже если считать, что ядро идеи —

всегда одно и то же, однако обрастает же оно оболочкой, покрывается же все более растущей и уплотняющейся кожей, взаимодействуя со средой своей? Идея свободы в разуме Платона и идея свободы теоретического разума (она же постулат разума практического) в разуме Канта явно не одна и та же. Видимо, и не были бы идеи вечными, не будь этих энергий бесконечной череды умов.

К идеям философии прикасаются умы великих художников, в которых философские идеи расцветают какими-то новыми цветами, обретают новую для философии среду.

Вернемся же к пушкинскому «Борису Годунову». Изучая трагедию с самых разных сторон, выдающийся филолог Г.О. Винокур обратил внимание на «тот многозначительный факт, что у Пушкина "народ" значит как отдельный персонаж в списке действующих лиц... и в таком же качестве фигурирует в авторских ремарках трагедии» (Винокур, 1999, с. 325). Обстоятельно развил эту идею академик Д.Д. Благой. Он писал: «Самым важным и значительным в идейной концепции пушкинской трагедии является та исключительно важная, можно сказать, единственная в своем роде во всей предшествовавшей и современной Пушкину мировой драматургии, роль, которая отводится им народу» (Благой, 1950, с. 464). Не Борис Годунов, не самозванец Григорий Отрепьев — главные герои трагедии, хотя она и названа именем царя; главный ее герой — народ. «Трагедия борьбы личностей, — писал Благой, — превратилась в трагедию совсем нового типа, трагедию, раскрывающую "судьбу народную"» (Благой, 1950, с. 489), то есть эпическую по складу своему, трагедию-эпопею.

Важнейшая эта мысль проведена Пушкиным всею композицией произведения, обладающей, по словам Д.Д. Благого, «прямо-таки стальной прочностью». И наблюдения Д.Д. Благого над особенностями композиции подтверждают ее: «Так, в начале трагедии непосредственному появлению перед зрителем самого Бориса предшествуют три сцены: одна — боярская... и две народные; три же сцены, и тоже одна боярская... и две народные даны поэтом в конце трагедии, после смерти Бориса. Равным образом самозванец появляется в первый раз пред зрителем в пятой сцене от начала, в последний раз — в пятой сцене от конца. <...> Таким построением, — делает он вывод, — лишний раз подчеркивается, что ни Борис, ни самозванец не являются главными героями пьесы, что "Борис Годунов" Пушкина — трагедия социальная» (Благой, 1950, с. 489), и я добавляю — философская.

Д.Д. Благой считает, что народ взрослеет на пространстве пьесы: «Если вторая народная сцена начала заканчивается восторженными кликами народа, приветствующего нового царя ("Борис — наш царь! Да здравствует Борис!"). — Л.К.), — вторая народная сцена конца завершается недвусмысленным и грозным безмолвствием народа» (Благой, 1950, с. 490). — Однако с выводом этим согласиться нельзя. Взрослеет ли? «Народ безмолвствует», этим решена судьба самозванца (предсказанная ему троекратным вещим сном еще в стенах Чудова монастыря), но далее-то что? Ведь далее — избрание нового царя, и все повторится?! Ведь будет самозванец Пугачев, будет 25 декабря... Мудрый Борис это уже давным-давно знает:

Живая власть для черни ненавистна.

Они любить умеют только мертвых... (Пушкин, 2001, с. 523).

Самодержавная власть и народ — враги. Прав Г.А. Гуковский, когда пишет о Пушкине, что «он хочет решить вопрос в принципе, не вопрос о данном царе, а вопрос о самодержавии в целом, — и этот вопрос он решает, опираясь на "мнение народное"» (Гуковский, 1957, с. 19) в том смысле, будто бы в идейном борении "царя и народа" в "Борисе Годунове" — побеждает народ» (Гуковский, 1957, с. 25).

Но побеждает ли? Ведь Пушкин заканчивает трагедию до исторической развязки событий знаменательным финалом «Народ безмолвствует» обдуманно: как народ, так и зрители остаются в неопределенном и нетерпимом положении, заставляющем думать...

Замена финальной сцены — народа, кричащего здравицу царю Дмитрию Ивановичу, на безмолвствующий народ — это великолепная находка Пушкина. Она высветила идею его ярчайшими софитами, оказалась тем последним штрихом, при котором идея трагедии засветилась изнутри.

Пушкин — великий художник — сделал своей трагедией совершенно очевидной ту мысль, которая задолго до трагедии нашла выражение в оде «Вольность»: народ и есть носитель всей полноты государственной власти, именно народ и есть *монарх*: любой царь обращается в ничто, стоит лишь народу не признать его таковым.

А вместо этого он бесправен, унижен, забит, безнаказанно ограбляем, лишен последней своей воли (с отменой Юрьева дня)...

Но не в этом суть трагедии по сравнению с «Вольностью» — она в том, что во всем этом народ сам и виноват: он сам отдает существенное в себе, что делает его народом, — власть законодательную. Трагедия в том, что *народ даже этого не осознает, он не знает, что он власть*. Безнадежный патернализм народа —

О Боже мой, кто будет нами править?
О горе нам! (на коленях. Вой и плач).
Ах, смилуйся, отец наш! Властвуй нами!
Будь наш отец, наш царь! (Пушкин, 2001, с. 518) —

сознание, что власть от Бога и выпадает его избраннику, — вот в чем величайшая трагедия народа русского. Кант назвал это «несовершеннолетием по собственной вине»: «Несовершеннолетие по собственной вине — это такое, причина которого заключается не в недостатке рассудка, а в недостатке решимости и мужества пользоваться им без руководства со стороны кого-то другого» (Кант, 1966, с. 27). «Леность и трусость» — главные причины этого, считает Кант; но Пушкин видит еще более глубокую причину. Она, конечно же, не «в недостатке рассудка», но в ущербности его содержания — в глубочайшем невежестве народа.

Излечение же от этих органических для истории русского народа болезней, — во-первых, осознание, что он и есть власть и, во-вторых, приобретение мужества этим знанием воспользоваться, — дело непростое и нескорое по историческим меркам. Затеявая революционные реформы, это надо иметь в виду, предупреждает Пушкин своих друзей-декабристов, надо эти реформы готовить: семь раз отмерь... Чтобы народ понял, что жить надо в *правовом государстве*, учредив для себя конституцию, надо долго этот народ воспитывать. Сейчас же, когда народ полностью лишен власти, ему или нет до нее никакого дела: велят заплакать — помажем слюной глаза, или будет он терпеливо ждать манны небесной от этой власти.

А это и есть та ситуация, когда созданы все условия для дворцовых переворотов, воцарения самозванцев, появления на царском престоле самых наглых из интриганов, подобных князю Василию Шуйскому. При этом передача престолонаследия от отца к сыну, династический принцип, ничем не лучше этих, так называемых *противозаконных*, способов обретения власти. Властная чехарда на русском престоле не прекратится еще долго, еще долго пребывать народу русскому в условиях неправового общества — вот неутешительный вывод Пушкина в «Борисе Годунове», вот в чем величайшая трагедия русского народа.

Как видим, Пушкин в его трагедии не только сам руководился государственно-правовой идеей — *кантизмом*, но стремился сделать ее абсолютно очевидной: только народ — *монарх*, только он источник всей полноты государственной власти и единственный носитель власти законодательной. Беда народа, что он этого не знает, и обязанность образованного сословия сделать это народу известным, учить и воспитывать его. Вне этого народного самосознания нет и не может существовать права как такового — есть только деспотизм, только тирания.

Список литературы

1. Алексеев М.П. К источникам «Подражаний древним» Пушкина // Алексеев М.П. Пушкин. Сравнительно-исторические исследования. Л., 1984.
2. Андросов В.П. Замечания на прибавления к статье о философии // Вопросы теоретического наследия Иммануила Канта. Калининград, 1979. Вып. 4.
3. Благой Д.Д. Творческий путь Пушкина (1813–1826). М. ; Л., 1950.
4. Винокур Г.О. Комментарии к «Борису Годунову» А.С. Пушкина. М., 1999.
5. Гуковский Г.А. Пушкин и проблемы реалистического стиля. М., 1957.
6. Калинин Л.А. Э.Т.А. Гофман и И. Кант. Преодоление романтизма. Калининград, 2012.
7. Кант И. Ответ на вопрос: «Что такое Просвещение? // Собр. соч. : в 6 т. М., 1966. Т. 6.
8. Кант И. Метафизика нравов // Там же. М., 1965. Т. 4 (2).
9. Марков А. Кант в русской поэзии (рец.) // Новое литературное обозрение. 2009. №95.
10. Пушкин А.С. Полн. собр. соч. в одном томе. М., 2001.
11. Снядецкий Ян. Общие замечания по предмету науки об уме человеческом и общий взгляд на состав Кантовой науки // Вопросы теоретического наследия Иммануила Канта. Вып. 4. Калининград, 1979.
12. Томашевский Б.В. Пушкин. Кн. первая (1813–1824). М. ; Л., 1956.

Об авторе

Леонард Александрович **Калинников** — доктор философских наук, профессор Института гуманитарных наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, kant@kantiana.ru

KANT'S FUNDAMENTAL IDEA OF STATE AND LAW IN PUSHKIN'S BORIS GODUNOV

L. Kalinnikov

The tragedy Boris Godunov occupies a unique place in A.S. Pushkin's oeuvre. It was a turning point, when the author needed the whole power of his poetical genius, when a work beyond traditional literary and aesthetic styles, which interchange and establish a canon of a new style that

transforms its predecessors in an act of creativity, appeared in Russian culture. Boris Godunov marked the birth of an individual author's style in Russian art. A unique literary world – the world of Pushkin – manifested itself in a work of art.

This article sets out to prove the influence of Kant's philosophical and legal ideas on A.S. Pushkin during the poet's work on Boris Godunov. Kant's thought that the people is the only monarch and that legislative power is vested in it in a rule-of-law state is the central idea of the tragedy. When working on Boris Godunov, Pushkin not only studied the Critique of Judgement but he also read Kant's works on epistemological theory. In his tragedy, Pushkin was guided by Kant's ideas of state and law and strived to make it obvious that the people is the only monarch and source of political and legislative power. The tragedy of the people is that it does not know it and the mission of the educated class is to make the people aware of its powers and educate it. Law cannot exist beyond the people's consciousness – everything else is despotism and a tyranny.

Key words: principles of state and law, monarch, Kant's Metaphysics of Morals, epistemology of art, Boris Godunov tragedy.

References

1. Alekseev M.P., 1984, K istochnikam «Podrazhanij drevnim» Pushkina // Alekseev M.P. *Pushkin. Sravnitel'no-istoricheskie issledovaniya* [Pushkin. Comparative historical research]. Leningrad, «Nauka».
2. Androsova V.P., 1979, Zamechaniya na pribavleniya k stat'e o filosofii // *Voprosy teoreticheskogo naslediya Immanuila Kanta. Vyp. 4* [Questions theoretical legacy of Immanuel Kant. Vol. 4], Kaliningrad.
3. Blagoj D.D., 1950, *Tvorcheskij put' Pushkina (1813 – 1826)* [Creative way of Pushkin (1813 – 1826)]. Moscow-Leningrad, USSR Academy of Sciences Publishing.
4. Vinokur G.O., 1999, *Kommentarii k «Borisu Godunovu» A.S. Pushkina* [Comments to "Boris Godunov" A.S. Pushkin]. Moscow.
5. Gukovskij G.A., 1957, *Pushkin i problemy realisticheskogo stilya* [Pushkin and the problems of realistic style]. Moscow.
6. Kalinnikov L.A., 2012, E.T.A. Gofman i I. Kant. *Preodolenie romantizma* [E.T.A. Hoffmann and I. Kant. Overcoming Romantic]. Kaliningrad.
7. Kant, I. 1966, Otvet na vopros: chto takoye Prosveshcheniye [Answering the Question: What Is Enlightenment?], in *Kant, I. Sobranie sochineniy v 6 tomah* [Collected works in 6 volumes], vol. 6, Moscow.
8. Kant, I. 1965, *Metafizika нравов* [The metaphysics of morals], in *Kant, I. Sobranie sochineniy v 6 tomah* [Collected works in 6 volumes], vol. 4(2), Moscow.
9. Markov A., 2009, Kant v russkoj poehzii (rec.) // *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2009, №95 [New Literary Review, 2009, №95].
10. Pushkin A.S., 2001, *Poln. sobr. soch. v odnom tome* [Complete Works in One Volume]. Moscow.
11. Snyadeckij Yan, 1979, Obshchie zamechaniya po predmetu nauki ob ume chelovecheskom i obshchij vzglyad na sostav Kantovoj nauki // *Voprosy teoreticheskogo naslediya Immanuila Kanta. Vyp. 4* [Questions theoretical legacy of Immanuel Kant. Vol. 4], Kaliningrad.
12. Tomashevskij B.V., 1956, *Pushkin. Kn. Pervaya (1813 – 1824)* [Pushkin. The first book (1813 – 1824)]. Moscow-Leningrad, USSR Academy of Sciences Publishing.

About the author

Prof Leonard **Kalinnikov**, Department of Philosophy, Institute of Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University, kant@kantiana.ru

**ИДЕИ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ
ФИЛОСОФИИ КАНТА
В ГРАФИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ
ПИРСА¹**

А. С. Боброва*

Ч. С. Пирс — ключевая фигура в американской философии XIX века. Его исследования в этой области, а также в логике огромны. Ценность некоторых из предложенных им идей сегодня лишь только начинает осознаваться. Как философ Пирс начинается с Канта, «Критику чистого разума» которого он знал почти наизусть. Пирс был очарован немецким мыслителем, открывшим для него философию Нового времени, поставившем перед ним проблему познания и прироста нового знания. Кантианцем Пирс никогда не был, но труды Кёнигсбергского философа наложили значимый отпечаток на все его дальнейшее творчество. В работах американского исследователя положения кантовской философии (дедукция категорий, классификация суждений, представление о синтетических и аналитических суждениях и др.) существенным образом модернизируются: уменьшается количество категорий, изменяется их содержательное наполнение, на смену синтетическим и аналитическим суждениям приходят ампликативные и экспликативные рассуждения. Кант помогает Пирсу отказаться от идей номинализма в пользу доктрины критического реализма. В статье мы обратимся к теории экзистенциальных графов и посмотрим, каким образом в ней преломляются идеи кантовской философии. Выбор теории экзистенциальных графов обусловлен, во-первых, ее хронологическими рамками: перед нами последняя логическая теория Пирса. Во-вторых, ее высокой оценкой автором, который называл теорию графов своим наивысшим достижением. Тот факт, что отголоски кантовской философии слышны и в столь поздней концепции, думаю, свидетельствует о силе влияния Канта. Этот тезис и отстаивается в настоящей работе.

Ключевые слова: Пирс, Кант, теория экзистенциальных графов, теория категорий, суждения, рассуждения.

Введение

Немецкий философ К.-О. Апель называл Ч. С. Пирса «Кантом американской философии» (Апель, 2001, с. 177). Сравнение оправданно: подобно тому, как И. Кант задал вектор развития немецкой

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-36-00026 а1.

* Российский государственный гуманитарный университет

125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6

Поступила в редакцию: 15.08.2016 г.

doi: 10.5922/0207-6918-2016-4-2

© Боброва А. С., 2016

классической философии, Пирс во многом определил рамки развития философии американской. Немецкий мыслитель сыграл значимую роль в творчестве основателя американской философии. Кант помог ему определиться с направлением философских исследований. Он подарил ему проблему, работа над которой занимала американского мыслителя всю дальнейшую жизнь, — проблему познания, или интеллектуального роста.

О симпатии к кантовской философии, которую Пирс открыто демонстрировал, исследователи его творчества хорошо осведомлены. С оригинальными работами Канта Пирс знакомится довольно рано. Еще подростком в кабинете отца (математика и астронома Б. Пирса) он находит «Критику чистого разума» (далее — КЧР), которая производит на него сильнейшее впечатление. Вскоре после знакомства он выучивает это произведение почти наизусть. Кантианцем философ, правда, не становится. В строгом смысле от идей Канта Пирс довольно быстро отходит, а принятые им положения кантовской философии, в первую очередь теоретической, в его работах модернизируются до неузнаваемости. Таким образом, в поздних трудах порой уместнее даже рассуждать о последствиях пирсовского увлечения Кантом, нежели о прямом влиянии.

Изучив недостатки кантовского метода достижения нового знания, Пирс направил свои усилия на построение собственной, улучшенной, как ему казалось (Hookwey, 2002, p. 37), теории. Рассуждая о методе, он, как и Кант, мыслит о философских основаниях, о разработках в области логики, которые помогают в решении озвученной задачи. В этом смысле Пирс остается верен традиции XIX века, рассматривая проблему в русле КЧР, также являющейся трактатом о методологии, которой «занималась во времена Канта именно логика» (Круглов, 2014, с. 290). Желаемого результата Пирс так и не достиг, но итогом его работы стали серьезные открытия в области логики и философии.

К вопросу воздействия идей Канта на молодого Пирса обращаются все известные пирсоведы (Хуквей (Hookway), Мерфи (Murphey), Килер (Keeler) и др.). В работе невозможно упомянуть и десятой доли исследователей. Они отмечают сложность этого вопроса и его недостаточную изученность. Оценки этого влияния, как водится, различны: кто-то пишет о заблуждениях американца, кто-то — о преодолении им сложностей кантовской философии.

В этой статье на наследие Канта мы посмотрим через призму последней логической теории Пирса — теории экзистенциальных графов, или теории графов. Выбор обусловлен как высокой оценкой этой теории самим автором (Пирс называл ее вершиной своего творчества), так и ее хронологическими рамками (она разрабатывается автором в последние годы его жизни, а потому ее можно рассматривать как итог его многолетних размышлений). Теория экзистенциальных графов, равно как и знаменитая концепция прагматизма Пирса, безусловно, не является результатом развития исключительно кантовских идей. В случае американского философа все же стоит говорить о синтезе различных философских концепций (Hookway, 1985, p. ix). Однако положения кантовской философии, пусть и в измененном виде, присутствуют и в этой теории.

В первом разделе работы дается общая характеристика кантовского влияния, во втором вниманию читателя предлагается краткий обзор теории графов. Собственно о преломлении кантовских идей в теории графов речь пойдет в третьем разделе, который представляет собой своего рода заключение.

1. Положения теоретической философии Канта в работах Пирса

Имя Канта в работах Пирса упоминается на порядок чаще других имен. Немецкий философ был ключевой фигурой в его творческой биографии. О масштабах кантовского влияния можно судить по рассуждениям Пирса о задачах философии, в которых он откровенно ссылается на критическую философию: «Согласно Канту, центральным вопросом философии является вопрос "Как возможны синтетические суждения a priori?" Но этому предшествует вопрос: как вообще возможны синтетические суждения, или, еще более обще, синтетические рассуждения. Когда ответ на эту общую проблему будет получен, частная [проблема] станет сравнительно простой. Это разблокирует (lock up) дверь философии» (CP 5.348)².

Обращаясь вслед за Кантом к процессу познания, Пирс помещает в центр своей модели субъекта-интерпретатора разум, который эту процедуру и определяет. Термин «разум» (mind) философы трактуют по-разному, однако серьезно на сути проблемы это не сказывается. На порядок актуальнее выглядит следующее замечание Пирса: Кант «отталкивается от очевидной истины, что познание является результатом взаимодействия двух независимых агентов: разума (the mind) и реального объекта (the real object)» (MS 280, [R], p. 7)³. На этот нюанс обращает внимание и Пиетаринен (Pietarinen, 2006, p. 4), отмечающий, что дальнейшее развитие этого положения в работах Канта Пирса явно не устраивает: он не смог принять возникшую двойственность познания, которое определялось материей, задававшей объект, и формой, определявшей сознанием. В результате, взяв на вооружение саму идею двойственности, Пирс развивает ее в совершенно ином русле: он обращается к изучению диалога, к различиям между обозначением и интерпретацией.

Аналогичную ситуацию можно наблюдать и в случае с кантовской дедукцией категорий. Пирса смутило то, что вся философия Канта «основывается на "функциях суждений" ("functions of judgment") или логическом делении высказываний, а также на отношении к ним его "категорий"» (CP 1.560). И это имеет место при «поразительном неведении (ignorance) традиционной логики, даже самой *Summulae Logicales* — школьного учебника для начинающих в эпоху Плантагенетов» (CP 1.560). В данном случае речь идет о явно недостаточном, с точки зрения американского философа, знании Кантом исследований средневековых логиков в области анализа языка. Такое положение вещей стало для Пирса стимулом к независимому исследованию логической основы фундаментальных понятий, называемых категориями.

Стремясь улучшить систему учителя, американский исследователь создает ее альтернативную версию («A New list of Categories»), над которой продолжает усиленно трудиться в последующие годы. Количество категорий у Пирса сокращается, каждая категория наделяется новыми смыслами. Категории Пирс также выводит из своих разработок в области логики, правда, в его случае речь идет о логике отношений. Философ говорит о фундаментальности трех видов отношений: унарные, бинарные и тернар-

² См. (Peirce, 1931–1958) — здесь и далее цитируется как CP с последующим указанием через точку номера тома и номера параграфа.

³ Правила цитирования см. в (Peirce's Manuscripts identified by Richard Robin, 1967).

ные (остальные сводятся к перечисленным). Это позволяет ему заменить двенадцать категорий количества, качества, отношения и модальности на три: Первость, Вторость и Третьесть⁴ (Firstness, Secondness, Thirdness).

Категория Первости охватывает непосредственные ощущения, чувственные качества (qualities of feeling), взятые вне всяких отношений. Вторость говорит о реакции (reaction), об опыте, рассматриваемом без учета его цели, о диадическом отношении знака к объекту (мы ссылаемся на грубые факты). Третьесть передает представления (representation), посредничество, работая в области триадических отношений: знак соединяется с обозначаемым им объектом через задающего цель посредника-интерпретатора, и это позволяет формировать понятия.

В силу тесной связи теории категорий с логикой, которая в широком смысле трактовалась Пирсом как семиотика, суть каждой категории можно пояснить в терминах самой известной семиотической триады: икона — индекс — символ. Это сравнение, стоит признать, довольно грубое, но оно позволяет несколько сэкономить объем статьи. Знак-икона выводит нас в область Первости, знак-индекс свидетельствует о Вторости, а символ принадлежит Третьести. Все категории оказываются зависимыми друг от друга, ибо осмысление символов предполагает понимание индексов и икон, а иконические знаки получают свое осмысление благодаря символам.

Три категории задают ядро, позволяющее сформулировать феноменологию — науку, которая «утверждает и изучает виды элементов, имеющие место в феномене (universally present in the phenomenon), где под феноменом понимается все, что представлено в сознании в любое время любым способом» (CP 1.186). Феноменология в конце концов оказывается предельно абстрактной наукой, определяющей логику, из которой она и вырастает. Именно таким образом эта связь представлена в классификации наук 1906 года: логика как нормативная наука черпает свое вдохновение из феноменологии.

Такое заключение дало основание фон Кемпски, одному из первых исследователей, обратившихся к вопросу кантовского наследия в работах Пирса, обвинить американского философа в том, что вся его концепция попросту провисает в воздухе, так как его категории больше не опираются на какие-либо концепции высших порядков, которые хоть как-то бы напоминали трансцендентальную дедукцию Канта (Kempski, 1952, S. 58—59). Фон Кемпски называет Пирса аутсайдером среди неокантианцев рубежа XIX—XX веков: не сумев объяснить необходимость категориальной определенности наших представлений, а потому не сумев осуществить переход от логических форм к категориям опыта, американский философ создает учение, в котором категории индуктивно подкрепляются с помощью метафизических воззрений⁵. Среди оппонентов оказался и один серьезный исследователь творчества Пирса — Мерфи (Murphey, 1961). Критики лишали Пирса возможности разрешить главную проблему теоретической философии Канта — как возможны синтетические суждения априори?

⁴ В большинстве переводов категории обозначаются как Первичность, Вторичность, Третичность. Однако используемый мною перевод Д.Г. Лахути точнее передает смысл категорий: название категории зависит от типа отношения, а не от порядка.

⁵ Анализ работы фон Кемпски можно найти в (Апель, 2001, с. 178—182).

Между тем отношение между логикой и феноменологией у Пирса не столь тривиально. С одной стороны, феноменология и в самом деле оказывается предельно абстрактной наукой, из которой логика черпает необходимые обоснования. Но с другой — вслед за Кантом Пирс приходит к единственному способу выявления феноменологических категорий — анализировать их с позиции формальной логики (CP 1.563). Эта позиция совсем не сильно отличается от кантовской, в которой фундаментальные понятия выводятся из классификации суждений, передающих главную функцию мышления. Увидеть тонкости этого различения помогает классификация знаков, вырастающая из, назовем условно, двухплоскостного соотношения категорий: знак как данность Первости по отношению к качеству (Первость), он же по отношению к объекту (Вторость) и т.д. Результатом становятся девять типов характеристик знаков.

Насколько Кант повлиял на содержательную сторону феноменологической триады? Определенные параллели, безусловно, имеют место, хотя феноменология Пирса формируется далеко не только под влиянием идей немецкого мыслителя. Некоторые аналогии, однако, и в самом деле удивительны. Выше уже говорилось о взаимоотношении кантовской теории категорий и теории суждений: каждая категория опирается на суждение определенного вида. Логично предположить, что в перечне суждений присутствуют все их виды, известные Канту. Однако в «Прологоменах» мы сталкиваемся с двумя новыми типами суждений: эмпирические суждения и суждения восприятия. Как пишет Круглов, «ни в первом, ни во втором издании КЧР данное различие не встречается, термин “суждение восприятия” в КЧР отсутствует. <...> Это различие совершенно противоречит следствиям кантовской системы» (Круглов, 2014, с. 300–301). «*Эмпирические суждения, поскольку они имеют объективную значимость, — пишет Кант, — суть суждения опыта*; если же они имеют лишь субъективную значимость, я называю их просто **суждениями восприятия**. Последние не нуждаются ни в каком чистом рассудочном понятии, требуют лишь логической связи восприятий в мыслящем субъекте. Первые же всегда требуют кроме представлений чувственного созерцания еще особых, первоначально произведенных в рассудке понятий, которые и придают суждению опыта объективную значимость» (Кант, 1994б, с. 55).

Обращал ли Пирс внимание на эту дихотомию? В его работах, насколько мне известно, нет прямых указаний на различие суждений восприятия и опыта, хотя с «Прологоменами» он, безусловно, был знаком. Но тем интереснее усматривать в определении этих видов суждений прототипы первых двух категорий Пирса (Первость в суждении восприятия и Вторость в суждении опыта). В идее же объективной значимости, кроме всего прочего, можно обнаружить идею Третьести, ибо в терминологии Пирса она соотносима с объективной репрезентацией, то есть с окончательным мнением сообщества исследователей⁶. Однако последнюю параллель стоит проводить крайне осторожно, так как на ее пути оказываются кантовские представления о рассудочных понятиях, двойственная структура которых Пирса не удовлетворяла. Высказанное предположение подтверждают и дальнейшие рассуждения Канта: «Все наши суждения сперва только суждения восприятия; они значимы только для нас, то есть для нашего субъек-

⁶ Этот вопрос опять отсылает к не рассматриваемым в статье основам семиотики.

та, и лишь после мы им даем новое отношение, а именно отношение к объекту, и хотим, чтобы они были постоянно значимы и для нас, и для всех других» (Кант, 1994б, с. 55).

Возможно, осуществив семиотическую трансформацию трансцендентальной философии, Пирс, как считает Апель, действительно предложил критическую реконструкцию КЧР: в ней «сходятся семиотический постулат надындивидуального единства интерпретации и научно-логический постулат экспериментального подтверждения опыта *in the long run* (в конечном счете)» (Апель, 2001, с. 187). Выводы Апеля, если абстрагироваться от их явного герменевтического уклона, вполне согласуются с позитивными оценками теории Пирса у целого ряда исследователей (Hookway, 1985; Keeler, 1995). В позитивном ключе, но с другими акцентами, о теории категорий рассуждает Кирюшенко (Kiryushenko, 2011) — единственный, насколько мне известно, русскоязычный автор, занимавшийся этой темой. Нововведения Пирса действительно открыли новые возможности для изучения процесса познания, процедуры интеллектуального роста. Его феноменология позволила получить триадическую основу для логики научного исследования.

Очевидно, что причиной оценки фон Кемпски стало его нежелание видеть в Пирсе выдающегося логика, который совершил в этой науке массу открытий. Он вышел далеко за пределы представлений, которых придерживался Кант: «В результате изучения отношений доктрины привычной логики оказались настолько модифицированными или пересмотренными, что без преувеличений можно говорить о полной трансформации дедуктивной логики» (СР 3.641). Американский философ не мог принять тот факт, что формальная логика является вполне законченной и совершенной наукой, занимающейся изложением и доказательством одних только формальных правил всякого мышления (Кант, 1994а, с. 14–17). Логика у Пирса лишается статуса завершенности. И это меняет ее понимание, хотя не меняет ее роли в формулировке теории категорий.

Логика, по Пирсу, проявляет себя не в исходно заданных формах, а в связях; не в статике, а в динамике, а потому она стремится уйти от жестких (невариативных) процедур. Логическая форма оказывается структурой, подверженной изменениям, ибо формируется в процессе преобразований. Пирс отказывается от суждений как базовой единицы логики. Им на смену приходят рассуждения, более точно передающие процесс появления новой мысли. Философ выстраивает целую систему рассуждений: он говорит об абдукции, двух видах дедукции, трех видах индукции. Каждый вид характеризуется им с позиции амплиативности или экспликативности. Амплиативные рассуждения Пирс определяет как рассуждения, заключение которых выходит за рамки того, что сказано в посылках (СР 2.623). Экспликативные же, напротив, есть рассуждения, заключения которых, с позиции содержащейся в нем информации, уже скрытно присутствуют в посылках. Эта классификация снова вырастает из Канта: за ней стоит известное кантовское деление суждений на синтетические и аналитические. Идея амплиативности понимается Пирсом предельно широко: амплиативными оказываются не только недедуктивные рассуждения, но и некоторые дедуктивные выводы, ибо дедукция далеко не всегда сводится «к пустой игре слов» (СР 3.641). В своих работах Пирс вводит два вида дедукции — королларную (*corollarial*) и теорематическую (*theorematic*). О первом виде дедук-

ции речь идет в случаях, когда истинность посылок мгновенно свидетельствует об истинности заключения (например, в силлогизмах). Дедукция второго вида проявляется в ситуациях, когда предполагается изначальный эксперимент с посылками, на базе результатов которого в дальнейшем выстраивается королларная дедукция, способная приводить к истинному заключению.

Логика занимается рассуждениями. Примечательно, что под рассуждениями Пирс понимает не традиционные формы *modus ponens* или *modus tollens*, а последовательности, как он сам выражается, мыслей. Если в широком смысле логика отождествляется у Пирса с семиотикой, то в узком — она трактуется как теория рассуждений. Теорию рассуждений, или «собственно логику» (*proper logic*), Пирс называет Критикой. И это название снова возвращает нас к Канту.

Присутствие Канта ощущается и в пирсовской концепции критического реализма. В противостоянии Оккам — Дунс Скот философ однозначно встает на сторону последнего. Дополняя концепцию средневекового мыслителя кантовской теорией, он замечает: «На самом деле то, что Кант называл коперниканским шагом, в точности соответствовало переходу от номиналистического к реалистическому взгляду на реальность. <...> Одним словом, он заключался в том, что реальность стала считаться нормальным продуктом ментальных действий, а не их непознаваемой причиной» (СР 8.15). Реализм приводит Пирса к несколько иному осмыслению вопроса онтологических оснований в логике, а также к критике только набравшей популярность теории Б. Рассела. Пирс обвиняет в номинализме практически всех представителей философии Нового времени (Декарта, Локка, Беркли, Юма, Лейбница и т.д.). Относя же к номиналистам Канта, он отмечает последовательность и силу теории последнего, «как если бы ее автор придерживался реализма, которого он обязательно бы придерживался, прочитай он Дунса Скота» (СР 1.19).

Итак, хотя Пирс довольно далеко отходит от собственно кантовских идей, положения его философии он все же разрабатывает. Влияние, оказанное на Пирса немецким философом, было значительным, и о его силе говорят отголоски, которые можно обнаружить в последней теории американского философа — теории экзистенциальных графов.

2. Теория экзистенциальных графов

Теория графов стала последней разработкой Пирса в области логики. К логике мыслитель всегда относился с особым пиететом. Рассуждая об областях своего научного интереса, позиционировал он себя не иначе, как логиком. И логиком Пирс был действительно выдающимся. Его заслуги в этой сфере огромны: он занимался разработкой основ символической логики, изучал вопросы ее философских оснований, вплотную подошел к некоторым положениям неклассической логики. Одним словом, в нем по праву видят одного из основателей этой науки в ее современном виде.

Пирс полагал, что логика способна объяснить принципы рациональной коммуникации и обнаружить связи, лежащие в основе нашего мышления. По этой причине большое внимание он уделял открытой им теории отношений. Термин «мышление», кстати, не должен вводить в заблужде-

ние: логика занимается мыслями, но не мышлением. Пирс был последовательным антипсихологистом. Стремясь максимально глубоко проникнуть в природу отношений, философ приходит к мысли о возможности графического представления логики. Так появляется теория экзистенциальных графов — наиболее известная сегодня графическая логическая теория. Пирс восторгался своим открытием, в котором встретились теория отношений, исследования в области функциональных отношений, а также открытия в области теории знаков. В отличие от алгебраического способа изложения логики, замечал он, графы «дают более глубокий анализ логических проблем, чем может предложить любая алгебра» (CP 3.619).

Теорию графов стоит рассматривать в качестве экспериментальной площадки — площадки, вобравшей в себя многие философские идеи американского мыслителя: синехизм как непрерывное развитие универсума; реализм как существование; прагматизм, понимаемый как принцип проведения исследования. Оценили ее далеко не сразу. Но с середины прошлого столетия, после диссертаций Земана (Zeman, 1964) и Робертса (Roberts, 1973), она не перестает привлекать новых исследователей. Сегодня теория интересна как с теоретико-философской позиции (Pietaninen, 2006; Stjernfelt, 2006), так и с позиции ее прикладного использования (Sowa, 2011; He, 2013).

Базовой единицей теории является граф — знак, наглядным (иконическим) образом отражающий логические отношения (CP 4.531). Графы размещаются в любом месте на плоскости или листе (рис. 1). Плоскость обладает статусом существования: существует все, что на ней размещено. Сам лист можно расценить как «пустой граф» (исходную аксиому или тавтологию). На плоскости размещаются круговые разрезы. Разрез без содержания (рис. 2), «пустой разрез», означает противоречие, так как его суть — отрицание пустого графа.

Рис. 1. Тавтология

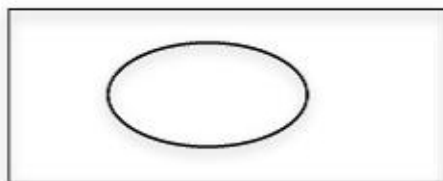

Рис. 2. Противоречие

В теории принято выделять три раздела (в конце жизни это деление Пирсом практически не использовалось): альфа, бета, гамма. На α -уровне мы работаем с плоскостью и разрезами, правила преобразования которых позволяют построить теорию, дедуктивно эквивалентную логике высказы-

ваний (Zeman, 1964; Roberts, 1973; Sowa, 2011). Два графа на плоскости соответствуют булевой конъюнкции, а круговой разрез — булеву отрицанию (см. пример на рис. 3).

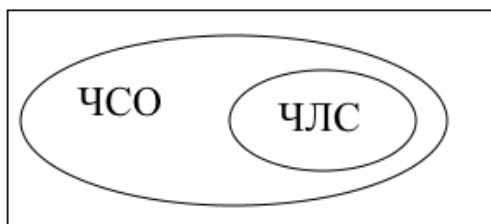

Рис. 3. «Если человек смотрит олимпиаду (ЧСО), то он любит спорт (ЧЛС)»
или «Неверно, что человек смотрит олимпиаду (ЧСО), и он не любит спорт (ЧЛС)»

На β -уровне разрезы дополняются линией тождества, которая является диаграмматическим аналогом равенства, предикации, экзистенциальной квантификации (см. пример на рис. 4). Ее пустые концы указывают на местность отношений. По своим дедуктивным возможностям раздел сопоставим с исчислением первого порядка с равенством (Zeman, 1964; Roberts, 1973; Sowa, 2011).

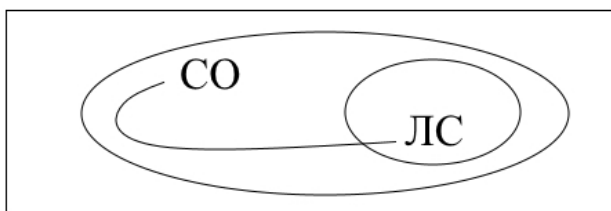

Рис. 4. «Всякий, кто смотрит олимпиаду, любит спорт»

С последним разделом ситуация не столь однозначна: «Раздел гамма находится в состоянии младенчества. Пройдут годы, прежде чем мои последователи смогут привести его в состояние, в которое приведены части альфа и бета» (СР 4.511). По задумке он должен был предложить современную теорию модальностей, а также теорию высших порядков. Для достижения этой цели Пирс вводит пунктирную круговую схему (сломанный разрез), позволяющую вводить модальность возможности «возможно не» (рис. 5).

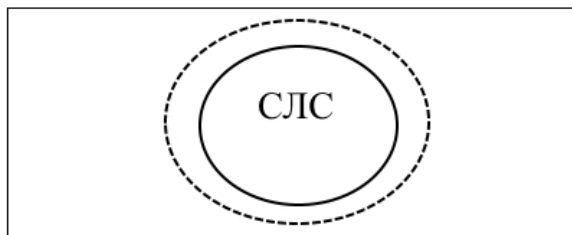

Рис. 5. «Возможно, что Саша любит спорт (СЛС)»

Позднее сломанный разрез заменяется системой тинктур, то есть оттенков, в которые способна окрашиваться плоскость. Введение оттенков позволяет типизировать пространство, что, в свою очередь, дает возможность говорить о мультимодальности. Пирс выделяет 12 тинктур, хотя откуда берется это количество и как именно с ним следует работать, непонятно и сегодня (Øhrstrøm, 1997). Между тем Робертс указывает на следующую позицию Пирса: «...Я не считаю тинктуры ошибкой, а наоборот, думаю, что они являются великолепным инструментом для любого философа, который хочет быть структурным в том смысле, о котором мечтал Кант» (MS 280, [R], p. 18)⁷. Концепция явно не была завершена, а потому делать какие-то выводы довольно сложно.

Посмотрим, в каком виде позаимствованные Пирсом кантовские задачи находят свое отражение в теории графов.

3. Что мы видим в теории графов?

Теория графов не задумывалась Пирсом «как исчисление или как аппарат, средствами которого можно было бы продуктивнее, чем другими известными системами выражений, получать заключения и решать проблемы» (CP 4.424). Не планировалась она и как «*универсальный язык для математиков и других специалистов, изучающих рассуждения*» (Dau, 2006, p. 40): работая над проблемой интерпретации, он не мог допустить столь необходимую для универсального языка однозначную фиксацию значений. Пирс настаивал на обязательном присутствии неопределенности, также не соглашаясь по этому вопросу с Кантом: «Соответственно, главное оружие Канта и его главное отличие — точный анализ. Однако абсолютно точный полный логический анализ достижим не более, чем всеведение... <...> Что-то всегда остается непроанализированным» (MS 1454, [R], p. 134).

Теория графов должна была стать наглядной (иконической) реализацией проекта логики как семиотики, то есть логики как науки, базирующейся на феноменологии. Графическая теория и в самом деле, как никакая другая логическая теория Пирса, отражает работу всех трех категорий: «Собственно говоря, именно соображения по поводу категорий научили меня, как построить систему графов» (Пирс, 2005, с. 185). Первость представляет идею иконичности графов: графы-примеры, «глаголы, бесконечно разнообразные» (Пирс, 2005, с. 185), размещенные на плоскости, «передают объекты в их Первости» (Пирс, 2005, с. 185), то есть непосредственным образом. Вторость проявляется в указании графа на свое значение. Знаками-указателями являются концы линии тождества (см. рис. 4, с. 32). Через пустые концы этих линий Пирсу удается передать понятия ремы (подробнее см. Pietarinen, 2006, p. 5). Третье же отражена в символизме: насколько бы теория графов ни была иконичной, работать с этими иконами можно только после того, как они получают соответствующую интерпретацию. Иконичность диаграмм задается символизмом правил. Подобным образом графы оказываются знаками, представляющими объекты, то есть знаками, на которые «опираются все процессы вывода» (Пирс, 2005, с. 185).

⁷ Цит. по: Roberts, 1973, p. 104.

Конечная цель графов состояла в том, чтобы предложить наиболее эффективный способ для изучения логических отношений. А это, в свою очередь, должно было бы серьезно помочь в исследовании основ рациональной коммуникации. В этой дедуктивной теории мы имеем дело с преобразованием суждений, то есть с рассуждениями, правильными рассуждениями, которые приходят на смену кантовским суждениям. Идею рассуждений отлично передает известное поэтическое определение графов: графы — кинофильмы мысли (MS 291). Метафора, отсылающая нас к кинематографу, поклонником которого был Пирс⁸, как раз акцентирует внимание на ценности рассуждений. Получается, что теория экзистенциальных графов отлично вписывается и в узкое понимание логики — Критику.

Рассуждения интересовали Пирса как прием, служащий даже не столько для передачи, сколько для порождения знаний. Размышляя над их природой, он убеждается, как уже говорилось, в диалоговой основе рассуждений. Именно диалог делает возможной рациональную коммуникацию, то есть коммуникацию, которая может приводить к новым открытиям. Хотя мысль о ценности диалога Пирс, как было показано, также находит в работах Канта, в теории графов ему удается наглядно продемонстрировать его принцип. Работа с графами предполагает двух участников (графиста и графеуса), один из которых (графист) размещает граф на плоскости, а второй (графеус) его считывает. Различение двух участников позволяет увидеть, что процедура построения графа может не совпадать с процессом его прочтения: интерпретатор далеко не всегда считывает то, что закладывает автор. Подобная асимметрия и позволяет получать нечто новое.

Очевидно, что в рамках дедуктивной теории Пирсу удастся графически продемонстрировать суть амплиативных рассуждений, то есть рассуждений, приводящих к новым знаниям. Хотя графы передают работу и теорематической, и королларной дедукций, в данном случае мы сталкиваемся с амплиативной дедукцией первого вида. Такого рода амплиативность, полагаю, нас опять возвращает к Канту, точнее к его априорным синтетическим суждениям. С таким выводом, думаю, согласились бы многие исследователи, ибо, например, Штьернфельд называет наблюдение за диаграммами и за экспериментами над ними прекрасной возможностью для изучения этого самого синтетического априори (Stjernfelt, 2007, p. 192).

Наконец, пространство, в котором работают графы, в полной мере соответствует представлениям критического реализма. Пространство существует, а значит, оно реально. Реальным оказывается и все, что на нем размещается. Это в полной мере относится и к обозначающим отрицание овальным линиям, которые замыкают графы: они оказываются не утверждаемыми, но являющимися предметами утверждений (Пирс, 2005, с. 185). В результате Пирс выстраивает логическую теорию на базе квантора существования и конъюнкции, и это, в свою очередь, обращает нас к еще одному актуальному в наши дни вопросу — вопросу онтологических оснований логики.

Согласно Пиетаринену, экзистенциальные графы оказались не только удобным средством для представления доказательств, но также «точным и обязательным ядром того, что является необходимо аналитическим в любом логическом инструменте, основанном на логических принципах»

⁸ Будучи сторонником прогресса, американский исследователь как правило обращал внимание на новые изобретения.

(Pietarinen, 2006, p. 6). Теория графов — весьма самобытная теория. Тем интереснее, что даже тут мы сталкиваемся с положениями философии Канта, которые, правда, претерпевают существеннейшие изменения.

Пирс, как и Кант, хочет прикоснуться к логике познания, хотя его взгляд на саму логику отличается от кантовского. Для последнего логика ограничивается традиционной теорией, в которой роль фундамента отводится суждениям. У американского же исследователя она превращается в динамическую науку о знаках и отношениях между ними: «Пирс стремится объяснить выводы как центральное звено в процедуре роста научного знания, классифицировать различные виды амплиативных рассуждений и дать объективное объяснение их обоснованности» (Hookway, 1985, p. 17–18). Все это должно было позволить решить кантовский вопрос философии, чтобы разблокировать дверь философии.

Список литературы

1. *Апель К-О. Трансформация философии* / пер. В. Куренного, Б. Скуратова. М., 2001.
2. *Пирс Ч.С. Рассуждение и логика вещей: Лекции для Кембриджских конференций 1898 года* / пер. Д. Лахути, С. Кузнецова. М., 2005.
3. *Кант И. Критика чистого разума* // Соч. : в 8 т. М., 1994а. Т. 3.
4. *Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, которая может появиться как наука* // Там же. М., 1994б. Т. 4. С. 5–152.
5. *Круглов А.Н. Философия Канта в исследовании кн. Е.Н. Трубецкого* // Евгений Николаевич Трубецкой / под ред. С.М. Половинкина, Т.Г. Щедринной. М., 2014. С. 266–308.
6. *Dau F. The Role of Existential Graphs in Peirce's Philosophy* // ICCS 2006. LNCS (LNAI) / H. Scharfe, P. Hitzler, P. Ohrstrom (eds.). Heidelberg ; Berlin, 2006. Vol. 4068. P. 28–41.
7. *He C. E-type interpretation without E-type pronoun: How Peirce's Graphs capture the uniqueness implication of donkey sentences* // Synthese. 2015. №192 (4). P. 971–990.
8. *Hookway C. Peirce. L., 1985.*
9. *Hookway C. Truth, Rationality, and Pragmatism: Themes from Peirce.* N. Y., 2002.
10. *Keeler M. The Philosophical Context of Peirce's Existential Graphs.* University of Washington, Seattle, 1995. URL: www.dipf.de/projekte/PaedSemHCI/Texte/Keelercontext.htm (дата обращения: 01.08.2016).
11. *Kempfski J. v. Ch.S. Peirce und der Pragmatismus.* Stuttgart, 1952.
12. *Kiryushenko V. Logic, Ethics and Aesthetics: Some Consequences of Kant's Critiques in Peirce's Early Pragmatism* // European Journal of Pragmatism and American Philosophy. III-2. 2011. P. 258–274.
13. *Moore E. C., Robin R. (eds.). Studies in the Philosophy of Charles Sanders Peirce: Second Series.* Amherst, 1964.
14. *Murphey M. G. The Development of Peirce's Philosophy.* Cambridge, 1961.
15. *Peirce C. S. Collected Papers of Charles Sanders Peirce : in 8 vol. / ed. by A. W. Burks, Ch. Hartshorne, P. Weiss.* Cambridge, 1931–1958.
16. *Peirce C. S. Manuscripts in the Houghton Library of Harvard University, as identified by Richard Robin* // Annotated Catalogue of the Papers of Charles S. Peirce. Amherst, 1967.
17. *Pietarinen A.-V. Signs of Logic. Peircean Themes on the Philosophy of Language, Games, and Communication.* Dordrecht, 2006.
18. *Øhrstrøm P. C.S. Peirce and the quest for gamma graphs* // Conceptual Structures: Fulfilling Peirce's Dream, Lecture Notes in Artificial Intelligence 1257. Berlin, 1997. P. 357–370.
19. *Roberts D. The Existential Graphs of Charles S. Peirce.* P., 1973.

20. Sowa J. Cognitive Architectures For Conceptual Structures // 19th International Conference on Conceptual Structures / S. Andrews, S. Polovina, R. Hill, B. Akhgar (eds.). Heidelberg, 2011. P. 35–49.

21. Stjernfelt F. Diagrammatology: an Investigation on The Borderlines of Phenomenology, Ontology, and Semiotics. Dordrecht, 2007.

22. Zeman J. The Graphical Logic of C.S. Peirce : PhD thesis. University of Chicago, 1964. URL: www.clas.ufl.edu/users/jzeman/ (дата обращения: 30.05.2016).

Об авторе

Ангелина Сергеевна **Боброва** — кандидат философских наук, доцент кафедры истории зарубежной философии Российского государственного гуманитарного университета, angelina.bobrova@gmail.com

IDEAS OF KANT'S THEORETICAL PHILOSOPHY IN PEIRCE'S GRAPH THEORY

A. Bobrova

C.S. Peirce is a prominent figure in the nineteenth-century American philosophy. His contribution to philosophy and logic is enormous. The significance of some of his ideas was not realized until today. As a philosopher, Peirce was shaped by Kant, whose Critique of Pure Reason he knew almost by heart. Peirce was fascinated by the German thinker, who literally opened for him the philosophy of modern era and introduced him to the problem of cognition and increment of knowledge. Peirce was never a Kantian but the oeuvre of the Königsberg philosopher had a profound effect on all of his further works. The major elements of Kant's theory (transcendental deduction of categories, classification of judgements, synthetic and analytic judgement dichotomy, etc.) were substantially modified by Peirce. He reduced the number of categories, changed their content, and transformed analytic and synthetic judgements into ampliative and explicative reasoning. Kant helped Peirce to overcome the doctrine of nominalism and develop the doctrine of critical realism. This paper addresses the existential graph theory, which is scrutinised from the perspective of transformations of Kant's ideas. The graph theory was chosen, firstly, because of its chronological significance — it is the last logical theory of the American thinker. Secondly, it was greatly valued by the author, who called the theory his greatest accomplishment. The fact that the echo of Kant's philosophy is heard in such a recent theory is an evidence of Kant's strong influence. This thesis is proven in this work.

Key words: Peirce, Kant, existential graph theory, theory of categories, judgements, reasoning.

References

1. Apel, K.-O., 2001, *Transformaziya filosofii* [Philosophy Transformation], Moscow.
2. Peirce C.S., 2005, *Rassuzhdeniya i Logica Vech'ei: Leczii Dlya Kembrijskikh Konferenziy 1898 Goda* [Reasoning and the Logic of Things: the Cambridge Conferences Lectures of 1898], Moscow.
3. Kant, I., 1994a, *Kritika Chistogo Razuma* [Critique of Pure Reason], in Kant Sobr. Soch. v 8 t. [Collected Works in 8 Volumes], Moscow, t. 3.
4. Kant, I., 1994b, *Prolegomeni ko Vsyakoy Budush'ey Metaphisike, kotoraya Mozhet Poyavit'sya kak Nauka* [Prolegomena to Any Future Metaphysics that Will Be Able to Present Itself as a Science], in Kant Sobr. Soch. v 8 t. [Collected Works in 8 Volumes], Moscow, t. 4, pp. 5–152.
5. Krouglov, A.N., 2014, *Philosophiya Kanta v Issledovanii Knigi E.N. Trubetskogo* [Kant's Philosophy in E.N. Trubetskoy's Book Investigation], in S.M. Polovinkin, T.G. Schedrina (eds.), *Evgeniy Nikolaevich Trubetskoy*, pp. 266–308, Moscow.

6. Dau, F., 2006, The Role of Existential Graphs in Peirce's Philosophy, in H. Scharfe, P. Hitzler, P. Ohrstrom (eds.), *ICCS 2006. LNCS (LNAI)*, vol. 4068, pp. 8–41, Heidelberg-Berlin, Springer.
7. He, C., 2015, E-type interpretation without E-type pronoun: How Peirce's Graphs capture the uniqueness implication of donkey sentences, in *Synthese*, no. 192 (4), pp. 971–990.
8. Hookway, C., 1985. *Peirce*, London, Routledge and Kegan Paul.
9. Hookway, C., 2002, *Truth, Rationality, and Pragmatism: Themes from Peirce*, New York, Oxford University Press.
10. Keeler, M., 1995, *The Philosophical Context of Peirce's Existential Graphs*. University of Washington, Seattle, available at: www.dipf.de/projekte/PaedSem/HCI/Texte/Keelercontext.htm (accessed 01 August 2016).
11. Kempfski, J. v., 1952, *C. S. Peirce und der Pragmatismus*, Stuttgart.
12. Kiryushenko, V., 2011, Logic, Ethics and Aesthetics: Some Consequences of Kant's Critiques in Peirce's Early Pragmatism, in *European Journal of Pragmatism and American Philosophy*, III-2, pp. 258–274.
13. Moore, E. C., and Robin R. (eds.), 1964, *Studies in the Philosophy of Charles Sanders Peirce*, Amherst, University of Massachusetts Press.
14. Murphey, M. G., 1961, *The Development of Peirce's Philosophy*, Cambridge, Harvard University Press.
15. Peirce, C. S., 1931–1958, *Collected Papers of Charles Sanders Peirce*. Eight volumes, Arthur W. Burks, Charles Hartshorne, and Paul Weiss (eds.). Cambridge, Harvard University Press.
16. Peirce, C. S., 1967, *Manuscripts in the Houghton Library of Harvard University, as identified by Richard Robin* [Annotated Catalogue of the Papers of Charles S. Peirce. Amherst].
17. Pietarinen, A.-V., 2006, *Signs of Logic. Peircean Themes on the Philosophy of Language, Games, and Communication*, Dordrecht, Springer.
18. Øhrstrøm, P., 1997, C. S. Peirce and the quest for gamma graphs, in *Conceptual Structures: Fulfilling Peirce's Dream*, Lecture Notes in Artificial Intelligence 1257, pp. 357–370, Berlin, Springer.
19. Roberts, D., 1973, *The Existential Graphs of Charles S. Peirce*, The Hague, Paris, Mouton.
20. Sowa, J., 2011, Cognitive Architectures For Conceptual Structures, in S. Andrews, S. Polovina, R. Hill, & B. Akhgar (eds.), *19th International Conference on Conceptual Structures*, pp. 35–49, Heidelberg, Springer.
21. Stjernfelt, F., 2007, *Diagrammatology: an Investigation on The Borderlines of Phenomenology, Ontology, and Semiotics*. Dordrecht: Springer.
22. Zeman J., 1964, *The Graphical Logic of C. S. Peirce*. PhD thesis, University of Chicago, available at: www.clas.ufl.edu/users/jzeman/ (accessed 30 May 2016).

About the author

Angelina **Bobrova**, Associate Professor, Department of History of Foreign Philosophy, Russian State University for the Humanities, angelina.bobrova@gmail.com

УДК 1(091):37:172.15:(470):(430)

**ВОКРУГ «СОЦИАЛЬНОЙ
ПЕДАГОГИКИ»
ПАУЛЯ НАТОРПА:
В. Ф. ДИНЗЕ В ПОЛЕМИКЕ
О НАЦИОНАЛЬНОМ
ВОСПИТАНИИ¹
ЧАСТЬ 1**

Н. А. Дмитриева*

К философско-педагогическим идеям немецкого философа, неокантианца П. Наторпа, сформулированным прежде всего в его фундаментальном труде «Социальная педагогика», активно обращались в России многие теоретики и практики в сфере народного образования и воспитания. В.Ф. Динзе, опираясь на положение Наторпа о национальной школе как средстве приобщения «всего народа к национальной культуре», актуализирует наследие российских и западных педагогов и философов и заново формулирует проблему национального воспитания, сто лет спустя звучащую по-прежнему современно. Тексты самого Динзе и организованный им перевод «Социальной педагогики» Наторпа оказались идейными катализаторами в полемике о национальном воспитании, которая разгорелась в 1913–1916 годах в дореволюционной России и в которой приняли участие такие видные философы и педагоги, как М.М. Рубинштейн, П.П. Блонский, В.Н. Сорока-Росинский, С.А. Золотарев, П.И. Девин, С.Ф. Русова и др. В результате этой полемики были выработаны принципы всеобщего и равно доступного для всех социальных групп национального образования и гармоничного, гуманного патриотического воспитания, открытого лучшим достижениям мировой культуры.

Публикуемая в приложении переписка русских философов и педагогов В.Ф. Динзе и А.А. Громбаха с П. Наторпом документирует не только процесс перевода на русский язык книги «Социальная педагогика», но и раскрывает особенности организации переводов актуальной научной литературы в начале XX века в России: личную инициативу, энтузиазм, ответственность перед будущими читателями, масштаб и интенсивность переводческой работы и вместе с тем – вечные проблемы финансирования.

Ключевые слова: Пауль Наторп, Владимир Динзе, «социальная педагогика», нация, космополитизм, национальное/патриотическое воспитание, научный перевод.

¹ Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта «Современная философия образования: экзистенциально-антропологический поворот» при финансовой поддержке гранта ГРНФ (№ 15-03-00760а).

* Московский педагогический государственный университет,
ул. Малая Пироговская, 1/1, Москва, 119991

Поступила в редакцию: 03.04.2016 г.

doi: 10.5922/0207-6918-2016-4-3

© Дмитриева Н. А., 2016

Философское творчество немецкого неокантианца Пауля Наторпа долгое время историками философии считалось эпигонским и сводилось ими, по сути, к популяризации идей его старшего друга Германа Когена. Однако, как показывают исследования последних трех десятилетий, такая оценка далека от истины. В особенности это касается произведений, посвященных социально-философским проблемам, идеям практической и прикладной философии, то есть этике и педагогике, а также философской психологии и философии религии². Самостоятельное значение этих произведений Наторпа уже осознавали его современники в России – русские неокантианцы и их коллеги, по своим взглядам близкие философскому критицизму³.

Одним из исследователей, обратившихся в своей научной и просветительской работе к творчеству Наторпа и активно содействовавших пропаганде его идей в России, был Владимир Федорович Динзе (23 апреля 1886 года, Казань – 22 октября 1938 года, Ленинград). О жизни и деятельности Динзе до сих пор известно довольно мало. Не повторяя в деталях уже опубликованные факты⁴, считаю необходимым изложить новые данные творческой биографии Динзе и реконструировать наторповский контекст его идей, тем более что к тому есть сразу два «информационных» повода. Во-первых, в апреле 2016 года исполнилось 130 лет со дня рождения В.Ф. Динзе. Во-вторых, 30 декабря 2015 года правительством Российской Федерации была утверждена

Владимир Федорович Динзе,
ок. 1908 года.

Из личного архива
Н. А. Абдулаевой-Динзе

очередная (четвертая с 2001 года) государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации». Ее особенность прежде всего в той политической ситуации, в рамках которой она должна реализовываться: обострившиеся в последние два года дебаты о том, что считать патриотизмом и, соответственно, каким должно быть патриотическое воспитание, а также резко интенсифицировавшиеся поиски «национальной идеи» поразительно созвучны тем спорам о национальном воспитании, что разгорелись в России в канун празднования 300-летия Дома Романовых и совпали с 90-летием со дня рождения К.Д. Ушинского, а затем были подогреты патриотическими настроениями начала Первой мировой войны. В этих спорах столетней давности Динзе не только был одним из инициаторов, не только принял активное участие, но и оказался в числе наиболее часто цитируемых авторов.

² Существенные расхождения между Наторпом и Когеном были установлены и в области теоретической философии, которые, однако, сам Наторп долго скрывал, чтобы не допустить раскол научной школы. См. подробнее: Stolzenberg, 1995, S. 61 – 120.

³ См., например: Гессен, 2014.

⁴ Первыми исследователями личной и научной биографии В.Ф. Динзе следует считать Н.Ю. Стоюхину (Стоюхина, 2011; Стоюхина, 2013) и М.Л. Тарбеева из Нижнего Новгорода, а также А.А. Матышева (Матышев, 2013) из Санкт-Петербурга.

Владимир Федорович Динзе: жизненный путь

Выходец из русско-немецкой семьи, Владимир родился и воспитывался в Казани (ЦАНО, 1918, л. 2)⁵. Дед, прусский подданный Фридрих Динзе, приехал в Россию в качестве литейного мастера⁶ и был приписан к купеческому сословию — его сын Карл Август Фридрих Динзе⁷ значится в документах как «купеческий сын» (ЦГИА, 1905 — [1912], л. 19). Владимир родился вне брака и был официально усыновлен отцом в семилетнем возрасте. Мать Владимира — «Вятской губернии Сарапульского уезда Воткинской волости и завода крестьянская девица» Аполлинария Ильинична Алексеева (ЦГИА, 1905 — [1912], л. 8) — переехала с сыном в Петербург, где работала домашней учительницей⁸. Владимир начал свое обучение во Второй гимназии в Казани, в 1897 году был принят во 2-й класс Третьей гимназии в Санкт-Петербурге, которую окончил в 1905 году в основном с хорошими и удовлетворительными оценками (единственная пятерка была по истории) (ЦГИА, 1905 — [1912], л. 6), изъявив «желание поступить на медицинский факультет безразлично какого Университета» (ЦГИА, 1905 — [1912], л. 19). Двадцать седьмого июля того же года Владимир написал прошение о зачислении его в качестве студента на историко-филологический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета (ЦГИА, 1905 — [1912], л. 3). Годы учебы в университете оказались довольно бурными не только в силу политических, но и личных обстоятельств. Проучившись один семестр, Владимир уехал на полгода за границу и возобновил учебу в университете в осенний семестр 1906 года (ЦГИА, 1905 — [1912], л. 5). Не успев восстановиться в числе студентов (прошение о восстановлении было написано 25 июля 1906 года), Владимир телеграфировал в университет 23 июля из Керчи просьбу о разрешении вступить в брак (ЦГИА, 1905 — [1912], л. 18), которая, судя по всему, была оставлена без ответа. С новым прошением того же рода он обратился к ректору университета 31 июля 1907 года и уже 1 августа получил разрешение. Женой Владимира стала «окончившая курс женской гимназии Олимпиада Викторовна Богданова, дочь крестьянина Витебской губернии» (ЦГИА, 1905 — [1912], л. 16). К январю 1912 года у него было 8 зачетных и 12 оплаченных семестров: были зачтены семестры с осени 1906 по весну 1910 года, а в следующие семестры (с осени 1910 до 1912 года) Владимир посещал занятия только по латинским и греческим авторам (ЦГИА, 1905 — [1912], л. 29–31). В результате 24 января 1912 года ему было выдано выпускное свидетельство (ЦГИА, 1905–1912, л. 22). В своей автобиографии 1918 года Динзе сообщает, что «весною 1912 г., сдав зачетную работу, получил диплом 1-й степени» (ЦАНО, 1918, л. 2). И хотя в фонде Санкт-Петербургского университета не удалось обнаружить подтверждающих документов о получении диплома,

⁵ За предоставление текста этого архивного материала выражаю сердечную признательность Наталье Юрьевне Стоюхиной.

⁶ Литейный мастер Ф. Динзе в 1874 года заключил контракт с Камско-Воткинским железоделательным заводом, где весьма успешно проработал до 1886 года (Иностранцы..., 1997).

⁷ Родился в 1860 или 1861 году, дата смерти неизвестна.

⁸ Носила фамилию Ген(н)инг (ЦГИА, 1905 — [1912], л. 8). О дальнейшей судьбе отца сведений нет.

нет серьезных оснований и для сомнений: согласно «Записи студента...» (документ вроде современной зачетной книжки), подавляющее большинство курсовых экзаменов Динзе сдал с высшей оценкой (ЦГИА, 1905 — [1912], л. 29 об.). В том же, 1912-м, Динзе начал преподавать историю в реальном училище (приюте) принца П.Г. Ольденбургского, в штат которого был зачислен 1 марта 1913 года (ЦАНО, 1918, л. 2; Стояхина, 2013, с. 24).

По письмам Динзе, обнаруженным в архивах Марбурга и Москвы, можно реконструировать обстоятельства, отвлекавшие его от учебы в университете. Это, конечно, не только женитьба, но прежде всего увлечение издательским делом. В своем письме от 19 мая 1908 года к известному писателю и издателю А.С. Суворину Динзе указывает на январь 1908 года как на начало своей издательской деятельности и упоминает шесть книг, выход которых планируется осенью 1908 года. Правда, из этих шести книг свет увидели в итоге только две и не в 1908 году, а в 1909-м, но зато в его собственном издательстве, названном им девичьей фамилией его жены О.В. Богдановой⁹. Весной 1909 года в связи с издательской деятельностью Динзе был привлечен к суду: его обвиняли «в преступлении, предусмотренном 2 ч. 132 ст. угол[овного] улож[ения]», то есть в размножении, хранении или провозе из-за границы нелегальной литературы. К счастью, он был оправдан «на основании 1 п. 771 ст. уст[ава] угол[овного] суда» (ЦГИА, 1905 — [1912], л. 1, 2), то есть его деяние было признано не воспрещенным законом¹⁰.

Издательство оставалось, по-видимому, небольшим, но довольно успешным предприятием, которое просуществовало, по крайней мере, вплоть до 1923 года¹¹. Как явствует из объявлений на оборотах лицевой и

⁹ Две опубликованные книги — это выполненный самим Динзе перевод «Физиологической психологии» Т. Цигена (1909) и его первая книжка как самостоятельного автора, посвященная истории самодеятельных (неофициальных) ученических групп и кружков (Динзе, 1909), которую он посвятил своей матери; из остальных упомянутых книг одна, видимо, вообще не вышла в свет, а три другие — в чужих издательствах, в чужих переводах и с чужими предисловиями, в том числе книга Й. Петцольда (Петцольд, 1909; Петцольд, 1911), перевод которой собирался представить сам Динзе, а предисловие должен был написать философ-неокантианец И.И. Лапшин. В своем письме Динзе просил Суворина о финансовой поддержке издания еще одной книги — «Общей физиологии» М. Ферворна (РГАЛИ, 1908). Из этого письма и из предисловия к его собственной книге также явствует, что Динзе был знаком с семьей Виктора Ивановича Базилевского, известного петербургского геолога и мецената, и гостил в его имении Великино (ныне Кингисеппский район Ленинградской области). В.И. Базилевский, приятель Суворина, собирался выступить рекоммендателем Динзе, но не приехал в город, и Суворин на первое письмо Динзе не ответил.

Олимпиада Викторовна Богданова (в замужестве Динзе, 1886–1942) — преподаватель математики, после революции работала в издательствах «Наука и школа», «Academia» (см.: Кроленко, 2011, с. 743), была сотрудником Библиотеки Академии наук СССР. В браке с В.Ф. Динзе родилось двое детей — Лев и Ирина, об их судьбе ничего достоверно не известно.

¹⁰ О каком именно деянии шла речь, установить не удалось.

¹¹ Хронологически последней книгой издательства, судя по данным библиотечных каталогов, стала книга Н.А. Рожкова «Очерки из истории Англии, Франции и Германии XII–XX вв.: От самовластия к народовластию», вышедшая вторым, исправленным и дополненным, изданием в 1923 году. Что послужило причиной закрытия издательства — изменившаяся внутривластная ситуация в стране или развод с женой, неизвестно. Известно только, что в 1922 г. Динзе женился второй раз. Его же

тыльной сторон обложек выпущенных книг, оно специализировалось (это подтверждают и современные библиотечные каталоги) на издании «научных и научно-популярных трудов из области философии, педагогики и психологии»¹².

Немалая доля выпускаемой издательством литературы приходилась на переводные произведения, что было вполне в русле одного из тех направлений научной деятельности, который определили для себя в качестве приоритетного многие русские ученые-гуманитарии начала XX века и, в частности, русские неокантианцы, публично сформулировавшие свою задачу: «систематический выпуск произведений классиков [философии] и главнейших представителей современности в хорошем переводе» (Яковенко, 2000, с. 659). Замечательный пример того, как решалась эта задача¹³, дают публикуемые ниже письма (см. приложение). Из них следует, что проект издания «Социальной педагогики» П. Наторпа на русском языке созрел у Динзе уже к 1909 году. В 1912 году он издал перевод еще одной философско-педагогической работы Наторпа, выполненный неокантианцем М. М. Рубинштейном, — шесть лекций, раскрывающих взаимную обусловленность культуры народа и культуры отдельной личности, тесную взаимосвязь развития личности и развития народности (Наторп, 2006а). Кроме того, Динзе принадлежат переводы (их организация или редакция) трудов по философии Г. Арнима, А. Мессера, К. Форлендера, Р. Эйкена; по психологии — Т. Цигена, Р. Гауппа, Г. Гейманса, М. Дессуара, П. Леви, В. Прейера, Э. Тулуза, Кл. и В. Штернов, Г. Эббингауза; по педагогике — П. Барта, Э. Клапареда, Г. Компейре, Р. Пенцига, А. Ферьера¹⁴. В 1910 году Динзе еще раз попытался заинтересовать А. С. Суворина своими издательскими планами и подвинуть того к совместному изданию многотомной «Педагогической энциклопедии», которая должна была «охватить все вопросы, относящиеся к педагогической теории и практике, то есть вопросы педагогической психологии, истории педагогики и школ, школьного законодательства, методик и т. д.»¹⁵, а ее редакторами выступили бы В. М. Бехтерев, П. Ф. Каптерев и Э. Л. Радлов (РГАЛИ, 1910, л. 8). Однако Суворин эту идею, видимо, не поддержал, и проект не состоялся¹⁶.

ной стала выпускница Петроградского университета, лингвист и переводчик Ольга Николаевна Цельхерт (1905–1977). Ею были выполнены переводы рассказов Герберта Уэллса (1927), Артура Конан-Дойля (1927), Зейна Грея (1929) и др. У Владимира Федоровича и Ольги Николаевны родилась дочь Вероника (1925–2002) — мать Нателлы Абакаровны Абдулаевой-Динзе и Марии Абакаровны (в замужестве Зеленовой).

¹² См., например: (Волжанин, 1916б).

¹³ Это не означает, однако, что Динзе, деятельно способствующий решению этой задачи, сам был неокантианцем, но он определенно симпатизировал этому философскому течению, о чем говорит как выбор западных авторов для перевода и представления русскоязычной публике (из пяти переведенных в его издательстве философов трое были неокантианцами), так и его собственная интеллектуальная позиция.

¹⁴ См. подробнее: (Волжанин, 1916б).

¹⁵ Планировалось 12–15 томов, каждый по 20–25 печатных листов (РГАЛИ, 1910, л. 5).

¹⁶ В своей автобиографии в качестве причины того, почему этот проект не был реализован, Динзе сообщает о «неудачном соглашении с издательской фирмой И. Д. Сытина» (ЦАНО, 1918, л. 2). Возможно, к Сытину Динзе обратился, получив отказ Суворина.

В предвоенные годы Динзе, кроме того, активно участвовал в работе педагогических съездов, преподавал на летних учительских курсах (Стоюхина, 2013, с. 25). В 1912 г. в серии «Всеобщая библиотека» под его редакцией и с небольшой вступительной статьей выходят семь выпусков «Избранных сочинений» Н. А. Добролюбова, в которые Динзе включил статьи литературно-критического характера, а также сатиры и лирику Добролюбова, но исключил статьи историко-экономического — с его точки зрения, устаревшие (Динзе, 1912, с. 3). Весной 1914 г. он начал готовить «коллективный сборник, посвященный вопросам т[ак] наз[ываемой] "народной психологии"» (ЦАНО, 1918, л. 2об), но работа над ним прервалась из-за начавшейся войны. В военные годы Динзе организует и возглавляет Отдел преподавания истории при Педагогическом музее¹⁷, педагогический кооператив «Русское учительство», общеобразовательные курсы для раненых и увечных фронтовиков (Стоюхина, 2013, с. 25), пишет и публикует статьи, сборники и книги, посвященные проблемам национального воспитания и преподавания истории (об этих публикациях речь впереди¹⁸).

Динзе с воодушевлением принял Февральскую революцию 1917 года: в Петрограде «организовал милицию Московской части» (ЦАНО, 1918, л. 3); был председателем одного из отделов Центрального комитета социально-политического просвещения (Стоюхина, 2013, с. 25) при Военном министерстве, возглавляемом А. Ф. Керенским; участвовал в издании газеты «Призыв», которая, судя по всему, стала в этот период выходить не в Париже, а в Петрограде, но сохраняла антибольшевистскую направленность, и в ней по-прежнему сотрудничали социалисты из «Единства» и «Воли народа», чьей целью было «бороться с пораженч[еским] хулиганством и отстаивать необходимую государственность» (РГАЛИ, б. д., л. 1)¹⁹; выступал с публичными лекциями о социально-экономических истоках современной Европы и о международном положении России (Стоюхина, 2013, с. 25); опубликовал несколько брошюр научно-популярного и пропагандистского характера, проясняющих ход событий, произошедших в феврале 1917 года, и смысл новых политических институтов (см.: Динзе, 1917а; Динзе, 1917б²⁰).

В годы гражданской войны Динзе занимался преподаванием в провинциальных вузах: в 1918/19 учебном году читал всеобщую историю в Нижегородском университете, в 1919/20 учебном году — историю и социологию в Самаре (Стоюхина, 2013, с. 25), осенью 1920 года — общий курс социологии в Кубанском университете (Динзе, 1922).

¹⁷ Педагогический музей военно-учебных заведений — организованный в 1864 году учебно-методический центр, в задачи которого входили сбор информации о постановке обучения и воспитания в военно-учебных заведениях в России и за границей, знакомство преподавателей с имеющимися пособиями, а позднее — организация публичных чтений для народа и солдат, учительских курсов, собраний и съездов. В его ведении находилась также большая библиотека педагогической, психологической и учебно-методической литературы.

¹⁸ Некоторые работы были опубликованы под псевдонимом «Вл. Волжанин». См., напр.: (Волжанин, 1916б).

¹⁹ Дата письма неизвестна, но в соответствии с содержанием оно явно относится к весне — лету 1917 года. Динзе, хотя и симпатизировал указанным выше партиям, но сам, насколько известно, оставался беспартийным.

²⁰ В этом издании есть указание на другую брошюру Динзе под названием «Что такое федерализм», которая должна была быть опубликована под № 4 в той же книжной серии и в том же отделе.

В дальнейшем Динзе занимался популяризацией науки, техники и спорта: сотрудничал в издательстве «Прибой», в ленинградском журнале «Вокруг света», где в 1927–1928 годах опубликовал около десяти статей, в том числе о танках как оружии будущего²¹, был членом редакционного совета издательства «Academia» (Кроленко, 2011, с. 743). В 1924 и 1929 годах Динзе арестовывали²². Новый арест последовал 3 февраля 1938 года. Особой тройкой УНКВД Ленинградской области 14 октября 1938 года В. Ф. Динзе был обвинен в пособничестве террору, шпионаже и контрреволюционной организационной деятельности и 22 октября 1938 года расстрелян. Перед последним арестом он занимал должность заведующего кафедрой иностранных языков в Автодорожном институте в Ленинграде (см.: Возвращенные имена, 2003–2016)...

В. Ф. Динзе о национальном воспитании: контекст и основные идеи

К философско-педагогическим идеям Наторпа Динзе обратился не только как переводчик с целью их популяризации в России, но и как теоретик — для формулирования и обоснования своих взглядов на образование и воспитание. В 1913 году он опубликовал собственную работу, посвященную проблеме национального воспитания. Опираясь на идеи авторитетных педагогов и философов — от И. Г. Фихте, В. С. Соловьева, К. Д. Ушинского и В. Я. Стоюнина до О. Бауэра и П. Наторпа, Динзе пытается определить, что следует понимать под национальным воспитанием и, соответственно, под национальной школой. Согласно подзаголовку цель книги — привлечь «отечественное внимание к насущному вопросу». Вопрос этот к 1913 году действительно назрел²³: национальный «дискурс» был фактически узурпирован охранительно-черносотенным направлением²⁴, что выражалось и в образовательной политике, для которой стали характерными насильственная русификация и культурная дискриминация в отношении так называемой «иностранческой школы» (см.: А. Л., 1913). В соответствии с об-

²¹ Указание на эту и другие публикации, в том числе учебники английского и немецкого языков, руководства по эксплуатации велосипеда, мотоцикла и моторной лодки см.: (Матышев, 2013, с. 154).

²² Причины и обстоятельства этих арестов пока не выяснены.

²³ Социально-политический контекст полемики по «национальному вопросу» см. подробнее, например: (Национализм..., 2015).

²⁴ Так, в 1912 году третьим дополненным изданием (первое появилось в 1910 году) вышла книга одного из лидеров русских националистов, П. И. Ковалевского, представлявшая весьма специфическое понимание национального воспитания (Ковалевский, 1912). В 1913 году, руководствуясь в том числе идеями Ковалевского, «авторский коллектив» представителей черносотенного Русского народного союза им. Михаила Архангела выпустил под председательством В. М. Пуришкевича и С. А. Володимерова сборник рецензий на детские книги. Эти рецензии выявляли «преступные книги» (Школьная подготовка..., 1913, с. V), которые возбуждают у ребенка вместо «религиозности и возвышающих душу христианских идей» «жалость к утесненным, бедным крестьянам, незаметно подготавливая его к возмущению против утеснителей» (Школьная подготовка, 1913, с. 2, 3). Над этим сборником, в одной из рецензий которого подозрение в политической неблагонадежности падает даже на «Колыбельную песню» А. Майкова (Школьная подготовка..., 1913, с. 2), Динзе иронизирует в своей статье, посвященной национальной школе (Динзе, 1916б, с. 40).

щим правительственным курсом Министерство народного просвещения выступило в том же году с инициативой начать разработку законопроекта о средней школе, основным вопросом которого представлялась проблема «национального углубления школы». «Последнее, по мнению министерства, должно заключаться в том, чтобы все предметы курса изучались с точки зрения русских национальных интересов и чувств» (Р.Г., 1913, с. 89). Комментируя это сообщение, автор обзора в «Вестнике воспитания» высказывал надежду, что эти «сомнительные средства не достигнут своей цели», потому что с их помощью «под видом национальных интересов защищаются своекорыстные интересы определенных политических и классовых групп населения» (Р.Г., 1913, с. 90). Поскольку в среде российских социал-демократов не было единства по национальному вопросу, а пропаганда интернациональной марксистской позиции была затруднена, в интеллигентской среде преобладали космополитические настроения, которые представлялись единственной альтернативой националистической политике царского правительства, поддерживаемой крайне правыми.

Свое исследование²⁵ Динзе начинает с попытки сформулировать понятие нации. Для этого он выявляет среди современных ему концепций две господствующие: «спиритуалистическую теорию», которая объясняет нацию через признание наличия в народе некой духовной субстанции — «таинственного *народного духа*» (Динзе, 1913, с. 9), и теорию наследственности, заключающуюся в признании некоего передающегося по наследству «материального субстрата», который якобы обеспечивает национальное единство (Динзе, 1913, с. 10). Динзе, однако, не примыкает ни к одной из них, не дает и собственного окончательного, теоретически выверенного определения нации, но, отсеяв все, на его взгляд, несостоятельные варианты, формулирует некое «рабочее» определение, согласно которому основу нации формирует «общность характера на почве общности судьбы, действующей путем естественной наследственности и путем непосредственной передачи культурных ценностей» (Динзе, 1913, с. 20). Допустив в это определение «естественную наследственность», иначе говоря, кровное родство, Динзе сам же уточняет, что этот фактор исторически постоянно ослабляется и растворяется культурными элементами и замещается одной общностью культуры. Таким образом, Динзе совмещает в понятии нации характерные черты собственно нации (общность исторической судьбы) и этноса (общность культуры)²⁶. Кроме того, он отдает должное и «психологической теории», согласно которой нация проявляется в (*само*)сознании и *чувстве* ее членами своего *единства* (Динзе, 1913, с. 24, 27). В этом Динзе явно следует за Наторпом, подчеркивающим в своей «Социальной педагогике», что «не расовая общность и не гнет общей нужды... создают народ; даже общности языка, обычаев и права... было бы недостаточно, чтобы каждый из этих элементов в отдельности послужил основой народной общности; и только общность внутренних, существующих между сознаниями отношений...

²⁵ Основные идеи этого исследования были изложены Динзе в докладе, прочитанном дважды: 31 декабря 1912 года на Первом всероссийском съезде по семейному воспитанию и 4 января 1913 года на Женском съезде Лиги равноправия — и опубликованном в 1916 году (Динзе, 1916а).

²⁶ Современное состояние исследований этих понятий см., например: (Семенов, 2003). В формулировке понятия нации Динзе забывает о чрезвычайно важной, *сущностной* ее характеристике — общности целей, прежде всего политических.

только общность переживаний, где люди сознали свою внутреннюю принадлежность к одному целому, служит основой народной общности как чего-то, что не столько дано, сколько требуется, и от чего в качестве требуемого, в качестве идеи уже никогда нельзя отказаться» (Наторп, 1911, с. 297). Этот момент требования, или долженствования, сообщает понятию народной общности у Наторпа, или нации у Динзе, этическое измерение, к чему Динзе будет постоянно возвращаться в своих размышлениях.

Вместе с тем Динзе фиксирует интенсивно развивающиеся экономические и культурные процессы глобализации и ожидаемо следуемый за ними рост космополитических настроений. Однако, критикуя последние, Динзе не только не противопоставляет общечеловеческую и национальную культуры друг другу, но рассматривает их как взаимодополнительные. Их взаимную дополнительность он объясняет с помощью феномена *национальной апперцепции*, суть которого заключается в том, что «элементы чужой культуры перерабатываются народом в процессе их усвоения и приспособляются к его исконному быту, к наличному запасу привычных взглядов, чувств и настроений» (Динзе, 1913, с. 42). Плодотворность такой апперцепции подчеркивали и русские неокантианцы, когда в предисловии к первой книге журнала «Логос» писали, что «основанное на безусловном усвоении западного наследия философское творчество наше неизбежно вберет в себя имеющиеся у нас своеобразные и сильные культурные мотивы» (От редакции, 1910, с. 13).

Таким образом, Динзе осознает важность популярной в немецком неокантианстве «идеи человечества», лежащей в основании космополитизма. Важность этой идеи он мотивирует тем, что, во-первых, она «напоминает нам о совокупности тех условий, которые необходимы для здоровой жизни личности и народа... (свобода слова и совести, правый суд и просвещение), и тогда эта идея служит основанием для критики национальных недостатков. Во-вторых, общечеловеческими можно назвать те внешние, технические условия для осуществления материальных или духовных задач, усвоение которых не обусловлено отречением от своей народности, отказом от творческой самобытности (пути сообщения и машины, техника в музыке и художественном письме)» (Динзе, 1913, с. 46). Динзе приходит к выводу, что «нация не есть замкнутая общественная группа, невольно или умышленно разорвавшая живую связь с другими народами», и что национальная идея «отнюдь не затемняет общечеловеческого горизонта» (Динзе, 1913, с. 51). Рассматривая нацию в этом контексте, следует определять ее, согласно Динзе, как «коллективную»²⁷ личность, которая, подобно отдельной человеческой личности, имеет свою собственную ценность²⁸ и как раз «во имя полноты общечеловеческой культуры... должн[а] развернуть свои особые духовные силы» (Динзе, 1913, с. 53).

²⁷ В других текстах Динзе называет народ «*соборной личностью*» (Волжанин, 1916б, с. 248; Динзе, 1916б, с. 37).

²⁸ Здесь Динзе следует, в частности, за Г. Риккертом (Динзе, 1913, с. 65–66), который, проводя аналогию между личностью и нацией, утверждал: «Как у единичного лица, так и у всякого народа... всегда есть индивидуальная задача, которой не может быть ни у какого другого народа, и поэтому в мире можно совершить что-либо лишь путем выработки национального своеобразия», ибо только «тот, кто работает в интересах национального своеобразия, всегда имеет перед собой положительно определенные культурные цели» (Риккерт, 1997, с. 516).

Вопрос о национальной *идее*, иными словами, о социальном идеале, Динзе раскрывает через вопрос о смысле исторического бытия. Он сомневается, что «политическим или военным актом» можно полностью осуществить национальную идею. На первый план должны выйти, по его мнению, проблемы народной жизни и формирования национальной идеологии, способной придать «осмысленность» существованию и отдельной личности, и целого народа (Динзе, 1913, с. 71–72). В другом тексте Динзе определяет национальный идеал как «особую задачу данного народа в общечеловеческом развитии» (Динзе, 1916а, с. 17), подчеркивая этическое содержание²⁹ и универсальную значимость этого идеала, *обязывающего* «всех, а не отдельный класс или сословие» (Динзе, 1916а, с. 18).

Привить национальный идеал индивиду можно, как считает Динзе, только с помощью школы. В связи с этим Динзе формулирует три требования к национальному воспитанию и, по крайней мере, в двух из них опирается непосредственно на положения Наторпа, высказанные им в его «Социальной педагогике» и других философско-педагогических сочинениях. В качестве первого требования Динзе указывает на необходимость «*приобщить весь народ к национальной культуре*» путем введения «всеобщего и равного»³⁰ для всех образования» (Динзе, 1913, с. 73–74; см.: Наторп, 1911, с. 215), поскольку, цитирует Динзе Наторпа, «слишком очевидно, как неизмеримо нация, прошедшая школу, превосходит всякую другую, которая не прошла школы, хотя бы нация последнего рода отличалась достаточными умственными способностями, быть может, остротой чувств и ловкостью, хотя бы она была миролюбива и спокойна, обладала духом общественности и храбростью» (Динзе, 1913, с. 74; Наторп, 1911, с. 216). Требование всеобщего образования было тем более актуально, что в 1913 году в европейской части России количество грамотных составляло только 30 % от общего числа жителей этого региона, и это было, например, более чем вдвое меньше того, что в процентном отношении составляло грамотное население во всей многонациональной Австрии (А.Л., 1913, с. 82), а к концу 1914 года охват школой детей в возрасте от 8 до 11 лет по всей империи приходился лишь на 30,1 % (в городах — 46,6 %, в сельской местности — 28,3 %) (Крылов, 1995, с. 326).

Второе требование, или задача национального воспитания, заключается, согласно Динзе, в «*развитии определенных сторон народной души*», что предполагает необходимость изучения этой души (то есть национального характера) для того, чтобы с помощью соответствующих педагогических мер содействовать укреплению ее положительных черт и искоренению отрицательных. Так что требование национальности, или народности³¹,

²⁹ В подтверждение этой мысли Динзе ссылается на Н.Г. Дебольского и Г. Риккерта (Динзе, 1913, с. 63–67).

³⁰ Имеется в виду *равно доступное* образование, соответствующее индивидуальным способностям: «...Всякий человек имеет одинаковое право на заботливость об его образовании, и слабо одаренный — даже большее право, чем взысканный природою; ибо возможно большее развитие всех имеющихся духовных зародышей отвечает интересам всех» (Наторп, 1911, с. 215; см.: Динзе, 1913, с. 74).

³¹ Эти понятия, а также понятия нации и народа употребляются Динзе синонимично. Вместе с тем он разводит понятия национального воспитания и гражданского воспитания — последнему он планировал посвятить отдельную работу под названием «О гражданском воспитании русской молодежи» (Динзе, 1913, с. VII), которая, по всей видимости, осталась ненаписанной.

в воспитании (Динзе следует здесь прежде всего за В.Я. Стоюниным и К.Д. Ушинским) вовсе не подразумевает ни слепого восхваления своей нации, ни призыва к национальной исключительности, а органично включает в национальное самосознание разумную критичность по отношению к себе и своему народу (Динзе, 1913, с. 74–76, 81). И хотя Динзе не ссылается здесь на Наторпа, но и эта задача так или иначе опирается на наторповские принципы. Так, основная идея «Социальной педагогики» состоит в том, что воспитание, сущность которого Наторп видит в воспитании воли, обусловлено жизнью общности (то есть народа) и в свою очередь обуславливает жизнь общности (Наторп, 1911, с. IX). Поэтому всё, что планируется сделать для народа, должно быть сделано *через* народ, то есть при его непосредственном и деятельном участии, в ходе которого и будут формироваться его положительные черты. В противном случае всё предпринятое не сможет стать «истинным и устойчивым благом для него» (Наторп, 2006а, с. 185).

И наконец, решение третьей задачи национального воспитания — «созидание национальной сплоченности» — должно обеспечить, полагает Динзе, постепенное преодоление «сословной обособленности и классовой розни» и «утверждение национальной солидарности в противовес эгоистическим поползновениям класса» (Динзе, 1913, с. 75–76). Оставляя в стороне, как он сам пишет, вред, приносимый сословными интересами, Динзе критикует здесь интернационализм пролетариата, «социальный идеализм» которого «зачастую вырождается... в кичливый фанатизм, словно грядущая свобода уготовлена для одного только класса» (Динзе, 1913, с. 76). В положительной части формулировки этой задачи Динзе явно следует за Наторпом, хотя и не ссылается на него. В статье «Идеи Песталоцци об образовании рабочих и социальный вопрос» Наторп сформулировал, а в «Социальной педагогике» еще раз проговорил идею, согласно которой «высшая и благороднейшая общность — общность образования» может преодолеть классовые противоречия (Natorp, 1907, S. 76, ср.: Наторп, 1911, с. 218) и способствовать достижению обществом состояния социальной справедливости. В критической же части Динзе руководствуется, очевидно, не только собственным политическим опытом, но и опирается на австрийского социал-демократа Отто Бауэра, соответствующее место из работы которого о национальном вопросе он процитировал в первой главе своей книги: «Хотя между немецкими и английскими рабочими и существуют известные сношения, всё же они далеко не так тесны, как связь между английским рабочим и английским буржуа, живущими в одном и том же городе, читающими одни и те же газеты, участвующими в одних и тех же политических событиях...» (Бауэр, 1909, с. 116; Динзе, 1913, с. 18; ср.: Динзе, 1916б, с. 39). Печальную правоту Бауэра и Динзе подтвердила начавшаяся вскоре война, в шовинистском угаре которой многие партии социалистической направленности предали собственные интернациональные интересы, выступив в поддержку правительств, объявивших о мобилизации и вступлении в войну...

Вместе с Ушинским Динзе видит желаемый результат национального воспитания в «крепком и спокойном национальном самосознании», которое «признаёт и усваивает чужое, но оно ценит также и свой народ, уважает свою народность; оно дорожит своей самобытностью и готово защищать ее как от слепого подражания, так и от грубой силы завоевателя» (Динзе, 1913, с. 81).

Сразу после выхода в свет «Социальная педагогика» Наторпа и «О национальном воспитании» Динзе получили критические отзывы в периодической печати.

Критика о «Социальной педагогике» Пауля Наторпа

«Социальную педагогику» Наторпа³² ждали в России с нетерпением. Автор отзыва на вышедший ранее перевод Г.Г. Шпета работы Наторпа «Философия как основа педагогики» сетовал на «конспективность изложения» представленной в брошюре педагогической теории немецкого философа и высказывал пожелание, «чтобы и другие педагогические его труды, особенно же его "Sozialpädagogik", появились в русском переводе» (Кашин, 1910, с. 4).

Еще до выхода «Социальной педагогики» по-русски философ-неокантианец Иван Иванович Лапшин начал готовить подробный очерк этой книги³³. Очерк появился в печати практически одновременно с выходом самой книги (книга увидела свет в январе-феврале 1911 г.) и сразу обозначил место ее автора среди классиков педагогики — таких, как Я.А. Коменский, И.Г. Песталоцци, И.Ф. Гербарт, Ж.-Ж. Руссо, Ф. Фрёбель или Г. Спенсер (Лапшин, 1911).

Если Лапшин вписал теорию социальной педагогики Наторпа в *традицию* педагогической мысли, то филолог и педагог Александр Федорович Музыченко рассматривает эту теорию в числе новейших течений *современной* педагогической мысли и видит ее достоинство прежде всего в «принципиально обоснованном, строго методически проведенном» исследовании взаимоотношения индивида и общности, воспитания и развития социальной жизни. Музыченко выделяет два недостатка этого учения: во-первых, оно основано преимущественно на кантовской этике и теории познания, что Лапшин, напротив, считает достоинством (Лапшин, 1911, с. 209), а во-вторых, в нем игнорируются данные экспериментальной психологии (Музыченко, 1913, с. 169—170).

С последней претензией выступает в своей рецензии и С. Попич. Признавая за Наторпом авторитет и богатую научную эрудицию, а за его трудом, «в короткое время сделавшимся классическим», солидность, он отказывается видеть в концепции Наторпа научную обоснованность и общезначимость: вместо того чтобы искать основания педагогики в психологии или в опыте воспитания, Наторп пытается обосновать педагогику как науку на принципах трансцендентализма («на законах, которые ставит сам разум»), исходит «из доверия к разуму», из собственного понимания его законов (Попич, 1911, с. 192, 194). Вместе с тем рецензент, предлагающий «пойти за научным обоснованием педагогики к самому воспитаннику», не замечает, что, предпочитая «из двух грехов — глубокого доверия разуму и глубокого доверия природе человека» — последний (Попич, 1911, с. 194), он вместо разума принимает для основания науки педагогики просто другой метафизический конструкт — специфически понятую «природу чело-

³² Об актуальности педагогической теории Наторпа в наши дни см.: (Воробьев, 2016).

³³ См. приложение к книге (Наторп, 1911), письма 8, 9.

века»³⁴... Проблемы национальной школы и национального (или патриотического) воспитания, проходящей в книге Наторпа периферийно, рецензент не касается³⁵.

Эту проблему затрагивает сербский психолог, позднее профессор педагогики Нью-Йоркского университета П.Р. Радосавлевич, чей обзор современных социально-педагогических теорий в переводе на русский язык вышел в августе 1912 г. Он отмечает, что требование Наторпа национальной школы восходит к учениям Платона и Н. де Кондорсе, но при этом рецензент сводит смысл национальной школы лишь к приучению ребенка к социальным порядкам, а ее цель — к социализации (Радосавлевич, 1911–1912, с. 80).

П. А. Соколов в своем фундаментальном пособии для «самообразования воспитателей и учителей», вышедшем, кстати, в издательстве, руководимом Динзе, не только довольно подробно излагает основные положения педагогической теории Наторпа, подчеркивая ее философскую обоснованность, «строгое единство и систематичность» (Соколов, 1913, с. 575), но и в связи с ней уделяет большое внимание проблеме национальной школы, которую называет «всеобщеравной». Объясняя эту наторповскую концепцию, Соколов пишет: «Вся нация должна пройти через равную школу. Там, где образование, хотя бы лишь на определенных высших ступенях... становится привилегией одного класса, там есть уже разделение внутри самой нации. Чтобы стать сильной и внешне, нация должна быть спаянной внутренне, а это дается одинаковым и именно общественным... образованием» (Соколов, 1913, с. 581–582). Разделение школы должно происходить только после шести, как минимум, лет общего элементарного образования³⁶ и только в интересах подготовки к будущей профессии и воспитания специфических профессиональных обязанностей — «"долга", вытекающего из особой работы, "долга", который всегда в деятельной стороне обращен к другим, т. е. есть "долг" в отношении к общности» (Соколов, 1913, с. 582). Но формирование в подростке чувства профессионального долга, вырастающего с годами в «безусловно должное», будет успешным только тогда, полагает Соколов, когда в нем уже прочно укрепилось само сознание «принадлежности к общности», возвращенное всеобщей равной школой (Соколов, 1913, с. 582; см.: Наторп, 1911, с. 217).

(Продолжение следует)

³⁴ Рецензент хотя и не развертывает подробно собственную позицию, но из контекста можно заключить, что речь идет о руссоистски понятой «природе», изначально обладающей исключительно «добрыми задатками». В этом отношении педагогика Наторпа, принимающая во внимание социум («общность») и фактический уровень его развития, определяемый по степени реализованности в нем принципа социальной справедливости, представляется гораздо более современной, обоснованной и продуктивной теорией воспитания.

³⁵ Эту проблему в связи с преподаванием истории артикулирует в своем очерке Лапшин, о чем см. далее.

³⁶ Идею о том, что «все дети, не исключая детей привилегированных сословий, должны посещать народную школу, чтобы с детства устранить рознь», Наторп заимствовал, как указывает М.М. Рубинштейн, у Ф. Шлейермахера (Рубинштейн, 1916б, с. 222).

Список литературы

1. А.Л. Национальная школа в государственной думе // Вестник воспитания. 1913. №6. Отд. III. С. 77–98.
2. Бауэр О. Национальный вопрос и социал-демократия / предисл. Х. Житловского; пер. с нем. М. С. Панина. СПб., 1909.
3. Возвращенные имена. Книги памяти России. Российская национальная библиотека, 2003–2016. URL: <http://vizs.nlr.ru/person> (дата обращения: 11.02.2016).
4. Волжанин Вл. [Динзе В.Ф.]. История как предмет начального обучения. Пг., 1916б.
5. Воробьев М.В. Теория социальной педагогики Пауля Наторпа и ее актуальность для современного российского образования // Кантовский сборник. 2016. Т. 35, №2. С. 93–103.
6. Гессен С.И. Пауль Наторп / публик. Н.А. Дмитриевой и А.А. Сухих, коммент. и послесл. Н.А. Дмитриевой // Кантовский сборник. 2014. №1 (47). С. 87–102.
7. Динзе В.Ф. Государственный переворот в России. Пг., 1917а.
8. Динзе В.Ф. Наука, ее условия и задачи. Пг., 1922.
9. Динзе В.Ф. О нации и национальной идее в педагогике [1913] // Волжанин [Динзе] Вл., Динзе В.Ф., Смирнов С.Д. О национальной школе : сб. ст. Пг., 1916а. С. 5–21.
10. Динзе В.Ф. О национальном воспитании. Опыт привлечения отечественного внимания к насущному вопросу. СПб., 1913.
11. Динзе В.Ф. О национальной русской школе [1914] // Волжанин [Динзе] Вл., Динзе В.Ф., Смирнов С.Д. О национальной школе : сб. ст. Пг., 1916б. С. 35–66.
12. Динзе В.Ф. От редакции // Добролюбов Н.А. Избранные сочинения [в семи вып.] / ред. и вступ. ст. В.Ф. Динзе. СПб., 1912. С. 3.
13. Динзе В.Ф. Очерки по истории среднешкольного движения. СПб., 1909.
14. Динзе В.Ф. Что такое автономия? Пг., 1917б. — (Библиотека свободного гражданина / под ред. С.В. Вознесенского. Отд. политический; №11).
15. Иностранцы на Камско-Воткинском железоделательном заводе 1780–1917 гг. Ижевск, 1997 // Архивы Удмуртии. URL: http://gasur.ru/arch_guide/tdoc_list/tdoc_list_cga.php (дата обращения: 17.11.2015).
16. Кашин Н. [Рецензия] // Русская школа. 1910. №11, отд. III. С. 1–4. Рец. на кн.: Наторп П. Философия как основа педагогики / пер. с нем., предисл. Г.Г. Шпета. М., 1910.
17. Ковалевский П.И. Русский национализм и национальное воспитание в России : в 2 ч. 3-е изд-е, доп. СПб., 1912.
18. Кроленко А.А. Дневник за 1928 год / предисл., публик., коммент. И.В. Дацюк // Институты культуры Ленинграда на переломе от 1920-х к 1930-м годам. СПб., 2011. С. 683–791. URL: <http://www.pushkinskijdom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=UauGArnOGqg%3d&tabid=10460> (дата обращения: 19.11.2015).
19. Крылов И.О. Начальное, среднее общее и специальное образование // Россия 1913 год. Статистико-документальный справочник / Ин-т российской истории РАН; ред.-сост. А.М. Анфимов, А.П. Корелин. СПб., 1995. С. 325–345.
20. Лапишин И.И. Социальная педагогика Наторпа // Очерки по истории педагогических учений. М., 1911. С. 209–229.
21. Матышев А.А. Энциклопедия репрессированных авторов. 1917–1987. Библиография советской трагедии. СПб., 2013. Т. 3.
22. Музыченко А.Ф. Современные педагогические течения в Западной Европе и Америке // Современные педагогические течения. М., 1913. С. 105–219.
23. Наторп П. Культура народа и культура личности. Шесть лекций / пер. с нем. М.М. Рубинштейна [1912] // Наторп П. Избранные работы / сост. В.А. Куренной. М., 2006а. С. 145–294.
24. Наторп П. Социальная педагогика. Теория воспитания воли на основе общности / пер. А.А. Громбаха с 3-го доп. нем. изд-я. СПб., 1911.

25. *Национализм. Полемика 1909–1917* / сост. М.А. Колеров. 2-е изд. М., 2015.
26. *От редакции* // Логос. Международный ежегодник по философии культуры. Русское издание. Кн. 1. М., 1910. С. 1–16.
27. *Петцольд Й.* Проблема мира с точки зрения позитивизма / пер. с нем. Р. Л[емберг] под ред. П. Юшкевича. СПб., 1909.
28. *Петцольд Й.* Проблема о мире с точки зрения позитивизма / пер. с нем. с предисл. и примеч. М.А. Лихарева. 2-е рус. изд. СПб., 1911.
29. *Попич С.* [Рецензия] // Русская школа. 1911. №10, отд. II. С. 192–194. Рец. на кн.: *Наторп П.* «Социальная педагогика». Теория воспитания воли на основе общности / пер. А.А. Громбаха с 3-го доп. нем. изд. СПб. 1911 г. С. 360 + XXVI.
30. *Р.Г.* Из жизни средней школы // Вестник воспитания. 1913. №9, отд. III. С. 83–105.
31. *Радославлевич П.Р.* Социальная педагогика // Свободное воспитание. 1911–1912. №12. Стлб. 75–90.
32. *РГАЛИ. Ф. 459 (Суворин А.С.). Оп. 1. Ед. хр. 1209.* Письмо В.Ф. Динзе А.С. Суворину от 19.05.1908. Л. 1–3.
33. *РГАЛИ. Ф. 459 (Суворин А.С.). Оп. 1. Ед. хр. 1209.* Письмо В.Ф. Динзе А.С. Суворину от 20.03.1910. Л. 4–5; письмо В.Ф. Динзе А.С. Суворину от 28.03.1910. Л. 6–9.
34. *РГАЛИ. Ф. 925 (Щербов П.Г.). Оп. 1. Ед. 34.* Письмо В.Ф. Динзе к П.Г. Щербову. Б.д., 2 л.
35. *Риккерт Г.* Границы естественнонаучного образования понятий / пер. с нем. А.М. Водена, предисл. А.В. Маркова. СПб., 1997.
36. *Рубинштейн М.М.* История педагогических идей в ее основных чертах. М., 1916б.
37. *Семенов Ю.И.* Этносы, нации, расы // Социальная философия. Курс лекций / под ред. И.А. Гобозова. М., 2003. С. 236–266.
38. *Соколов П.А.* История педагогических систем. СПб., 1913.
39. *Стоюхина Н.Ю.* Выдающиеся психологи и педагоги в Нижегородском университете (1918–1921 гг.). Н. Новгород, 2013.
40. *Стоюхина Н.Ю.* Гуманитарное образование в провинции. Нижегородский университет в первые годы советской власти. Н. Новгород, 2011.
41. *ЦГИА (Центральный государственный исторический архив). Ф. 14 (Санкт-Петербургский университет). Оп. 3. Ед. хр. 44031.* Дело студента Императорского Санкт-Петербургского университета Владимира Фридриховича Динзе. 1905 – [1912]. 43 л.
42. *ЦАНО (Центральный архив Нижегородской области). Ф. 377. Оп. 2. Д. 363.* Автобиография В.Ф. Динзе, 24 сентября 1918 г. Л. 2–3.
43. *Школьная подготовка второй русской революции* / сост. В. Пуришкевича; издание Русского народного союза им. Михаила Архангела. СПб., 1913.
44. *Яковенко Б.В.* О задачах философии в России [1910] // Яковенко Б.В. *Мощь философии.* М., 2000. С. 653–660.
45. *Natorp P.* Pestalozzis Ideen über Arbeiterbildung und soziale Frage [1894] // *Natorp P. Gesammelte Abhandlungen zur Sozialpädagogik. 1. Abt.: Historisches.* Stuttgart, 1907. S. 69–97.
46. *Stolzenberg J.* Ursprung und System. Probleme der Begründung systematischer Philosophie im Werk Herman Cohens, Paul Natorps und beim frühen Martin Heidegger. Göttingen, 1995.

Об авторе

Нина Анатольевна Дмитриева — доктор философских наук, профессор кафедры философии, Институт социально-гуманитарного образования, Московский педагогический государственный университет, na.dmitrieva@mpgu.edu

ROUND THE "SOCIAL PEDAGOGY" OF PAUL NATORP:
VLADIMIR DINZE IN THE DEBATES ON NATIONAL UPBRINGING.
PART 1

N. Dmitrieva

Many scholars and practitioners in the sphere of the public education and upbringing in Russia addressed themselves to the philosophical-pedagogical ideas of German philosopher of Neo-Kantian movement Paul Natorp. These ideas were formulated mainly in his fundamental work "Social Pedagogy". Vladimir Dinze relies on Natorp's thesis of the national school as the way of accustoming "the all people to the national culture", actualizes the heritage of Russian and Western pedagogues and philosophers and formulates newly the problem of the national upbringing that is after hundred years in tune with the times as before. The papers of Dinze himself and the translation of Natorp's "Social Pedagogy" which was organized by him turned out to be the catalysts in the debates on the national education and upbringing. The debates took place in Russian in 1913 – 1916, and the outstanding philosophers and pedagogues like M. Rubinstein, P. Blonskiy, V. Soroka-Rosinskiy, S. Zolotarev, P. Devin, S. Rusova and others participated in these debates. As result there worked out the principles of the general and equally accessible national education for all social groups and the harmonious and humane patriotic upbringing, which had to be open to the best achievements of the world culture.

The letters of Russian scholars V. Dinze and A. Grombach to P. Natorp and one letter of Natorp to Dinze will be published as a supplement to the article. These letters show not only the process of the translation of "Social Pedagogy" into Russian, but also disclose the peculiarities of the organization of translations of the contemporary scientific literature in Russia at the beginning of the 20th century. They were the personal initiative, enthusiasm, the responsibility before the future reader, the scope and intensity of the translators' and publishers' activity and the constant lack of adequate financing of this activity.

Key words: Paul Natorp, Vladimir Dinze, "social pedagogy", nation, cosmopolitanism, national education, patriotic upbringing, scientific translation.

References

1. A.L. 1913, Natsional'naya shkola v gosudarstvennoi dume [National school in State Duma], *Vestnik vospitaniya* [Herald of upbringing], no. 6, otd. III, p. 77–98.
2. Anon., 1910, Ot redaktsii [From editorial board], *Logos*, vol. 1, Moscow, p. 1–16.
3. Anon., 1997. Inostrantsy na Kamsko-Votkinskom zhelezodelatel'nom zavode 1780–1917 gg. Perechen' dokumentov [Foreigner at the Kama-Votkinsk ironworks. List of documents], GKU "Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Udmurtskoi Respubliki". Izhevsk, available at: http://gasur.ru/arch_guide/tdoc_list/tdoc_list_cga.php (accessed 17.11.2015).
4. Anon., 2003–2016, *Vozvrashchennye imena. Knigi pamyati Rossii* [Returned names. Memory book of Russia], Rossiiskaya natsional'naya biblioteka, available at: <http://vizs.nlr.ru/person> (accessed 11.02.2016).
5. Bauer, O. 1909, *Natsional'nyi vopros i sotsial-demokratiya* [National question and social-democracy], predisl. Kh. Zhitlovskogo; per. s nem. M. S. Panina. St. Petersburg.
6. Dinze, V.F. 1917a, *Gosudarstvennyi perevorot v Rossii* [Coup d'état in Russia], Petrograd.
7. Dinze, V.F. 1922, *Nauka, ee usloviya i zadachi* [Science, its conditions and tasks]. Petrograd.
8. Dinze, V.F. 1916a, O natsii i natsional'noi idee v pedagogike [About nation and national idea in pedagogy], in: Volzhanin [Dinze], V., Dinze, V.F., Smirnov, S.D., *O natsional'noi shkole* [About national school], Petrograd, p. 5–21.
9. Dinze, V.F. 1913, *O natsional'nom vospitanii. Opyt privlecheniya otechestvennogo vnimaniya k nasushchnomu voprosu* [About national upbringing. An attempt to draw the domestic attention to the urgent problem], St. Petersburg.

10. Dinze, V.F. 1916b, O natsional'noi russkoi shkole [About national Russian school], in: Volzhanin [Dinze], V., Dinze, V.F., Smirnov, S.D., O natsional'noi shkole [About national school], Petrograd, p. 35–66.
11. Dinze, V.F. 1912, Ot redaktsii [From editorial board], in: Dobrolyubov, N.A., Izbrannye sochineniya [Selected works], St. Petersburg, p. 3.
12. Dinze, V.F. 1909, Ocherki po istorii sredneshkol'nogo dvizheniya [Essays on the history of the movement of secondary school], St. Petersburg.
13. Dinze, V.F. 1917b, Chto takoe avtonomiya? [What is autonomy?] Petrograd.
14. Gessen, S.I. 2014, Paul Natorp, Kantovskii sbornik [Kantian collection], no. 1 (47), p. 87–102.
15. Kashin, N. 1910, [Rev.:] Natorp P. Filosofiya kak osnova pedagogiki. Perv. s nem., predisl. G.G. Shpeta [], Russkaya shkola [Book review: Paul Natorp, Philosophy as the basis of pedagogy, translated by G.G. Shpet], no. 11, otd. III, p. 1–4.
16. Kolerov, M.A. (ed.) 2015, Natsionalizm. Polemika 1909–1917 [Nationalism. Polemics of 1909–1917], 2-e izd., Moscow.
17. Kovalevskii, P.I. 1912, Russkii natsionalizm i natsional'noe vospitanie v Rossii [Russian nationalism and national upbringing in Russia], in 2 parts. Izd-e 3-e, St. Petersburg.
18. Krolenko, A.A. 2011, Dnevnik za 1928 god. [Diary of 1928], predisl., publik., komment. I.V. Datsyuk, in: Instituty kul'tury Leningrada na perelome ot 1920-kh k 1930-m godam [Institutes of culture of Leningrad on the turn from 1920s to 1930s], IRL RAN (Pushkinskii dom). Elektronnoe izdanie. St. Petersburg, p. 683–791, available at: <http://www.pushkinskijdom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=UAuGArnOGqg%3d&tabid=10460> (accessed 19.11.2015).
19. Krylov, I.O. 1995, Nachal'noe, srednee obshchee i spetsial'noe obrazovanie [Primary, general and specialized secondary education], in: Anfimov, A.M., Korelin, A.P. (eds.), Rossiya 1913 god. Statistiko-dokumental'nyi spravochnik [Russia in 1913. Statistical-documentary compendium], Inst. rossiiskoi istorii RAN, St. Petersburg, p. 325–345.
20. Lapshin, I.I. 1911, Sotsial'naya pedagogika Natorpa [Social pedagogy of Natorp], in: Nechaev, A.P. (ed.), Ocherki po istorii pedagogicheskikh uchenii [Essays on the history of pedagogical studies], Moscow, p. 209–229.
21. Matyshev, A.A. 2013, Entsiklopediya repressirovannykh avtorov. 1917–1987. Biobibliografiya sovetskoi tragedii [Encyclopedia of repressed authors. 1917–1987. Biobibliography of Soviet tragedy], vol. 3, St. Petersburg.
22. Muzychenko, A.F. 1913, Sovremennye pedagogicheskie techeniya v Zapadnoi Evrope i Amerike [Contemporary pedagogical movements in Western Europe and America], in: Sovremennye pedagogicheskie techeniya [Contemporary pedagogical movements], Moscow, p. 105–219.
23. Natorp, P. 1907, Pestalozzis Ideen über Arbeiterbildung und soziale Frage, in: Natorp, P., Gesammelte Abhandlungen zur Sozialpädagogik. 1. Abt.: Historisches, Stuttgart, S. 69–97.
24. Natorp, P. 1911, Sotsial'naya pedagogika. Teoriya vospitaniya voli na osnove obshchnosti [Social pedagogy. The theory of upbringing of the will on the base of community], St. Petersburg.
25. Natorp, P. 2006a, Kul'tura naroda i kul'tura lichnosti. Shest' lektsii [Culture of folk and culture of person. Six lectures], in: Natorp, P., Izbrannye raboty [Selected works], sost. V.A. Kurennoi, Moscow, p. 145–294.
26. Petzoldt, J. 1909, Problema mira s tochki zreniya pozitivizma [Problem of peace from the positivistic point of view], per. s nem. R. L[emberg] pod red. P. Yushkevicha, St. Petersburg.
27. Petzoldt, J. 1911, Problema o mire s tochki zreniya pozitivizma [Problem of peace from the positivistic point of view], per. s nem. s predisl. i primech. M.A. Likhareva, 2-e rus. izd., St. Petersburg.
28. Popich, S. 1911, [Rev.:] P. Natorp. "Sotsial'naya pedagogika". Teoriya vospitaniya voli na osnove obshchnosti [Book review: P. Natorp, "Social pedagogy". The theory of upbringing of the will on the base of community], Russkaya shkola [Russian school], no. 10, otd. II, p. 192–194.

29. Purishkevich, V. (ed.) 1913, *Shkol'naya podgotovka vtoroi russkoi revolyutsii* [School preparation of the second Russian revolution], Izdanie Russkogo narodnogo soyuza im. Mikhaila Arkhangel'skogo, St. Petersburg.
30. R.G. 1913, *Iz zhizni srednei shkoly* [From the life of secondary school], *Vestnik vospitaniya* [Herald of upbringing], no. 9, otd. III, p. 83–105.
31. Radosavlevich, P.R. 1911/1912, *Sotsial'naya pedagogika* [Social pedagogy], *Svobodnoe vospitanie* [Free upbringing], no. 12, p. 75–90.
32. RGALI, 1908. F. 459 (Suvorin A.S.). Op. 1. Ed. khr. 1209. *Pis'mo V.F. Dinze A.S. Suvorinu ot 19.05.1908* [The letter from V.F. Dinze to A.S. Suvorin, 19.05.1908]. L. 1–3.
33. RGALI, 1910. F. 459 (Suvorin A.S.). Op. 1. Ed. khr. 1209. *Pis'mo V.F. Dinze A.S. Suvorinu ot 20.03.1910* [The letter from V.F. Dinze to A.S. Suvorin, 20.03.1910]. L. 4–5; *Pis'mo V.F. Dinze A.S. Suvorinu ot 28.03.1910* [The letter from V.F. Dinze to A.S. Suvorin, 28.03.1910]. L. 6–9.
34. RGALI, B.d. F. 925 (Shcherbov P.G.). Op. 1. Ed. 34. *Pis'mo V.F. Dinze k P.G. Shcherbovu* [The letter from V.F. Dinze to P.G. Shcherbov], 2 l.
35. Rickert, H. 1997, *Granitsy estestvennonauchnogo obrazovaniya ponyatii* [The limits of concept formation in natural science], predisl. A. V. Markova, St. Petersburg.
36. Rubinshtein, M.M. 1916b, *Istoriya pedagogicheskikh idei v ee osnovnykh chertakh* [The history of pedagogical ideas in its main traits], Moscow.
37. Semenov, Yu. I. 2003, *Etnosy, natsii, rasy* [Ethnic groups, nations, races], in: Gobozov, I.A. (ed.), *Sotsial'naya filosofiya. Kurs lektsii* [Social philosophy. Lectures], Moscow, p. 236–266.
38. Sokolov, P.A. 1913, *Istoriya pedagogicheskikh sistem* [The history of pedagogical systems], St. Petersburg.
39. Stolzenberg, J. 1995, *Ursprung und System. Probleme der Begründung systematischer Philosophie im Werk Herman Cohens, Paul Natorps und beim frühen Martin Heidegger*, Göttingen.
40. Stoyukhina, N. Yu. 2013, *Vydayushchiesya psikhologi i pedagogi v Nizhegorodskom universitete (1918–1921 gg.)* [Outstanding psychologists and pedagogues in the Nizhnii Novgorod university], Nizhnii Novgorod.
41. Stoyukhina, N. Yu. 2011, *Gumanitarnoe obrazovanie v provintsii. Nizhegorodskii universitet v pervye gody sovetskoi vlasti* [Liberal education in province. The Nizhnii Novgorod university in the first years of Soviet power], Nizhnii Novgorod.
42. TsGIA, 1905 – [1912]. F. 14. Op. 3, no. 44031. *Delo studenta Imperatorskogo Sankt-Peterburgskogo universiteta Vladimira Fridrikhovicha Dinze* [The file of the student of the Imperial Saint-Petersburg university Vladimir Dinze]. 43 l.
43. TsANO, 1918. F. 377. Op. 2, no. 363. *Avtobiografiya V.F. Dinze* [Autobiography of V. Dinze], 24 sentyabrya 1918. L. 2–3.
44. Volzhanin [Dinze], Vl. 1916b, *Istoriya kak predmet nachal'nogo obucheniya* [History as a subject of primary education], Petrograd.
45. Vorobiev, M.V. 2016, *Teoriya sotsial'noi pedagogiki Paulya Natorpa i ee aktual'nost' dlya sovremennogo rossiiskogo obrazovaniya* [Paul Natorp's social pedagogic theory and its relevance to modern Russian education], *Kantovskii sbornik* [Kantian collection], vol. 35, no. 2, p. 93–103.
46. Yakovenko, B.V. 2000, *O zadachakh filosofii v Rossii* [About the tasks of philosophy in Russia], in: Yakovenko B.V. *Moshch' filosofii* [Power of philosophy], Moscow, p. 653–660.

About the author

Prof. Nina A. **Dmitrieva**, Department of Philosophy, Institute of Social-Humanitarian Education, Moscow Pedagogical State University, na.dmitrieva@mpgu.edu

УДК 1(091)

ЕСТЕСТВЕННОЕ ПРАВО
ФАЙЕРАБЕНДА
ВВЕДЕНИЕ¹

И. Кант*

Все *императивы* условны или безусловны, условные — либо проблематичны (императив умения), либо ассерторичны (императив благоразумия). Безусловный императив мудрости аподиктичен; все *императивы*, следовательно, либо *гипотетичны*, либо *категоричны*. То, что нужно говорить правду, совершенно безусловно. Как возможен такой *категорический* императив? *Категорические* императивы повелевают без эмпирических условий. И хотя у них могут быть условия, но [это условия] *a priori*, и тогда само условие *категорично*. Все произвольные цели относятся в конечном счете к счастью. Оно — сумма достижения всех целей. Но счастье является эмпирическим условием, ибо я не могу знать, будет ли нечто способствовать моему счастью и как я стану счастливым, но я должен это сначала испытать. — Императивы благоразумия прагматичны. Законы называют прагматическими санкциями, которые нацелены на всеобщее благо (Wohl des gemeinen Besten). Прагматические истории — это те истории, которые делают благоразумным. Прагматично то, что служит содействию счастью. *Прагматические императивы* отличаются от моральных. *Императивы* умения лежат в основе прагматических, так как я учусь чему-то потому, что я полагаю, что это может однажды поспособствовать моему счастью, если я могу себе такое помыслить. Поэтому счастье не является *моральным принципом*. Не могу ли я дать правила счастья *a priori*? Нет, хотя я и могу мыслить себе счастье вещи, но в чем оно состоит, этого я не могу помыслить себе *a priori*. Приятность — это не понятие, а

¹ Перевод осуществлен по изданию: Kant I. Lezioni sul Diritto Naturale (Naturrecht Feyerabend) / a cura di N. Hinske, G.S. Bordoni. Milano, 2016. P. 78–89. Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта № 16-03-00806а. Начало см.: Кант И. Естественное право Файерабенда. Введение // Кантовский сборник. 2016. Т. 35, № 3. С. 75–81.

* Поступила в редакцию: 12.07.2016 г.

doi: 10.5922/0207-6918-2016-4-4

© Крыштоп Л.Э., пер., 2016

ощущение того, как я *аффицируюсь* вещью. Поэтому-то у меня и не может быть никакого правила счастья *a priori*, так как я не знаю случая *in concreto*. Следовательно, прагматический императив основывается только лишь на эмпирических условиях. Шеф[t]сбери говорит: счастье не придает морали совершенно никакой ценности². Поэтому чтобы придать моральности ценность, мы должны предполагать, что благорасположение или нерасположение человека заключено в самом поступке. Это он называет моральным чувством. Поступки не имеют ценности, если я ощущаю наслаждение только лишь от их последствий, ибо поступки имеют ценность только лишь как средства; так же говорит и Хатчесон³. Следовательно, моральный императив все же не категоричен, так как предполагается, что ценностью в своих моральных поступках обладает только то существо, которому было дано это чувство, и это чувство нельзя установить *a priori*, но можно установить лишь из опыта. То, чему учит нас опыт, случайно: необходимость этого чувства мы не можем усмотреть *a priori*. Поэтому ценность морального поступка есть только лишь у того, у кого есть моральное чувство, и, дать ли нам подобное чувство, зависит от воли наивысшего существа, а сами по себе моральные поступки ни добры, ни злы. И хотя у человека имеется подобное

² Обращение Канта к работам Шефтсбери имеет длинную историю. Уже в программном сочинении середины 60-х годов XVIII века Кант положительно отзывался об этом авторе (см.: *Kant I. Nachricht von der Einrichtung seiner Vorlesungen in dem Winterhalbenjahre, von 1765–1766*. A 13; *Кант И. Уведомление о расписании лекций на зимнее полугодие 1765/66 г.* // Собр. соч. : в 8 т. / под ред. А. В. Гулыги. М., 1994. Т. 2. С. 199). Кант ссылается на него и позднее, в частности, мы находим упоминания о нем в диссертации 1770 года (*Kant I. De mundi sensibilis atque intelligibilis forma et principiis*. A 11; *Кант И. О форме и принципах чувственно воспринимаемого и интеллигибельного мира* // Собр. соч. : в 8 т. / под ред. А. В. Гулыги. М., 1994. Т. 2. С. 290), в записях лекций Канта по моральной философии середины 70-х годов (*Kant I. Vorlesung zur Moralphilosophie* // hrsg. von W. Stark. Berlin; N. Y., 2004. S. 23; *Кант И. Лекции по этике* / пер. А. К. Судачова, В. В. Крыловой. М., 2000. С. 46) и в записях лекций Канта по естественной теологии (см.: *Kant I. Vorlesungen über die philosophische Religionslehre* // hrsg. von K. Beyer. Halle, 1937. S. 142; *Кант И. Лекции о философском учении о религии* / пер. Л. Э. Крыштоп. М., 2016. С. 132), а также в «Метафизике нравов» (см.: *Kant I. Die Metaphysik der Sitten*. AB 10; *Кант И. Метафизика нравов* // Соч. на немецком и русском языках / под ред. Н. В. Мотрошиловой, Б. Тушлинга. М., 2014. Т. 5, ч. 1. С. 29).

По всей вероятности, Канту были хорошо знакомы переводы работ «Моралисты, философская рапсодия» и «Опыт о достоинстве и добродетели», выполненные И. И. Шпальдингом и вышедшие в 1745 и 1747 годах соответственно: *Die Sittenlehrer, oder Erzählung philosophischer Gespräche, welche die Natur und die Tugend betreffen*. Berlin, 1745; *Untersuchung über die Tugend*. Berlin, 1747 (см.: *Kant I. Vorlesung zur Moralphilosophie*. S. 23. Anm.). Возможно, ему были также знакомы вышедшие позднее переводы: «Sensus Communis: опыт о свободе остроумия и чувстве юмора», содержащийся в трактате Ф. К. Этингера (см.: *Oettinger F. Ch. Die Wahrheit des Sensus Communis oder des allgemeinen Sinnes*. Tübingen, 1753) и «Характеристики людей, нравов, мнений, времен», выполненный Х. А. Вихманном (*Characteristicks, oder Schilderungen von Menschen, Sitten, Meynungen und Zeiten*. Leipzig, 1768).

³ Взгляды Хатчесона были знакомы Канту по двум имеющимся у него переводам работ этого философа на немецкий язык: *Hutcheson F. Abhandlung über die Natur und Beherrschung der Leidenschaften und Neigungen und über das moralische Gefühl insonderheit*. Leipzig, 1760; *Hutcheson F. Untersuchung unsrer Begriffe von Schönheit und Tugend in zwo Abhandlungen*. Frankfurt; Leipzig, 1762. См.: *Warda A. Immanuel Kants Bücher*. Berlin, 1922. S. 50.

моральное чувство, но оно не предшествует знанию морального правила и не делает его возможным, а только следует из него. Если же моральное чувство у человека является причиной того, что он признает поступки либо добрыми, либо злыми, то эти чувства могут быть разных степеней. И так как моральное чувство не сильнее, чем все остальные чувства, и так как оно не может быть доказано, то оно такое же, как и все физические чувства, и поэтому человек среди чувств будет выбирать то, что ему кажется наиболее удовлетворительным. Это вовсе не зависит от того, откуда проистекает чувство. Все нас прельщает. Только лишь по степени чувства различны, по *species*⁴ — одинаковы. Моральные же законы повелевают так, что инстинкт и чувство не могут возобладать. Поэтому моральное чувство должно было бы быть величайшим, но это не так. Человек был бы глупцом, если бы он следовал за меньшим чувством, предпочитая его большему.

Если бы моральное чувство было величайшим, то каждый был бы праведен. Добродетель нравится больше всего остального; когда я представляю ее себе *a priori*, то я больше желал бы себе обладать таким чувством, которое сильнее всего влекло бы меня к добродетели. Расположение основывается на одобрении разума. Если бы добродетель была бы для меня наслаждением превыше всего остального, то я всегда был бы праведен. Моральные законы всегда категоричны и обладают обязательностью, то есть моральным понуждением (*Nöthigung*) к поступку. Поступок, к которому я понуждаюсь моральными законами, является долгом. Моральный закон предшествует. Если воля сама по себе блага, то моральный закон не нуждается в обязательности. Если же нет, то она должна понуждаться. Мораль не должна проистекать из склонности, это знает и обыденный рассудок. У всех людей есть склонность к жизни. Если некто болеет, он ищет всевозможной помощи, и тогда он делает это из склонности. Если же человек в своей жизни несчастен, и все же, когда он болен, он заботится о своей жизни, то это он делает точно не из склонности, а из долга. В последнем — моральное содержание. Если мужчина женится на прекрасной женщине, то он будет любить ее из склонности. Если же она по прошествии времени покрылась морщинами, а он все же ее любит, то это он делает из долга. Моральный поступок не имеет ценности, когда он проистекает из склонности, но [имеет таковую] если он проистекает из долга. Поступок может быть сообразен долгу, но не происходить из долга. Мы должны совершать моральные поступки без малейших мотивов, только лишь из долга и уважения к моральному закону. Закон должен из себя самого определять волю. Если поступки совершаются из долга, то они обладают моральной ценностью. Только лишь всеобщая закономерность должна меня обязывать. Если каждый не сдерживал бы свое обещание и это было бы всеобщим правилом, то это вовсе не могло бы иметь значения всеобщего закона, ибо тогда никто не обещал бы, так как он знал бы, что он не сдержит [свое слово], и что другой это тоже знает.

Обязательность — это моральное понуждение к поступку, то есть зависимость самой по себе не благой воли от принципа автономии, или объективно необходимого практического закона. Долг — это объективная необходимость самого поступка из обязательности. Уважение — это оценка ценности, поскольку она ограничивает всякую склонность. Мы уважаем кого-то тогда, когда ценим его настолько, что ограничиваем наше самолюбие и т.д.

⁴ Род (лат.).

Мы ценим его выше самих себя. Поступки не должны совершаться из необходимости склонностей. Если поступок совершается из страха, то тогда это не долг. Поэтому ценность должна находиться в самом долге. Все законы могут понуждать волю либо посредством их закономерности, либо посредством присовокупляющихся мотивов, или же посредством принуждения (*Zwang*) и страха. Закон понуждает посредством склонности и страха не сам по себе, а обусловленно; закон, понуждающий сам по себе, должен понуждать из уважения. В уважении я оставляю в стороне свою склонность, я полагаю в поступках *абсолютную* ценность. Наш *автор*⁵ и другие говорят об *obligatio per poenas*⁶, так же говорит и *Баумгартен*⁷. Но обязывать кого-то посредством *Poenas*⁸ и *Praemia*⁹ является *contradictio in adjecto*¹⁰, ибо тогда я побуждаю ее [волю] к поступкам, которые она совершает не из обязательности, а из страха и склонности. Я могу принудить ее посредством этого также и к вещам, которые для нее даже и не обязательны. Но как же закон может иметь уважение к самому себе и посредством этого также и понуждать? Бог не имеет уважения к закону, ибо у него нет склонности, которую должно ограничивать уважение. Уважение — это нечто понуждающее, а в Боге не может быть ничего понуждающего. Разумное существо как цель сама по себе должно обладать своей собственной волей, и поэтому она должна быть свободной. Человеческая воля как свободная не может определяться мотивами, ибо тогда она была бы не свободной, а как у животных. Она была бы определена природой. Но если ее не определяет мотив и она все же не может существовать без закона, то закон должен определять ее уже как закон. Поэтому ее должна определять его форма, следовательно, она должна иметь уважение к закону. Если я спрашиваю, должен ли я отдать другому вверенный мне *депозит*¹¹. Если бы ее [волю] определяла склонность, то она его удержала бы. Но она свободна, поэтому она должна иметь закон. А закон таков, что ты должен отдать депозит. Есть ли мне от этого польза? Нет. Должен ли я опасаться, что это выйдет наружу? Но это может быть тот, кто уже умер, и я могу это отрицать.

Если бы я сделал всеобщим правилом то, что каждый, если ему это угодно, хотел бы и мог бы удержать *депозит*, то это никогда не могло бы стать всеобщим законом, ибо тогда никто ничего бы не *отдавал на хранение*. Следовательно, если моя воля не должна быть разнуданной, а должна иметь законы, то тогда они должны быть таковы. Уважение закона основано на том, что это является таковой возможностью, когда поступок может подлежать всеобщим законам. — Выплатить должное является долгом. Обязательность — это *отношение к закону*, здесь — к *договору*. *Легальность* — это согласие поступка с долгом, невзирая на то, является ли оно его определяющим основанием. *Моральность* — это согласие поступка с долгом, по-

⁵ См.: *Achenwall G. Prolegomena iuris naturalis in usum auditorum*. Göttingen, 1781. § 55. P. 47.

⁶ Обязательность посредством наказаний (лат.).

⁷ См.: *Baumgarten A.G. Initia philosophiae practicae primae acroamatice*. Halle, 1760. § 120. S. 58, 177.

⁸ Наказания (лат.).

⁹ Награды (лат.).

¹⁰ Противоречие в определении (лат.).

¹¹ Ср.: *Kant I. Kritik der praktischen Vernunft*. А 49-50; *Кант И. Критика практического разума* // Сочинения на русском и немецком языке : в 4 т. / под ред. Н.В. Мотрошиловой, Б. Тушлинга. М., 1997. Т. 3. С. 341.

скольку он является его определяющим основанием. Во всех *юридических* поступках *легальность* является сообразностью долгу, но не *моральностью*; они совершаются не из долга. В случае *легальности* смотрят лишь на то, поступаю ли я сообразно долгу, в остальном безразлично, поступаю ли я из уважения или из склонности и страха. Но если я принимаю во внимание закон не из уважения к закону, то они [поступки] не *моральны*. Большинство сообразных долгу поступков людей по большей части *легальны*, особенно те, к которым можно принудить насильственно. Легальным является погасить свой долг в положенное время. Если я знаю, что кредитор является пунктуальным человеком, то я делаю это из страха. Если бы он был уступчив, то, возможно, я постоянно оттягивал бы это.

Этика — это наука оценки и определения поступков по их *моральности*. *Право* — наука оценки поступков по их *легальности*. *Этика* называется также учением о добродетели. *Право* может относиться к поступкам, которые могут быть вынужденными. Ибо при этом безразлично, совершаются ли поступки из уважения, страха, принуждения или склонности. *Этика* не относится к поступкам, которые могут быть вынужденными; *этика* — это практическая философия поступка в отношении умонастроений. *Право* — практическая философия поступков без оглядки на умонастроения. Все, в чем есть обязательность, относится к *этике*, а следовательно, и все обязанности. *Право* относится к обязанностям и поступкам, которые сообразны закону, но могут быть вынужденными. Поступок называется правильным тогда, когда он согласуется с законом; добродетельным же тогда, когда он происходит из уважения к закону. Потому поступок может быть правильным, и все же не быть добродетельным. Умонастроение поступать из долга, из уважения к закону — это добродетель. *Этика* содержит учение о добродетели, *право* — учение о праве.

Если поступок сообразен принуждению, то он все же может быть законосообразен. Говорят, что право — это учение об обязанностях, к которым можно или должно принуждать насильственно, но это основано на следующем: долг — это понуждение, поэтому он должен быть обязательным и без уважения к закону и может совершаться и посредством принуждения. Помимо принуждения и уважения, ничто не понуждает к поступку. Принуждение — это ограничение свободы. Поступок является правильным тогда, когда он сообразен закону, *правовым* же тогда, когда он сообразен законам принуждения, то есть сообразен учениям о праве. Правильным называют вообще все, что сообразно правилу. Поэтому *linea*¹² называется *recta*¹³, когда она идет *параллельно* линейке, а линейка называется правилом. Соответственно, то, что правильно, является либо добродетельным, либо правовым. Когда поступок принудительный? Поступок, устрояемый по всеобщему правилу свободы, правильный; если он противостоит свободе по всеобщему правилу, то он неправильный. Намерение тут может быть каким угодно. Свойством моего поступка может быть лишь то, что он сообразен всеобщей свободе. Я не должен ничего ни у кого красть, но также и не должен ничего давать. Поэтому я не поступаю неправильно, когда я вижу кого-то изнемогающим и не помогаю ему. Это *actio justa*¹⁴. Поступок внешне

¹² Линия (лат.).

¹³ Прямая (лат.).

¹⁴ Правовой поступок (лат.).

правилен, хотя внутренне — нет. Я желаю только лишь не красть у другого его счастья, остальное меня совершенно не касается, он может стараться стать счастливым как ему угодно. Поступок, противостоящий тому, который противоположен всеобщей свободе, является правильным. Противостояние неправильному поступку является препятствием поступку, противостоящему всеобщей свободе, а следовательно, является содействием свободе и согласию частной свободы со всеобщей свободой. Противостояние поступку, [проистекающему из] свободы другого — это принуждение. Согласие частной свободы со свободой всеобщей является верховным *принципом* права, это закон принуждения.

Наш *автор* и другие авторы *определяют* право без рассмотрения науки законов, к соблюдению которых можно принудить, и каковое принуждение не противостоит долгу. Принуждение правомерно, когда оно содействует всеобщей свободе. Закон поступков, к которым кого-то можно принудить, — это *закон принуждения*, а соответствующее ему право — это право принуждения. Право, не являющееся правом принуждения, — это *совестливость* (*Billigkeit*)¹⁵. Последнее является *jus late dictum*¹⁶, первое — *jus stricte dictum*¹⁷. Совестьливость — это лишенное принуждения право. Имеющаяся у кого-то повинность соблюдать закон, к чему этот кто-то однако не может быть принужден, является свободной от принуждения повинностью. Меня можно принудить ко всему тому, что необходимо для сохранения всеобщей свободы. Совестьливость — это *этическое* право. Если я могу в строгом соответствии с правом требовать нечто от другого, то я могу, если он уклоняется, принудить его к этому; но если я могу требовать нечто по совести (*aus Billigkeit*), то это его повинность, но принудить я его не могу. Поступок, согласующийся со всеобщим законом по явленным, а не по внутренним умунастроениям, является [совершенным] не по совести. Это несовершенное право, а не право совершенное или же строгое, которое таково, что к нему меня можно принудить. Это несовершенное право, но все же по-прежнему право. Моя свобода находится в согласии со свободой другого, когда он находится в согласии с этим. Если я договариваюсь со своим служащим, что я буду платить ему 20 талеров в год, а между тем настали столь тяжелые времена, что он не может на эти деньги выжить, то, пусть даже он и просит меня об этом, я не поступаю по отношению к нему неправильно, когда плачу ему не более 20 талеров, ибо я поступаю в соответствии с его явленными умунастроениями¹⁸. Но я поступил не по совести, так как он подразумевал, что он будет удовлетворен этими деньгами, пока это будет позволять дешевое время года. Я мог предположить его намерение. Следо-

¹⁵ Понятие *Billigkeit*, используемое Кантом, крайне сложно однозначно перевести на русский язык. В существующих на сегодняшний день изданиях кантовских работ можно встретить разные варианты его перевода: справедливость, равенство притязаний, честность. В данном случае термин *Billigkeit* будет переводиться как «совестьливость». Подробнее о самом понятии *Billigkeit* и о сложности его перевода на русский см.: Крыштон Л. Э. Лекции Канта по естественному праву: справедливость и совестьливость // Кантовский сборник. 2016. Т. 35, № 4. С. 63–72.

¹⁶ Право в широком смысле (лат.).

¹⁷ Право в узком смысле (лат.).

¹⁸ Ср.: Kant I. Vorlesungen über die philosophische Religionslehre // hrsg. von K. Beyer. Halle, 1937. S. 152; Кант И. Лекции о философском учении о религии. М., 2016. С. 141–142.

вательно, у него действительно есть право, но не право принуждения; ибо умонастроения не могут подпадать под законы принуждения, так как они являются внутренними. [Совершённое] по совести может называться *этически* правовым.

Поэтому мы не будем совершать поступки по совести, но только лишь из строгого права. Юристы часто ошибаются, часто принуждая к совестливости. *Этика* содержит в себе обязанности строгого права и совестливости. Право относится к свободе, совестливость — к намерению. Если я не содействую счастью кого-то другого, то я не нарушаю его свободу, но оставляю ему делать то, что он хочет. Свобода должна согласовываться со всеобщностью; если же этого не происходит, то некто может быть принужден, ибо он препятствует свободе. Здесь причиной права является не счастье и не повеление обязанностей, а свобода. *Автор* в своих *Prolegomena*¹⁹ основывается на том, что имеется божественный закон и что мы посредством него станем счастливыми; но это здесь совсем не обязательно. Кажется, его *Prolegomena* должны относиться к обзору особого *Collegii*²⁰.

Перевод с нем. Л. Э. Крыштон

¹⁹ Кант имеет в виду компендиум Ахенваля по естественному праву: *Achenwall G. Prolegomena iuris naturalis in usum auditorum*. Göttingen, 1758.

²⁰ Учебный курс (лат.).

ЛЕКЦИИ КАНТА ПО ЕСТЕСТВЕННОМУ ПРАВУ: СПРАВЕДЛИВОСТЬ И СОВЕСТЛИВОСТЬ¹

Л. Э. Крыштоп*

Лекции по естественному праву, читавшиеся Кантом в зимнем семестре 1784/85 года, в последнее время привлекают к себе все больший интерес кантоведов, так как благодаря тому, что они относятся к середине 80-х годов XVIII века, с их помощью удастся прояснить ряд крайне важных моментов генезиса кантовской практической философии. В первую очередь это относится к становлению взглядов кёнигсбергского философа на вопросы права. Но не менее важны записи данных лекций (особенно введение) и для прояснения некоторых проблем кантовской этической концепции, а также того, как Кант видел взаимосвязь и взаимодействие этики и права. И здесь немаловажную роль играет трудно переводимое на русский язык понятие *Billigkeit*, встречающееся и в других текстах Канта по практической философии. Чаще всего данное понятие переводится на русский язык как «справедливость». Однако в немецком языке имеется другое слово – *Gerechtigkeit* – полностью соответствующее русскому «справедливость», что само по себе уже делает данный вариант перевода не совсем удачным. Кроме того, перевод *Billigkeit* как справедливость создает ложные коннотации данного понятия с правовой сферой, чего как раз и пытается избежать Кант, указывая на существенные различия между понятиями *Billigkeit* и *Gerechtigkeit*. Если в сфере ведения *Gerechtigkeit* оказываются внешние поступки, поддающиеся правовому регулированию и внешнему принуждению, то *Billigkeit* относится только к сфере неявленных намерений или умонастроений, которые никак не могут контролироваться извне. На этом важном отличии Кант и обосновывает во введении к «Лекциям по естественному праву» свой тезис о нетождественности этики и права и о необходимости тщательнее определить место естественного права в системе практической философии.

Ключевые слова: естественное право, мораль, этика, моральный закон, императив, свобода, совестливость, справедливость, умонастроение.

«Лекции по естественному праву» Файерабенда в последние годы стали привлекать внимание исследователей кантовской философии, результатом чего являются как ряд вышедших работ (Brandt,

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 16-03-00806а.

* Российский университет дружбы народов, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10/2. Поступила в редакцию: 24.07.2016 г.

doi: 10.5922/0207-6918-2016-4-5

© Крыштоп Л. Э., 2016

1982; Hirsch, 2012; Guyer, 2012; Sadun Bordoni, 2016; Хинске, 2014), активно обращающихся к материалу данных кантовских лекций, так и появление нового их критического немецкоязычного издания с конкордансами (Delfosse H.P., Hinske N., Sadun Bordoni G., 2010–2014), а также критического двуязычного итало-немецкое издания (Kant, 2016). Эти лекции интересны по ряду причин, и прежде всего в силу того, что они позволяют проследить процесс становления взглядов Канта по вопросам моральной философии, философии права и их взаимосвязи. И особенно важно для данных исследовательских целей «Введение» к этим лекциям, в котором Кант как раз и пытается определить основные отличия таких сфер практической философии, как этика и право. Делает он это весьма сжато и схематично, однако именно эта краткость может быть крайне полезна, так как благодаря этому подчеркиваются самые существенные, по мысли Канта, моменты. И крайне важным понятием, играющим далеко не последнюю роль в анализе особенностей права и этики, оказывается понятие *Billigkeit*, мало изученное и сложно переводимое на русский язык.

***Billigkeit*: справедливость или равенство притязаний?**

Понятие *Billigkeit* неоднократно появляется в текстах Канта, оно достаточно значимо для понимания его практической философии. Однако в случае отечественного кантоведения и попыток изучения данного понятия в русскоязычном исследовательском пространстве мы сразу же сталкиваемся с острой проблемой поиска подходящего варианта его перевода. Это представляется, с одной стороны, крайне важной задачей, с другой же стороны, наталкивается на существенные трудности, так как, несмотря на существующую в нашей стране более чем столетнюю традицию переводов кантовских текстов на русский язык², приходится констатировать, что удачного перевода данного понятия по сей день найти не удастся.

Традиционно термин *Billigkeit* переводится на русский язык как «справедливость». Такой вариант мы находим в немецко-русских словарях, (см.: Москальский, 2001, с. 264). Так же данный термин переводился ранее и в кантовских работах по практической философии (см.: Кант, 1994, с. 257–258). Однако эта версия не может расцениваться как удовлетворительная ввиду наличия в немецком языке другого понятия — *Gerechtigkeit* — переводимого на русский язык аналогичным образом. Использовать и для *Billigkeit*, и для *Gerechtigkeit* один и тот же вариант перевода не представляется целесообразным, тем более, что Кант явно проводит различие между этими понятиями, что особенно явно прослеживается там, где на нескольких страницах текста употребляются сразу оба термина³.

В новом переводе «Метафизических первоначал учения о праве» — «Метафизики нравов» (Кант, 2014) — было принято решение, следуя примеру англоязычного издания «Метафизики нравов», переводить этот тер-

² История переводов работ Канта ведет свое начало с 1803 года. Еще до революции 1917 года в России переводы основных работ Канта успели выйти в нескольких разных изданиях, см.: (Давыдова, 1996).

³ Пожалуй, наиболее ярким подтверждением этому может служить фрагмент из «Лекций Канта о философском учении о религии», см.: (Kant, 1937, S. 147–153; Кант, 2016б, с. 136–142).

мин как «равенство [притязаний]» (см.: Кант, 2014, с. 1015–1017). Следует отметить, что аналогично переводится этот термин и в англоязычном (Kant, 1978, р. 128), и в испаноязычном изданиях «Лекций по философской теологии» (Kant, 2000, р. 137), а также в издании перевода «Лекций по естественному праву» на итальянском языке (Kant, 2016, р. 87–89). При этом такой перевод находит свое основание в текстах самого Канта, который в «Метафизике нравов», в частности, указал в качестве латинского эквивалента своему термину *Billigkeit* не что иное, как *Aequitas* (Kant, 1998в, АВ 39; Кант, 2014, с. 99), то есть «равенство». Однако этот вариант перевода, хотя и имеет ряд преимуществ перед прежним (*Billigkeit* как «справедливость»), позволяя русскоязычному читателю уловить явно присутствующий не юридический, а скорее моральный аспект данного кантовского понятия, тем не менее без дополнительных комментариев вряд ли может быть понятен.

Пояснение переводчиков в виде добавления слова «притязаний» здесь оказывается достаточно уместным, так как наводит на мысль о некоем базовом равенстве всех людей перед высшим законом и перед Богом⁴. Однако этот в целом достаточно удачный и корректный перевод во многих случаях кажется весьма искусственным и плохо ложится в структуру русскоязычного предложения⁵. Кроме того, он все же не полностью раскрывает основную особенность термина *Billigkeit*, которая как раз и приводит Канта к четкому разведению *Billigkeit* и *Gerechtigkeit* и к отнесению первого термина к сфере моральности, второго — к сфере легальности. А именно это становится крайне важным при анализе как кантовской философии права, так и кантовской этики. Все это свидетельствует о необходимости продолжения поисков возможных вариантов перевода термина *Billigkeit*, что невозможно без детального прояснения его смысла.

Понятие *Billigkeit* в текстах Канта

Говоря о *Billigkeit*, Кант постоянно в числе прочего приводит один и тот же пример: слуга, с которым при приеме на работу договаривались на одну сумму выплат, и который после увеличения цен не может больше прокормиться на эти деньги и вынужден (хотя и не имеет на это строгих юридических оснований) взывать к совести своего работодателя, прося его повысить заработную плату с учетом произошедшего подорожания. С отдельными вариациями этот сюжет мы находим и в «Метафизике нравов» (Kant, 1998в, АВ 39–40; Кант, 2014, с. 99–101), и в записях лекций по философии

⁴ Не зря у Канта нередко в контекстах, в которых употребляется понятие *Billigkeit*, речь заходит о суде совести и / или о высшем суде — Боге. То, что важным аспектом значения понятия *Billigkeit* является именно изначальное равенство всех людей, подтверждается и фрагментом из «Критики практического разума», в котором данный термин употребляется в отрыве от всяких юридических коннотаций. Речь здесь идет о том, что некоторые люди даже при благотворном воспитании уже с детства начинают проявлять столь великую злость, что кажется, они — прирожденные злодеи. Это утверждение Кант хотя и называет построенным «с полной добросовестностью», тем не менее считает противоречащим «всякой *Billigkeit*», см.: (Kant, 1998а, А 178; Кант, 1997, с. 551).

⁵ Что и приводит к тому, что сами авторы нового перевода «Метафизики нравов», предлагая вариант «равенство притязаний», не всегда последовательно его придерживаются, см.: (Kant, 1998в, АВ 40; Кант, 2014, с. 99).

скому учению о религии (Kant, 1937, S. 152–153; Кант, 2016в, с. 141–142), и в записях лекций по естественному праву (Kant, 2016, S. 88; Кант, 2016б). Однако именно эти вариации наиболее интересны, так как каждый из вариантов этого примера способен прояснить нам отдельные нюансы в понимании Кантом термина *Billigkeit*, из чего в конечном счете может сложиться целостная картина.

В наиболее упрощенном виде мы находим пример со слугой в «Метафизике нравов» (1797). Здесь просто констатируется, что слуга, «которому набежавшее к концу года жалование выплачивается в обесценившихся за это время деньгах, причем на них он не может приобрести то, что мог бы купить тогда, когда заключал контракт, не может при одинаковой номинальной, но разной реальной стоимости денег ссылаться на свое право; он может лишь вызывать к такому принципу [*Billigkeit*] (как некому божеству, голос которого невозможно услышать), ибо в контракте на этот счет ничего не было сказано...» (Kant, 1998в, АВ 40; Кант, 2014, с. 99). В данном случае мы видим отсылку к Богу, к внутреннему, не слышимому извне голосу, который должен разрешить сложившуюся ситуацию в пользу человека (хотя для этого и не имеется достаточных юридических причин) на основании некоего высшего закона, высшего принципа изначального равенства всех людей. Безусловно, здесь просматривается противопоставление писаного права (в виде заключенного договора) и неписаного права (основанного на внутреннем голосе совести, на принципе равенства притязаний, то есть *Billigkeit*), но напрямую об этом речи не идет. И в связи с этим важным оказывается обращение к другим текстовым пассажам, более ранним, содержащим аналогичный пример.

В «Лекциях о философском учении о религии» (1783/84) мы наблюдаем тот же самый пример в несколько ином оформлении. Канва сюжета не изменяется: «...если я обещал выдать слуге определенную сумму на пропитание, то я должен в любом случае ее заплатить. Но настали более дорогие времена, так что слуга не может прожить на обговоренное жалование. Здесь в соответствии со строгим правом я не имею никаких обязательств выдать ему большее содержание, нежели я ему обещал, и он не может меня к этому принудить, так как он не может сослаться на какое-то более значимое обязательство для обоснования своего права. Но было бы честно (*billig*), если бы я не позволил ему умереть с голоду и доплатил бы ему по пропорции столько, чтобы он мог с этого прожить» (Kant, 1937, S. 152; Кант, 2016в, с. 141–142). Не сложно заметить, что в данном случае право на основе *Billigkeit* гораздо четче противопоставляется строгому праву (на основе заключенного соглашения). Это противопоставление подчеркивается и присутствующим определением *Billigkeit*, предваряющим сам пример: «Честность [*Billigkeit*] является обязанностью из права другого, в той мере, в которой это не связано с полномочиями принуждать другого» (Kant, 1937, S. 152; Кант, 2016в, с. 141). В соответствии с этим распределяются и сферы действия принципа *Billigkeit* (честности, равенства притязаний, совестливости) и принципа *Gerechtigkeit* (справедливости).

Сфера *Gerechtigkeit* — это сфера принуждения со стороны строгого права, сфера поступков, которые человек вынужден выполнять в соответствии с определенными внешними писаными юридическими нормами, независимо от своего желания или нежелания этим нормам следовать. Сфера *Billigkeit* — это сфера добровольного решения на основе высших принци-

пов моральности, в каком-то смысле даже снисхождение к человеку, попавшему по своей неосмотрительности в нелегкую жизненную ситуацию, грозящую ему крайней нуждой, в которой он может потерять свое человеческое достоинство. При этом основанием к снисхождению будет не что иное, как уважение к личности человека только потому, что это человек, представитель человеческого рода, конечная цель творения, и как таковой уже только поэтому обладающий определенным достоинством и имеющий право требовать уважения к своей личности⁶. Именно этот последний принцип и соответствует принципу совести, голосу Бога внутри нас, который будет обвинять нас в случае ошибки даже тогда, когда никто извне не будет иметь никаких оснований для этого: «И даже если всеми людьми я буду считаться справедливым (*gerecht*), так как я исполняю все, к чему меня могут принудить, и в отношении чего я имею внешнее обязательство, тем не менее моя совесть упрекнет меня, если я нарушу правила честности (*Billigkeit*). Бог направляет нас при помощи нашей совести, которая здесь на земле является его заместителем» (Kant, 1937, S. 152–153; Кант, 2016в, с. 142). Таким образом, фактически за *Gerechtigkeit* остается сфера внешних действий и их контроля, тогда как за *Billigkeit* — сфера внутренних мотивов, умонастроений. Другими словами, мы получаем здесь известную кантовскую оппозицию легальности и моральности, хотя эти термины напрямую и не упоминаются в рассмотренном фрагменте из записей лекций по философскому учению о религии.

В «Лекциях по естественному праву» (1784/85), как и в «Лекциях о философском учении о религии», также присутствует четкое определение *Billigkeit*: «Совестливость (*Billigkeit*) — это лишенное принуждения право» (Kant, 2016, S. 86; Кант, 2016б). Однако сопровождающий его пример со слугой, хотя в общем представляет собой ту же самую ситуацию проблемы повышения жалования, присутствует здесь с некоторой модификацией. Если в предыдущих фрагментах речь шла о том, что слуга не может прожить на ранее обговоренное жалование в связи с обесцениванием денег, то здесь говорится о сезонном повышении цен (Kant, 2016, S. 86; Кант, 2016б). На первый взгляд, такое изменение может показаться несущественным, однако при ближайшем рассмотрении мы видим, что именно этот ракурс представления событий позволяет Канту раскрыть еще один важный нюанс значения понятия *Billigkeit*.

Прежде всего бросается в глаза, что в данном случае вся ситуация с заключением контракта говорит не в пользу слуги и, соответственно, выглядит для него менее выгодно, так как вроде бы оставляет для него меньше оснований (даже на правах апелляции к голосу совести работодателя) просить повышения жалования, ведь в отличие от обесценивания денег сезонное подорожание вполне предсказуемо, а следовательно, не является каким-то неожиданным трагическим фактором и вполне могло быть оговорено слугой еще в момент заключения договора. Но именно здесь на первый план выходит связь *Billigkeit* со сферой неявленных умыслов (*Absicht*), сферой внутренних мотивов или же умонастроений (*Gesinnung*). Слуга не обговорил с работодателем повышение жалования в другое время года, так как считал это само собой разумеющимся, он это подразумевал. Работода-

⁶ Подробнее о проблеме достоинства человеческой личности см.: (Хинске, 2014, с. 31–38).

тель же при таком подходе, хотя с правовой точки зрения и не совершает никакого преступления и не нарушает закон, так как следует букве контракта, но с этической точки зрения совершает подлость, пользуясь наивностью поступающего к нему на работу человека, поскольку он мог бы догадаться и наверняка догадывался о скрытых, неявленных намерениях работника и несмотря на это, не обсудил данный момент при заключении соглашения. Таким образом, рассмотрение принципа *Billigkeit* оказывается непосредственно связано не только с разведением его значения со значением во многом сходного принципа *Gerechtigkeit* (как было в записях лекций по философскому учению о религии), но и с разбором отличий между моральностью и легальностью. Последнее же интересует Канта в связи с попытками провести границу между такими двумя сферами практической философии, как право и этика, что, по его мнению, еще не было сделано: «Но пока что еще совершенно не удалось из принципов определить место *jure naturae*⁷ в системе практической философии и указать границы между ним и моралью. Поэтому разные положения обеих наук сливаются воедино» (Kant, 2016, S. 72; Кант, 2016а, с. 78).

Этика и право в «Лекциях по естественному праву»

Право призвано регулировать сферу внешних поступков, которые явлены и ввиду этого поддаются внешнему контролю. Этика же имеет дело не только с внешними действиями, но и со сферой мотивов, так как поступок, совершенный из несправедливых мотивов, не будет моральным. Моральный поступок может быть внешне правильным, а внутренне — нет, но такой поступок, если он будет иметь место, будет правовым поступком (Kant, 2016, S. 88; Кант, 2016б). Сфера внутренних мотивов не может быть явлена вовне, а следовательно, не может быть контролируема извне, поэтому в сфере морали бессмысленно говорить о каком-либо внешнем принуждении или понуждении. Понудить можно лишь к совершению поступка внешне правильного, то есть правового. Это и есть главное отличие *Billigkeit* от *Gerechtigkeit*.

Апеллировать к принципу *Gerechtigkeit* означает опираться на зафиксированные юридические нормы и взывать к некоему внешнему судье, который может на основе этих юридических норм принудить их нарушителя к выполнению определенных действий. Апеллировать к принципу *Billigkeit* означает взывать к внутреннему голосу совести человека, от которого ожидаются определенные действия, без возможности принудить его к их выполнению, в соответствии с чем Кант и говорит, что *Billigkeit* — это «право, не являющееся правом принуждения» (Kant, 2016, S. 86; Кант, 2016б), или «этическое право» (Kant, 2016, S. 88; Кант, 2016б). При этом за *Billigkeit* (этикой) закрепляется сфера намерений (моральность), тогда как за *Gerechtigkeit* (правом) — сфера внешнего соответствия всеобщей свободе, то есть ненарушение свободы другого (легальность).

Последнее — крайне важное ограничение, так как право, отличаясь от этики возможностью применять санкционированное принуждение, тем не менее само строго ограничивается критерием соответствия системе всеоб-

⁷ Естественное право (лат.).

щей свободы. Только принуждение, направленное на устранение нарушений этой системы гармоничного сочетания и согласования свобод индивидов, и может считаться оправданным и справедливым, то есть возможным. Любое другое принуждение само расценивается как нарушающее свободу, то есть заслуживающее всяческого противодействия.

На первый взгляд, такой подход может показаться противоречивым, так как в погоне за сохранением свободы Кант вводит право на принуждение, само по себе подразумевающее понуждение человека к тем действиям, которые он сам по своей собственной воле совершать не хочет. Однако это противоречие, судя по всему, на основе тесной параллели, которую Кант на протяжении всего «Введения» к «Лекциям по естественному праву» пытается проводить между правом и этикой, следует понимать примерно так же, как и категорическую императивность морального закона. Моральный закон принуждает человека к определенным действиям, однако по факту это оказывается не только не противоречащим свободе человека, но даже, напротив, единственно возможным подлинным проявлением этой самой свободы, так как только при строгом следовании моральному закону воля человека освобождается от всяческих побочных воздействий со стороны чувственных потребностей, которые как раз и ограничивают автономию человеческой воли. И, собственно, только из-за наличия у человека этих склонностей, противодействующих велениям морального закона, последний и оказывается для нас императивом, ибо если бы никакого противодействия он в человеческой природе не находил, то и о принуждении говорить не приходилось бы (Kant, 2016, S. 82; Кант, 2016б; Kant, 1998a, A 36; Кант, 1997, с. 323). Та же самая логика, только перенесенная во внешнюю сферу явленных поступков, действует и при разборе права — с той лишь существенной разницей, что если в случае этики мы имеем дело с самопонуждением практического разума, который (тем не менее) для эффективности как бы раздваивается и предстает в двух ипостасях: подсудимого (*homo phaenomenon*, эмпирического субъекта) и судьи (*homo noumenon*, представляющегося в образе Бога или голоса совести) (Kant, 1998в, A 100–101; Кант, 1994, с. 483), то в случае права мы имеем дело с внешним понуждением, то есть с внешними судьями, решающими дело на основе писаных юридических норм.

* * *

Таким образом, мы видим, что разграничение права и этики воспринималось Кантом как насущная и крайне значимая задача еще в середине 80-х годов, на заре построения системы критической философии, что исключает возможность приписывать ему позднее (90-е годы XVIII века) появление интереса к философско-правовой проблематике. Разграничение это Кант искал сразу в нескольких направлениях — как в отличиях проявления вовне, так и в отличиях в мотивах, в результате чего уже в середине 80-х годов мы видим достаточно четко сформированное представление о различиях между моральными и легальными поступками, которое ляжет в основу определения специфики этики и послужит основанием называть этику Канта этикой умонастроений (*Gesinnungsethik*).

В соответствии с этим взглядом моральными поступками могут быть признаны только поступки, правильные не только внешне, но и по своим

внутренним побудительным основаниям, мотивам. Если же поступок внешне правилен, но по своим мотивам — нет, то тогда он только лишь легален. Сферой морального призвана заниматься этика, сферой легального — право, при этом Кант считает неверным в сфере права принуждать к этическим поступкам, ибо для нее достаточно обеспечения поступков внешне сообразных закону, то есть легальных. Эта линия будет развиваться Кантом во всех его трудах, посвященных практической философии, однако «Введение» к «Лекциям по естественному праву» интересно для нас прежде всего тем, что здесь он поясняет различие между правом и этикой с опорой на такое трудно переводимое на русский язык понятие, как *Billigkeit*, что позволяет нам при сравнении этого текста с другими схожими текстовыми фрагментами лучше понять значение данного термина и его роль в системе кантовской этики.

Список литературы

1. Давыдова Л. С. Иммануил Кант. Библиографический указатель литературы на русском языке 1803—1994 гг. М., 1996.
2. Кант И. Естественное право Файерабенда. Введение // Кантовский сборник. 2016а. №3. С. 75—81.
3. Кант И. Естественное право Файерабенда. Введение // Кантовский сборник. 2016б. №4. С. 58—62.
4. Кант И. Критика практического разума // Соч. на русском и немецком языках : в 4 т. / под ред. Н. В. Мотрошиловой, Б. Тушлинга. М., 1997. Т. 3.
5. Кант И. Лекции о философском учении о религии / пер. Л. Э. Крыштоп, ред. А. Н. Круглова. М., 2016в.
6. Кант И. Метафизика нравов // Соч. : в 8 т. / под ред. А. В. Гулыги. М., 1994. Т. 6.
7. Кант И. Метафизика нравов // Соч. на русском и немецком языках : в 4 т. / под ред. Н. В. Мотрошиловой, Б. Тушлинга. М., 2014. Т. 5, ч. 1.
8. Москальский О. И. Большой немецко-русский словарь : в 3 т. М., 2001. Т. 1.
9. Хинске Н. Незамеченный комментарий Канта 1784 года к «Основоположению к метафизике нравов» (1785) // Историко-философский ежегодник, 2014. М., 2014. С. 31—38.
10. Brandt R. Das Erlaubnisgesetz, oder: Vernunft und Geschichte in Kants Rechtslehre // Rechtsphilosophie der Aufklärung. Symposium Wolfenbüttel / hrsg. von R. Brandt. Berlin, 1982. S. 233—285.
11. Delfosse H. P., Hinske N., Sadun Bordoni G. Kant-Index. Stellenindex und Konkordanz zum „Naturrecht Feyerabend“. Stuttgart ; Bad Cannstatt, 2010—2014. Bd. 30.
12. Guyer P. Stellenindex und Konkordanz zum Naturrecht Feyerabend. T. 1 : Einleitung des Naturrechts Feyerabend // Ratio Juris. 2012. Vol. 25. P. 110—116.
13. Hirsch Ph.-A. Kants Einleitung in die Rechtslehre von 1784. Immanuel Kants Rechtsbegriff in der Moralvorlesung «Mrongovius II» und der Naturrechtsvorlesung «Feyerabend» von 1784 sowie in der «Metaphysik der Sitten» von 1797. Göttingen, 2012.
14. Kant I. Die Metaphysik der Sitten // Werke in sechs Bänden / hrsg. von W. Weischedel. Darmstadt, 1998а. Bd. 4.
15. Kant I. Kritik der praktischen Vernunft // Werke in sechs Bänden / hrsg. von W. Weischedel. Darmstadt, 1998в. Bd. 4.
16. Kant I. Lecciones sobre la filosofia de la religion / ed. por A. del Río, E. Romerales. Madrid, 2000. P. 137.
17. Kant I. Lectures on Philosophical Religion / transl. by A. W. Wood, G. M. Clark. Ithaca ; L., 1978.
18. Kant I. Lezioni sul Diritto Naturale (Naturrecht Feyerabend). Testo tedesco a fronte / a cura di N. Hinske, G. Sadun Bordoni. Milano, 2016.

19. Kant I. Vorlesungen über die philosophische Religionslehre // hrsg. von K. Beyer. Halle, 1937.

20. Sadun Bordon G. Introduzione // Kant I. Lezioni sul Diritto Naturale (Naturrecht Feyerabend) / a cura di N. Hinske, G. Sadun Bordoni. Milano, 2016. P. 9–50.

Об авторе

Людмила Эдуардовна **Крыштон** — кандидат философских наук, ассистент кафедры истории философии, Российский университет дружбы народов (РУДН), ricpatric@gmail.com

KANT'S LECTURES ON NATURAL LAW: JUSTICE AND CONSCIENTIOUSNESS

L. Kryshtop

The lectures on natural law delivered by Kant in the winter semester of 1784/85 have recently attracted increasing attention from Kant scholars. Dating back to the 1780s, they elucidate a number of important aspects in the genesis of Kant's practical philosophy. Firstly, this relates to the formation of the Königsberg philosopher's views on law. However, the lecture notes (especially the introduction) are of equal importance to understanding certain problems of Kant's ethical concept and interpretation of the connection between ethics and law. An important role is played by the concept of Billigkeit, which is rather difficult to translate into the Russian language and is found in other Kant's texts on practical philosophy. This term is usually translated as justice. However, there is another word in the German language – Gerechtheit – that has the meaning of justice. Moreover, such translation of Billigkeit creates a false connection with the realm of law, which Kant tried to avoid stressing the difference between Billigkeit and Gerechtheit. If Gerechtheit relates to external deeds subject to legal regulation and external enforcement, Billigkeit relates to tacit intentions and dispositions that cannot be controlled from the outside. This supports the thesis about the difference between ethics and law and the need for a more accurate identification of the place of natural law in the system of practical philosophy.

Key words: natural law, moral, ethic, morality, law, imperative, freedom, equity (Billigkeit), justice, disposition (Gesinnung).

References

1. Davydova, L., S. 1996, Immanuel Kant. Bibliograficheskij ukazatel literatury na russkom jazykie 1803–1994 gg. [Immanuel Kant. Bibliographic index of literature in Russian 1803 – 1994], Moscow.

2. Hinski, N. 2014, *Nezamechennyj kommentarij Kanta 1784 goda k "Osnovopolozheniju k metafiziki npravov" (1785)* [An Annotated Kant's Commentary to the "Groundwork of the Metaphysics of Morals" (1785) from 1784], *Istoriki-filosofskij jezhegodnik* [History of Philosophy Yearbook], p. 31–38.

3. Kant, I. 1994, *Metafizika npravov* [Metaphysic of Morals], in: *Sobr. soch. w 8 tomach*, ed. by A. V. Gulyga, Moscow, T. 6.

4. Kant, I. 1997, *Kritika prakticheskogo razuma* [Critique of practical reason], in: *Sochinenija v 4-ch tt. na russkom i nemeckom jazyke* [Works in 4 vol. in Russian and German], ed. by N. V. Motroshilova, B. Tushling. Moscow, Vol. 3.

5. Kant, I. 2014, *Metafizika npravov* [Metaphysic of Morals], in: *Sochinenija v 4-ch tt. na russkom i nemeckom jazyke* [Works in 4 vol. in Russian and German], ed. by N. V. Motroshilova, B. Tushling. Moscow, Vol. 3.

6. Kant, I. 2016a, *Jestestvennoje pravo Fajerabjenda. Vvedenije* [Natural Law of Feyerabend. Introduction], *Kantovskij sbornik* [Kant review], no. 3, p. 75–81.

7. Kant, I. 2016b, *Jestestvennoje pravo Fajerabend. Vvedenije (okonchanie)* [Natural Law of Feyerabend. Introduction (the end)], *Kantovskij sbornik* [Kant review], no. 4, p. 58–62.
8. Kant, I. 2016c, *Lekzii o filosofskom uchenii o religii* [Lectures on philosophical doctrine of religion], transl. by L. E. Kryshtop, Moscow.
9. Moskalskij, O., I. (ed.) 2001, *Bolshoj niemecko-russkij slovar: v 3-ch tt.* [German-Russian Dictionary], Moscow, Vol. 1. T. 1.
10. Brandt, R. 1982, *Das Erlaubnisgesetz, oder: Vernunft und Geschichte in Kants Rechtslehre, Rechtsphilosophie der Aufklärung. Symposium Wolfenbüttel*, hrsg. von R. Brandt, Berlin, S. 233–285.
11. Delfosse, H.P., Hinske, N., Sadun Bordoni, G. 2010–2014, *Kant-Index*, Bd. 30, *Stellenindex und Konkordanz zum „Naturrecht Feyerabend“*, Tl. 1, Einleitung des „*Naturrechts Feyerabend*“, Stuttgart-Bad Cannstatt.
12. Guyer, P. 2012, *Stellenindex und Konkordanz zum Naturrecht Feyerabend, Teilband I: Einleitung des Naturrechts Feyerabend*, *Ratio Juris*, Vol. 25, p. 110–116.
13. Hirsch, Ph.-A. 2012, *Kants Einleitung in die Rechtslehre von 1784. Immanuel Kants Rechtsbegriff in der Moralevorlesung „Mrongovius II“ und der Naturrechtsvorlesung „Feyerabend“ von 1784 sowie in der „Metaphysik der Sitten“ von 1797*, Göttingen.
14. Kant, I. 1937, *Vorlesungen über die philosophische Religionslehre*, hrsg. von K. Beyer, Halle.
15. Kant, I. 1978, *Lectures on Philosophical Religion*, transl. by A.W. Wood, G.M. Clark, Ithaca, London.
16. Kant, I. 1998a, *Kritik der praktischen Vernunft*, in: *Werke in sechs Bänden*, hrsg. von W. Weischedel, Darmstadt, Bd. IV.
17. Kant, I. 1998b, *Die Metaphysik der Sitten*, in: *Werke in sechs Bänden*, hrsg. von W. Weischedel, Darmstadt, Bd. IV.
18. Kant, I. 2000, *Lecciones sobre la filosofía de la religion*, ed. por A. del Río, E. Romerales, Madrid, p. 137.
19. Kant, I. 2016d, *Lezioni sul Diritto Naturale (Naturrecht Feyerabend). Testo tedesco a fronte*, a cura di N. Hinske, G. Sadun Bordoni, Milano.
20. Sadun Bordoni, G., 2016 a, *Introduzione, Kant I. Lezioni sul Diritto Naturale (Naturrecht Feyerabend)*, a cura di N. Hinske, G. Sadun Bordoni. Milano, p. 9–50.

About the author

Ludmila **Kryshtop**, CSc in Philosophy, Assistant at Department of History of Philosophy, Faculty of Humanities and Social Science, RUDN University (Peoples' Friendship University of Russia), ricpatric@gmail.com

**ФИЛОСОФИЯ
РЕЛИГИИ КАНТА
(ОТ «КРИТИКИ ЧИСТОГО
РАЗУМА» ДО «РЕЛИГИИ
В ПРЕДЕЛАХ ТОЛЬКО
РАЗУМА»)¹**

Часть I

А. Швейцер*

Итак, единство религиозно-философского плана Канта оказывается нарушенным, поскольку практически реализуемая идея свободы не соответствует как в плане предпосылок, так и по своему объему теоретической идее свободы перед началом ее реализации. Тем самым оказывается нарушенным и единство разума в его практическом и теоретическом применении, так как идея свободы спекулятивного разума полностью отличается от идеи свободы практического разума. Чистый разум в теоретическом и практическом применении существует для нас, следовательно, только номинально. В действительности же не избежать его разделения на теоретический и практический разум, каковое начато Кантом в наброске, а позже будет продолжено в «Критике практического разума» и последовательно и с полной ясностью доведено до логического завершения. Все задаваемые для практической реализации параметры «Критика практического разума» перенимает не от теоретического разума: содержание, объем и определенность этих параметров определяются в соответствии с обстоятельствами реально-практического плана самим практическим разумом с тем, чтобы в то же мгновение приступить к их реализации.

Итак, можно кратко обобщить суть тех сдвигов, каковые идея свободы претерпевает по мере привлечения морально-практического интереса: ведь, как оказывается, именно они формируют характер самоопределения разума в «Критике чистого разума» (с. 586–587). В основном речь идет о двух сдвигах, в процессе которых обнаруживаются новые взаимосвязи.

Через соотношение с нравственным законом идея свободы теряет взаимосвязь с принципом критического идеализма о

¹ Продолжение, начало см.: Швейцер А. Философия религии Канта (от «Критики чистого разума» до «Религии в пределах только разума») // Кантовский сборник. Т. 35, № 2. 2016. С. 109–118; Кантовский сборник. 2016. Т. 35, № 3. С. 82–98.

* Поступила в редакцию: 21.06.2016 г.

doi: 10.5922/0207-6918-2016-4-6

© Гильманов В.Х., пер., 2016

нормативном разделении двух миров — мира явлений и интеллигибельного мира, поскольку первый оказывается индифферентным для практической свободы. Одновременно происходит сужение области вопроса о свободе: она больше не соотносится со всей целостностью мирового процесса, что соответствовало бы третьей космологической идее, поскольку этот процесс есть для нас лишь явление. Идея свободы сужается до области лишь человеческих поступков в свете практического интереса разума. Именно вокруг этих двух точек движется весь замысел основанной на критическом идеализме философии религии Канта в отношении идеи моральной свободы. Речь идет об установлении связи факта нравственного закона с вопросом о свободе, ориентированном на принципы критического идеализма. В различных возможностях этой связи росту значения одного фактора соответствует падение значимости другого. Там, где речь идет о принципах, определяющих то, что происходит, критическо-идеалистическое понимание идеи свободы не может с полной достоверностью отграничить человеческие поступки от всей области явлений, в отношении которых она реализуется²: для этого понимания поступки суть только явления в каузальной связи с другими явлениями. Но нравственный закон, определяемый мотивами только разума и распознаваемый только в разуме, требует отграничения области человеческих поступков для создания возможности нравственной оценки наших действий и для сохранения возможности практического применения нравственного закона как принципа того, что происходит.

То есть эти отношения идеи свободы побуждают к разделению ее на две различные идеи свободы в зависимости от того, чего они касаются. Трансцендентальная идея свободы требует независимости разума от мира явлений, выступая как условие его причинности для ряда явлений этого мира. Практическая же свобода касается человеческих поступков, представляя для них одну из естественных причин. При этом обе свободы оказываются независимыми друг от друга. Вот в чем решение религиозно-философского наброска в «Критике чистого разума», и оно состоит в отказе от вопроса об их связи. Необоснованность и бесперспективность данного подхода проявляется сразу же, как только распознается невозможность разделения идеи свободы, поскольку трансцендентальная идея свободы охватывает и область человеческих действий, выступающих как явления.

Другой подход для решения возникшей проблемы таков: завершив последовательное развитие трансцендентальной идеи свободы и определив со всей достоверностью необходимость практической свободы на основе более глубокой разработки нравственного закона, следует связать его с трансцендентальной свободой и обосновать возможность их практической реализации в единстве друг с другом. Это достижимо через сведение критическо-идеалистического определения свободы и проблемы отношения между миром явлений и интеллигибельным миром к такой постановке вопроса о морально-практической свободе, при ответе на который один и тот же поступок, рассматриваемый как явление, толкуется как необходимый в

² Ср.: «Итак, мы познаем практическую свободу на опыте как одну из естественных причин, а именно как причинность разума в определении воли, тогда как трансцендентальная свобода требует независимости самого этого разума (в отношении его причинности, начинающей ряд явлений) от всех определяющих причин чувственно воспринимаемого мира» (с. 587) (*Примеч. пер.*).

его естественной причинности; выступая же как интеллигибельный акт, он есть акт трансцендентальной свободы. Но в том и другом случае он должен быть подчинен нравственной ответственности. Этот подход наиболее последователен для построения религиозной философии на почве критического идеализма, и именно он будет осуществлен в «Критике практического разума». При таком подходе доминирует трансцендентальная идея свободы в ее соединении с практической. Ведь если рассматривать человеческие поступки, реализующие идею свободы, только как пространственно-временное обрамление того, что происходит в интеллигибельном мире, каковой сам по себе свободен и реализуется в практической действительности в соответствии с собственным законом причинности (нравственным законом), то это рассмотрение может быть применимо по отношению к любому явлению и его нравственной оценке, так как оно в своей интеллигибельной основе укоренено в нравственном законе как причинном принципе интеллигибельного мира. Последовательное использование данного подхода, основанного на приоритете идеи свободы в трансцендентальном смысле, ведет к тому, что требуемое морально-практической свободой разграничение области человеческих действий как мира явлений от морального мира, мыслимого только как интеллигибельный, стирается ровно в то мгновение, в которое вступает в силу интеллигибельная причинность на всеобщей границе, где расходятся оба мира — интеллигибельный и явлений. Но при этом получает реализацию именно трансцендентальная, а не морально-практическая идея свободы.

Эта последняя, в свою очередь, приобретает больший вес в соединении с трансцендентальной свободой, как только отграничение области человеческих действий заостряется до такой степени, что взаимосвязь этих действий внутри данной области, будучи призванной к тому, чтобы определять ход событий в мире на основе нравственного принципа, становится пригодной для оценки применения идеи свободы и позволяет расширить сферу человеческих поступков до области того, что происходит в мире явлений, или же исходить из того, что сфера моральной свободы каким-то образом содержит этот мир в себе. На этом основании происходит реализация практической идеи свободы, достигающая своей вершины в «Критике способности суждения» в морально-практическом обосновании телеологии «человеческого рода» как этикотеологии, то есть как практически необходимого идеала той формы человечества, каковая в соответствии с идеей свободы в ее нравственной сущности предстает как конечная цель мира и всего мирового процесса, соответствуя божественной мудрости. В практике реализации идеи свободы механизм природы, определяющий связь того, что происходит, как бы отступает в своей детерминированности, давая возможность движения человечества к этой конечной цели. Так здесь достигается решение вопроса о свободе: в данном ходе мыслей все происходящее сводится к единому принципу, укорененному в нравственном законе, не нанося при этом вреда тому положению, что все происходящее представляется как мир явлений в механизме природы. Весь мир явлений предстает перед человеком по аналогии человеческих действий в их бесконечной градации, и тем самым достигается требуемое трансцендентальной свободой равновесие между совокупностью всех явлений в их причинной связи и областью человеческих поступков, ограничение каковой требует морально-практическая идея свободы.

Таким образом, исследование морально-практической идеи свободы в плане обоснования возможности нравственной оценки человеческого поведения последовательно приводит нас к тому, чтобы рассматривать вопрос свободы, не сужая его до отдельного изолированного поступка, в совокупности всех действий субъекта в их взаимосвязи друг с другом. В этом отличие данного подхода от так называемой природно-естественной взаимосвязи поступков между собой, попытка рассмотрения которой в причинной обусловленности радикально добрым или радикально злым складом души не дает возможности с позиции глубинной сути нравственного закона установить нулевую точку различения между тем и другим. Ведь если пытаться так обосновать нравственную ответственность за предпринимаемые действия, то приходится допустить, что именно эта точка как начало и конец морального или аморального склада характера выступает причинным началом свободного поступка. В этом сложность проблемы свободы, ясно обозначенная в первом разделе работы Канта «Религия в пределах только разума». В ней Кант отказывается от связи свободы с идеей трансцендентальной свободы и одновременно с этим — от прежней уверенности решить проблему свободы в ее моральной значимости с помощью критического идеализма.

Данный краткий обзор попыток Канта обосновать философию религии на основе реализации моральной идеи свободы с помощью предпосылок критического идеализма показывает, что эти попытки все время углубляют Кантово толкование проблемы моральной свободы в последовательности от «религиозно-философского наброска» в «Критике чистого разума», каковой все еще не отражает всей сложности проблемы, до исследования изначального зла в человеческой природе в «Религии в пределах только разума», где проблема предстает как неразрешимая. Кант принужден все время углублять свое исследование проблемы свободы по причине проводимого им все более фундаментального обоснования нравственного закона. Этот усиливающийся акцент чисто нравственного интереса в трактовке вопроса о свободе приводит к тому, что в соотношении практической идеи свободы с идеей трансцендентальной свободы последняя все больше уходит на задний план. И по этой причине развитие философии религии Канта больше маркируется прогрессирующим усилением нравственного элемента и возрастающим ослаблением того материального элемента, который предполагался как главный строительный материал для религиозной философии на основе критического идеализма. И в этой связи сдвиг в толковании идеи свободы приводит к сдвигу всего хода мыслей и «перечеканке» смысловой сути всех понятий, связанных с этой идеей.

После краткого экскурса в будущее проблемы свободы у Канта, необходимого для предварительной оценки специфики и значения толкования этой проблемы в «религиозно-философском наброске», вернемся вновь к рассмотрению Кантова хода мыслей в данном «наброске». Итак, в триединстве идей — Бог, свобода, бессмертие — в плане практического применения разума на место идеи свободы, соответствующей космологическим вопросам, становится идея практической свободы, распространяющаяся только на область человеческих поступков. Вытесненная таким образом из триединства идея свободы позднее возвращается в ход Кантовых размышлений, проявляясь в своем отношении ко всей совокупности явлений со стороны морально-практического интереса: она выступает как практиче-

ская «идея морального мира» (с. 590). Уже в предварительном движении к этой практической идее морального мира Кант показывает ее родство с идеей практической свободы: исходной точкой для этого является сам факт нравственного закона. На странице 589 Кант пишет: «Я допускаю, что действительно существуют чистые нравственные законы, которые совершенно а priori (не принимая во внимание эмпирические мотивы, то есть блаженство) определяют все наше поведение, то есть применение свободы разумного существа вообще, и что эти законы повелевают *безусловно* (а не только гипотетически, [то есть] при допущении других эмпирических целей) и, следовательно, обладают необходимостью во всех отношениях». На последующих страницах все сложности практического применения идеи свободы в ее моральной реализации вновь выступают на первый план. Так, если нравственный закон проявляет себя как принцип «таких поступков, которые могли бы встречаться в истории человека» (с. 589), то эти поступки как основанные на свободном произволении должны представляться как практическая реальность особого вида систематического единства, а именно морального, «между тем как систематическое единство природы *согласно спекулятивным принципам* разума не могло быть доказано» (с. 589—590).

О трудности того, что пытается толковать Кант, говорит то, как он использует понятие «принцип», встречающееся в этом небольшом отрезке его текста четырежды и каждый раз в новом сочетании. Вначале: «...чистый разум содержит в себе, правда, не в своем спекулятивном, а в некотором практическом, именно в моральном, применении принципы возможности опыта...» Далее речь идет о «систематическом единстве природы согласно спекулятивным принципам разума». Затем о возможной причинности разума «в отношении свободы вообще, но не в отношении всей природы», так как «моральные принципы разума могут, правда, порождать свободные поступки, но не законы природы». И напоследок о том, что «принципы чистого разума обладают объективной реальностью в его практическом, но особенно в его моральном применении» (с. 589—590). Накал проблемы свободы в трудности ее разрешения проявляется с большей силой на страницах 585—587. Решение Канта остается прежним: область человеческих поступков отграничивается от области происходящего в природе и связывается со свободной причинностью разума, «так как разум содержит в себе, правда, причинность в отношении свободы вообще, но не в отношении всей природы, и моральные принципы разума могут, правда, порождать свободные поступки, но не законы природы» (с. 590).

Согласование этого решения с ходом мыслей в конце первого раздела «Канона чистого разума» на страницах 585—587 получает некоторое развитие. Нами уже было отмечено, что в той части текста чисто моральная обусловленность практического применения чистого разума отступает на задний план и предпринимается попытка практической реализации свободы в перспективе, развитой в дальнейшем в «Критике практического разума». Несмотря на это, однако, в начале страницы 585 Кант пишет: «Чистые же практические законы, цель которых дается разумом совершенно а priori и которые предписываются не эмпирически обусловлено, а безусловно, были бы продуктом чистого разума. Таковы *моральные* законы; стало быть, только эти законы относятся к практическому применению чистого разума, и для них возможен канон» (с. 585). Но в дальнейшем Кант отклоняется (как на с. 586—587, так и на с. 589—590) от развития идеи свободы в этом ключе, ос-

ставляя открытым, помимо морального, возможность какого-либо другого практического применения разума вплоть до допущения, что «принципы чистого разума обладают объективной реальностью» в его практическом применении, даже если это касается, прежде всего, того, что такое применение разума акцентируется Кантом как «особенно в его моральном применении» (с. 590).

Перевод с нем. В. Х. Гильманова

(Продолжение следует)

О переводчике

Владимир Хамитович Гильманов – доктор филологических наук, профессор Института гуманитарных наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, gilmanov.wladimir@rambler.ru

About the translator

Prof. Vladimir Gilmanov, Department of Historical Linguistics, International Philology, and Records Management, Institute for the Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University, gilmanov.wladimir@rambler.ru

УДК 94(470.26).084.9+719:72

**КЁНИГСБЕРГСКИЙ
КАФЕДРАЛЬНЫЙ СОБОР
И МОГИЛА
ИММАНУИЛА КАНТА
В СОВЕТСКОМ
КАЛИНИНГРАДЕ¹**

Ю. В. Костяшов*

На основе вновь выявленных архивных документов прослеживается послевоенная история Кёнигсбергского кафедрального собора XIV века и могилы философа Иммануила Канта на территории бывшего Кнайпхофа, исследуется отношение к ним властей и общественности. Показывается, как на протяжении всего советского периода, вплоть до начала Перестройки, местные партийные и государственные органы предпринимали попытки снести руины пострадавшего в годы войны собора, а усыпальницу Канта перенести в другое место. Однако эта цель не была достигнута, так как в защиту главных достопримечательностей Кёнигсберга / Калининграда выступали представители творческих союзов, интеллигенции и зарождающегося в Калининграде гражданского общества, которые были поддержаны культурными организациями и институтами в Москве, в том числе Министерством культуры РСФСР.

Рассматриваются проекты использования руин Кафедрального собора в различных целях (создание университетской библиотеки, обсерватории, концертного зала, театра под открытым небом и пр.). Исследуется вопрос о наделении собора статусом охраняемого государством памятника истории и культуры. Приводятся сведения о техническом состоянии собора и усыпальницы Канта в разные годы, в том числе с использованием материалов различных изучавших эти памятники комиссий; о мероприятиях по консервации, ремонту и реставрации обоих объектов. История Кафедрального собора и могилы Канта рассматривается в контексте политики памяти, проводимой властями региона; прослеживается, как постепенно менялось отношение к немецкому историко-культурному наследию Восточной Пруссии. В качестве приложения к статье приводятся 16 документов из фондов Государственного архива Калининградской области, 14 из них публикуются впервые.

Ключевые слова: Кёнигсберг, Калининград, Кафедральный собор, могила Канта, памятники истории и культуры, политика памяти.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект «Политика памяти в российско-польско-литовском пространстве на территории бывшей Восточной Пруссии: Преемственность и изменения культурного ландшафта (1945–2015 гг.)» № 15-21-06002а(м).

* Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта, 236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14.

Поступила в редакцию: 21.06.2016 г.

doi: 10.5922/0207-6918-2016-4-7

© Костяшов Ю. В., 2016

В 2002 году в «Кантовском сборнике» были опубликованы документы, рассказывающие о том, как вскоре после окончания войны Кёнигсбергский кафедральный собор вместе с усыпальницей И. Канта был спасен от разрушения благодаря письму гражданина В. В. Любимова в газету «Известия» в 1947 году. В своем обращении он писал о заслугах немецкого философа и сообщал, что восстановление Калининграда происходит ускоренными темпами и «скоро дойдет до района, где могила Канта», при этом руины собора «со временем снесут, а с ними могут снести и могилу». Приведенные в письме цитаты из Ф. Энгельса о Канте в редакции газеты произвели впечатление, а его копии были направлены в различные столичные инстанции. Вскоре из Москвы пришло указание о необходимости принять меры по благоустройству и охране могилы И. Канта. В мае того же года на усыпальнице установили мемориальную доску с надписью: «Иммануил Кант. 1724—1804. Крупный буржуазный философ-идеалист. Родился, безвыездно жил и умер в г. Кенигсберге» (см. об этом: Костяшов, 2002, с. 125—128). Таким образом, охранный грамота по крайней мере на некоторое время была выдана и Кафедральному собору.

Между тем нельзя сказать, что в 1947 году судьба собора и могилы Канта была решена окончательно. На протяжении следующих 40 лет возникали разные инициативы, ставившие под угрозу сохранение главной достопримечательности города, которая вполне могла повторить судьбу снесенного в конце 1960-х годов Кёнигсбергского замка. В настоящей статье предпринимается попытка на основе неопубликованных документов из Государственного архива Калининградской области проследить историю собора и могилы Канта в течение всего советского периода, вплоть до начала Перестройки в середине 1980-х годов, в контексте политики памяти, проводимой региональными партийными и государственными властями.

В первые послевоенные годы само существование Кафедрального собора и усыпальницы И. Канта находилось под угрозой хотя бы потому, что эти объекты, как и все прочие пострадавшие от бомбежек и артобстрелов здания, сооружения и памятники, числились обыкновенными «руинами» и «завалами», которые полагалось расчищать. Только в сентябре 1949 года в облисполком поступило письмо из Комитета по делам культпросветучреждений при Совете министров РСФСР с поручением срочно составить списки исторических и археологических памятников и прислать на утверждение в правительство². В составленном в конце года областным отделом культурно-просветительной работы «Списке первичного учета исторических памятников» значилась «Могила Канта» со следующим описанием: «Гранитный прямоугольный постамент на каменном 4-х гранном основании. Установлен приблизительно в конце 19 века. Автор неизвестен. Надпись неразборчива. Общая сохранность удовлетворительная. Боковая плита отделилась»³.

В феврале 1950 года облисполком обратился в Совет министров РСФСР с просьбой внести в государственные списки памятников культуры обще-

² Государственный архив Калининградской области (ГАКО). Ф. Р-297. Оп. 7. Д. 263. Л. 5. Здесь и далее в цитируемых документах сохранена орфография и пунктуация оригинала.

³ Там же. Л. 27, 41.

союзного значения надгробие Канта⁴, однако принятие решения по этому вопросу долгое время затягивалось. Только в 1956 году в ходе длительных согласований с Академией наук СССР, Институтом Маркса-Энгельса-Ленина, Министерством культуры РСФСР и Калининградским облисполкомом могила Канта была признана памятником, «подлежащим государственной охране»⁵. Сохранившиеся любительские снимки усыпальницы 1950-х годов показывают, что она находилась далеко не в лучшем состоянии (рис. 1, 2).

Рис. 1. У могилы И. Канта.
Любительская фотография
начала 1950-х годов. КОИХМ

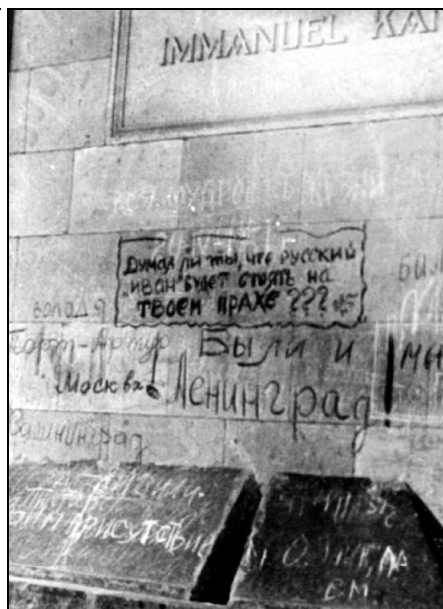

Рис. 2. Надгробие Канта.
1950-е годы.
Фото с сайта: www.prussia39.ru

В 1954 году областные власти озаботились привести памятник в порядок и городскому похоронному бюро было поручено: «1. Установить железно-металлическую ограду высотой 2 м на могиле Канта. 2. Вверху над могилой на стене, на мраморной доске написать: “Могила Канта охраняется государством”»⁶. В действительности ремонт был произведен в 1956 году, когда похоронному бюро выделили 1 т кровельного железа для покрытия надмогильной колоннады⁷. Тогда же согласно принятой в то время практике «охранное обязательство» на могилу Канта было выдано Калининградскому мореходному училищу, которое должно было «сохранять и содержать памятник в исправном состоянии»⁸.

В 1958 году в связи с подготовкой очередного постановления Совета министров РСФСР по спискам охраняемых памятников Калининградской

⁴ ГАКО. Ф. Р-289. Оп. 8. Д. 18. Л. 6.

⁵ Там же. Ф. Р-68. Оп. 2. Д. 9. Л. 6–8.

⁶ Там же. Д. 3. Л. 7.

⁷ Там же. Д. 9. Л. 58–59.

⁸ Там же. Ф. Р-615. Оп. 2. Д. 20. Л. 16.

области Управление культуры предложило включить в перечень архитектурных памятников Кафедральный собор⁹. Окончательно вопрос о статусе усыпальницы и собора был урегулирован Постановлением Совета министров РСФСР №1327 от 30 августа 1960 года, оба объекта были признаны памятниками республиканского значения¹⁰. В том же году, видимо, впервые, были выделены средства на реставрацию собора, хотя согласно проверке, проведенной присланной из Министерства культуры РСФСР комиссией во главе с архитектором Н. А. Агалецкой, горисполком «освоил всего 30 тыс. руб. из выделенных 100 тыс. руб. на консервацию кафедрального собора»¹¹.

В 1961 году Управление культуры передало собор и могилу Канта «по охранному обязательству» на баланс Отдела коммунального хозяйства Калининграда (горкомхоза); 20 ноября 1961 года сотрудниками отдела при участии ответственных работников культуры был проведен технический осмотр собора и усыпальницы, о чем составлены соответствующие акты. О соборе было сказано очень кратко: «Разрушен, сохранились только стены». Усыпальница Канта описана чуть подробнее: «Могила, колонны 13 штук, цепи, мемориальная доска. Фундаменты — плиты, цоколи — гранитные, облицовка — гранит, скульптура — гробница, кровля — кровельное железо, колонны — каменные. Площадь, занятая памятником, — 20 кв. м». В заключение выдавалось предписание: «В целях сохранения памятника пользователь обязан произвести следующие работы: а) текущий ремонт потолка и одной колонны. Срок ремонта — апрель-май 1962 года»¹².

Гораздо основательнее оба объекта были изучены в 1964 году комиссией Министерства культуры РСФСР и сотрудниками Центральных научно-реставрационных мастерских (ЦНРМ): архивное дело с материалами обследования насчитывает 55 листов. В подробном «Описании технического состояния», составленном по итогам осмотра 19–23 мая тремя специалистами ЦНРМ под руководством главного архитектора Б. А. Альтшуллера, в частности, говорилось: «Собор сильно пострадал во время военных действий... В послевоенные годы продолжал разрушаться и в настоящее время его техническое состояние должно быть охарактеризовано как чрезвычайно тяжелое, местами аварийное. Памятник требует проведения неотложных консервационно-восстановительных работ... Перекрытие над могилой Канта плоское, из пустотелых керамических блоков. Состояние удовлетворительное... Над могилой Канта кровля железная, в гребень. Кровля в нескольких местах пробита, требует ремонта и покраски... Потолок имеет орнаментальную роспись, сделанную в 20-х годах XX века. Сохранность ее — 50 %... Могила Канта в удовлетворительном состоянии. Слегка сколота верхняя грань призматического надгробья... Территория вокруг собора озеленена, сделаны асфальтовые проезды и тротуары. Внутри памятника осталась неразобранной часть завалов и никакого благоустройства не сделано»¹³. К отчету прилагаются 19 фотографий с изображением различных фрагментов фасада и усыпальницы Канта (рис. 3).

⁹ ГАКО. Ф. Р-68. Оп. 2. Д. 4-а. Л. 2.

¹⁰ Там же. Ф. Р-615. Оп. 1. Д. 14. Л. 17, 18; Д. 43. Л. 2, 4.

¹¹ Там же. Ф. Р-68. Оп. 1. Д. 176.

¹² Там же. Ф. Р-310. Оп. 1. Д. 273. Л. 19–24 об., 37–42 об.

¹³ Там же. Ф. Р-68. Оп. 2. Д. 37. Л. 21–35.

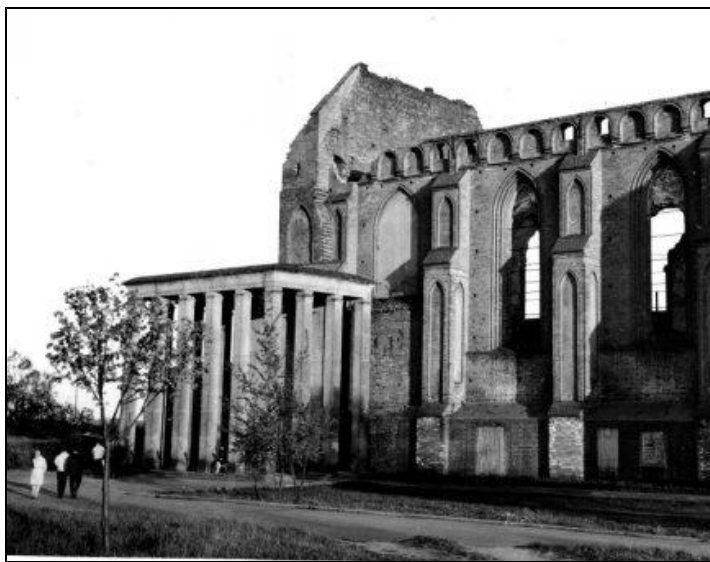

Рис. 3. Фрагмент северного фасада Кафедрального собора с усыпальницей И. Канта. Май 1964 года. Фото Б. Альтшуллера. ГАКО

В первой половине 1960-х годов среди калининградских архитекторов и общественности началась дискуссия о дальнейшем использовании территории острова (бывшего Кнайпхофа). Строители выступали за создание нового парка «с сохранением памятника архитектуры — собора с могилой Канта». Идея парка многим пришлась по душе, о чем свидетельствуют поступавшие в газету «Калининградская правда» письма трудящихся. Так, за создание парка горячо ратовал слесарь Наумов, считавший, что он «станет излюбленным местом отдыха». Военнослужащий С. Шестаков выступил со встречным предложением: «В здании бывшего кафедрального собора надо соорудить спортивный клуб». Были и возражения. Телемеханик В. Ульянов с сарказмом писал в газету, что, проезжая на трамвае через остров летом, «приходится не дышать носом — из обоих рукавов Преголи в полуоткрытые окна несутся миазмы канализационных отбросов и отработки судов. Сомнительно, чтобы кто-либо добровольно согласился бы отдыхать в парке на таком острове. Видимо, проект создавался или в кабинете при раскрытой карте, или зимой»¹⁴.

Разрабатывая в 1966 году один из первых экскурсионных маршрутов по Калининграду, комиссия по культурно-спортивной работе при горисполкоме обратила внимание на собор, поручив строительным организациям и шефам из мореходного училища привести памятник в порядок, «закрывать проемы окон, законсервировать стены, лестницы укрепить»¹⁵. По заказу Управления культуры на Московском экспериментально-производственном комбинате была изготовлена «новая охранный доска» для могилы И. Канта, а также специалистами ЦНРМ «составлена документация на капитальный ремонт надгробия над склепом И. Канта», запланированный на 1968 год¹⁶.

¹⁴ ГАКО. Ф. Р-522. Оп. 1. Д. 110. Л. 11, 14, 16–17.

¹⁵ Там же. Ф. Р-216. Оп. 1. Д. 534. Л. 162–165.

¹⁶ Там же. Ф. Р-615. Оп. 1. Д. 4. Л. 8, 42; Д. 6. Л. 14; Ф. Р-68. Оп. 1. Д. 328. Л. 3; Д. 344. Л. 127.

Для собора самыми критическими после войны оказались 1967–1968 годы. В это время началось наступление на немногочисленные сохранившиеся немецкие памятники истории и культуры со стороны партийных идеологов и местных властей. Самым болезненным последствием этой кампании стал снос руин Кёнигсбергского замка (см. об этом: Клемешева, 2000; Фостова, 2015). Угроза нависла и над Кафедральным собором. Калининградский горком КПСС и горисполком в августе 1967 года выступили с совместной инициативой устроить на острове Канта Пантеон героев Великой Отечественной войны, перезахоронив там останки павших при штурме Кёнигсберга в 1945 году советских воинов из 34 братских захоронений, разбросанных по всему городу (см. прил. 1). Предложение заранее было согласовано с архитектурно-художественным советом Калининграда¹⁷. Одновременно облисполком 21 декабря 1967 года принял Решение №364: просить Совет министров РСФСР и Министерство культуры РСФСР снять с государственного учета 36 памятников истории и культуры довоенного времени (здание Кёнигсбергской биржи, кирху Луизы, 7 замков, другие сооружения, скульптуры и т.д.) как «не имеющих художественной ценности или не подлежащих восстановлению». В списке предназначенных на снос объектов под номером 14 значились «Руины кафедрального собора XIII в.»¹⁸.

Однако у собора нашлось немало защитников из числа калининградской интеллигенции, которым удалось организовать и провести мощную контркампанию за сохранение памятника архитектуры. Нет сомнений, что представители разных образовательных, культурных учреждений и творческих союзов умело координировали свою деятельность. Первым выступил ректор КГУ Н.В. Прикладов, направивший 6 февраля 1968 года в обком КПСС письмо с предложением передать здание собора университету для размещения в нем библиотеки на 1 млн томов, читальных залов на 1,5 тыс. мест и обсерватории. В письме особо подчеркивалось, что памятник архитектуры никоим образом не может помешать воинскому мемориалу, который может быть размещен на противоположной от собора половине острова (см. прил. 2). Вслед за этим в адрес главного архитектора, в обком партии, Министерство культуры и даже в ЦК КПСС были направлены весьма эмоциональные и в то же время хорошо аргументированные обращения от местных отделений творческих организаций писателей и архитекторов, музейных работников, отделения ВООПИК в поддержку предложения университета, против разрушения собора и переноса могилы Канта «в другое место» (см. прил. 3–6).

Этот вопрос обсуждался и на различных собраниях. Так, на второй областной конференции ВООПИК 14 мая 1968 года в докладе архитектора Е. А. Попова говорилось: «Памятники архитектуры связаны с историей ми-

¹⁷ ГАКО. Ф. Р-522. Оп. 1. Д. 149. Л. 19.

¹⁸ Там же. Ф. Р-297. Оп. 8. Д. 1913. Л. 40, 48–49; Ф. Р-615. Оп. 1. Д. 3. Л. 15. На самом деле, строительство собора началось в 1333 году. Идея сноса собора при сохранении могилы Канта как памятника «союзного значения» получила признание еще в середине 1950-х, о чем свидетельствует макет планировки городского центра, разработанный в 1954 году архитекторами П. Ф. Диденко, А. В. Максимовым и Д. К. Навалихиным в мастерской «Облпроект» (см.: Манюк, 2015, с. 124).

ровой культуры. Надо привести эти памятники в порядок. Конечно, в первую очередь в городе. Например, могила Канта неразрывно [связана] с собором, а ее хотят перенести и собор взорвать»¹⁹.

Специалисты «Калининградгражданпроекта» безвозмездно разработали эскизный проект и подготовили чертежи использования руин Кафедрального собора под университетскую библиотеку, даже была составлена соответствующая смета на сумму 651 тыс. руб. (прил. 7–8).

Слаженные действия калининградской интеллигенции заставили партийных чиновников дрогнуть. Н. В. Прикладов был приглашен на беседу к первому секретарю обкома партии Коновалову, в результате тогдашний хозяин области дал поручение «срочно обследовать техническое состояние здания бывшего кафедрального собора». В марте 1968 года обком направил в Министерство высшего и среднего специального образования РСФСР письмо о мерах по развитию КГУ, в котором в числе прочего просил выделить средства «на приспособление здания бывшего кафедрального собора под научную библиотеку университета»²⁰. Однако эти шаги еще не означали окончательного решения вопроса. Местные власти не хотели брать ответственность на себя, так что Министерству культуры РСФСР 26 июня 1968 года пришлось образовать специальную комиссию, чтобы разобраться с калининградскими памятниками. Московские специалисты однозначно высказались за сохранение Кафедрального собора как ценного исторического памятника. Только после этого областные власти в октябре 1968 года отзывали прежнее решение облисполкома от 21 декабря 1967 года, исключавшего собор из-под охраны государства²¹.

Между тем отношение к немецким памятникам кардинально не поменялось, в официальной пропаганде они по-прежнему ассоциировались с темным, «страшным» прошлым (см. прил. 10). Более того, областные власти не оставляли попыток избавиться от наследия тевтонских псов-рыцарей, направив в 1972 году в правительство очередную просьбу «о снятии с государственной охраны кафедрального собора».

Никакой информации об этой инициативе обнародовано не было, но слухи о новой атаке на собор, по всей видимости, распространились, о чем свидетельствует выступление писателя Ю. Н. Иванова на конференции местного отделения ВООПИК в том же году: «Не[льзя] забывать, что у нас есть памятники культуры прошлых веков, надо проявлять заботу о них... Надо обществу высказать свое мнение по отношению к кафедральному собору, ведь там была Серебряная библиотека²², там могила Канта, надо его сохранить... Надо защищать старину. Кафедральный собор надо сохранить, но как это сделать — надо подумать»²³.

К счастью, у Министерства культуры РСФСР, которому правительством было поручено разбираться с этим вопросом, сложилось мнение, «отличающееся от точки зрения, изложенной в ходатайстве Калининградского облисполкома» (см. прил. 11). Судя по архивным документам, эта попытка региональных властей добиться разрешения на снос собора оказалась последней.

¹⁹ ГАКО. Ф. Р-615. Оп. 1. Д. 2. Л. 33.

²⁰ Там же. Ф. П-1. Оп. 49. Д. 41. Л. 3–4, 8.

²¹ Там же. Ф. Р-615. Оп. 1. Д. 14. Л. 1, 3.

²² Имеется в виду библиотека редких книг и рукописей, основанная в 1525 году герцогом Альбрехтом.

²³ ГАКО. Ф. Р-615. Оп. 1. Д. 47. Л. 8; Д. 48. Л. 4–5.

В 1973–1974 годах силами ремонтно-реставрационного участка горкомхоза была осуществлена консервация руин собора и проведена реставрация усыпальницы Канта «в честь 250-летия со дня рождения», на что из городского бюджета было выделено 38 тыс. руб.; была заказана новая мемориальная доска из мрамора для надгробья²⁴. Благоустраивалась территория вокруг собора: общие затраты на все эти цели в первой половине 1970-х годов достигли 1 млн руб. (см. прил. 11).

В последнее десятилетие перед Перестройкой судьба собора во многом определялась председателем Калининградского горисполкома в 1972–1984 годах В. В. Денисовым, благоволившим к немецким памятникам. По его инициативе в Калининграде стали предприниматься усилия по реставрации и использованию в культурных целях некоторых старых архитектурных сооружений. В кирхе памяти прусской королевы Луизы начал работать Театр кукол (1976), в башне Дона открылся Музей янтаря (1979), в католической церкви Святого семейства разместился Концертный зал филармонии (1980). Калининградский градоначальник ратовал за воссоздание утраченного памятника И. Канту работы известного скульптора Х. Рауха²⁵ (см. прил. 12, 13, рис. 4). Конечно, он попытался найти применение и Кафедральному собору: в нем планировалось устроить театр под открытым небом (см. прил. 14). Благодаря В. В. Денисову из бюджета города выделялись немалые средства на консервацию собора, хотя методы проведения таких работ нередко подвергались критике (см. прил. 15, 16).

Рис. 4. Оригинал памятника И. Канту скульптора Х. Рауха (слева, довоенное фото); бюст немецкого коммуниста Э. Тельмана, установленный в 1976 году в Калининграде на пьедестал от памятника Канту (в центре); копия статуи Канта, установленная на оригинальный пьедестал в 1992 году (справа). ГАКО

²⁴ ГАКО. Д. 38. Л. 1, 9; Д. 49. Л. 60; Д. 59. Л. 53–54, 62.

²⁵ Об истории этого памятника и попытках его восстановления см.: (Кузнецова, 2016).

Сразу после войны в отошедшей к СССР северной части Восточной Пруссии коммунистические власти провозгласили лозунг на «изгнание прусского духа» и начали писать историю края с «чистого листа». Уцелевшие в ходе ожесточенных боев памятники культуры, местные традиции считались враждебными, реакционными и непригодными к использованию, даже тотальные разрушения трактовались как несомненное благо. Вплоть до Оттепели понятие «исторический памятник» применялось лишь в отношении к захоронениям павших советских воинов, никакие объекты или сооружения довоенного времени (замки, храмы, скульптуры и т. п.) не относились к культурному наследию и не охранялись государством.

Выбор такого вектора политики памяти на вновь присоединенных землях, казалось бы, обрекал сохранившиеся фрагменты исторического наследия Восточной Пруссии на полное уничтожение. Однако этому воспрепятствовала калининградская общественность, прежде всего представители русской интеллигенции, которые искренне полюбили эту землю и не склонны были делить историю родного города на «чужую» и «свою», считая, что обустройство малой родины невозможно без использования опыта предшественников.

К сожалению, не удалось спасти от разрушения Кёнигсбергский замок и другие памятники, но некоторые достопримечательности сохранились и начали восстанавливаться после падения коммунистического режима четверть века назад. Самым значительным достижением рубежа XX и XXI веков стало возрождение Кафедрального собора, находившегося до начала 1990-х годов в руинированном состоянии и ставшего сегодня главным архитектурным символом Калининграда (рис. 5). Огромный объем работ был осуществлен под руководством И. А. Одинцова с участием специалистов из России, Польши, Литвы, Германии, и в 1998 году в стенах возрожденного храма был открыт музей, хотя реставрационные работы продолжают по сегодняшний день (Одинцов, 2005, с. 148 – 150).

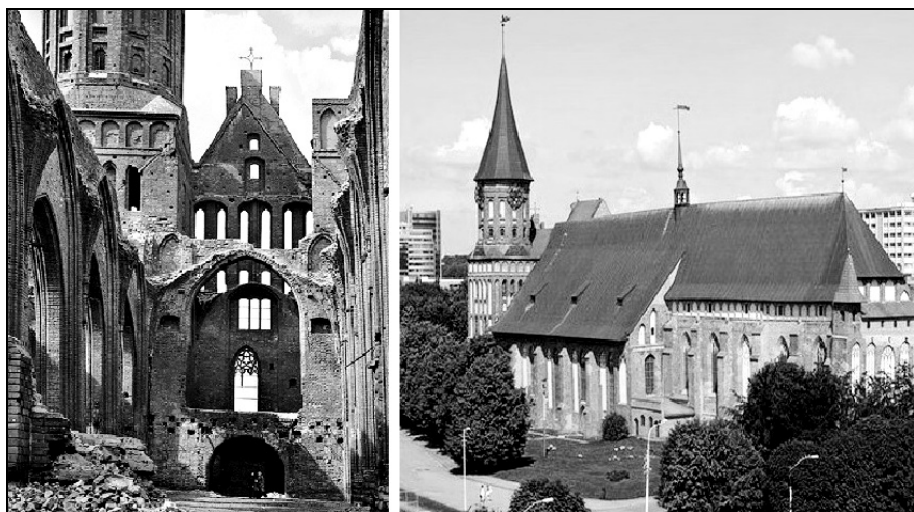

Рис. 5. Руины кафедрального собора в 1980-е годы (слева); вид на восстановленный собор в 2015 году (справа). ГАКО

Содержащиеся в приложениях документы из Государственного архива Калининградской области публикуются по современным нормам правописания, но с сохранением стилистических особенностей; явные ошибки и опечатки исправлены без оговорок, сокращения в словах раскрыты в квадратных скобках, пропуски в тексте документов отмечены многоточием в угловых скобках, прямые скобки заменены на круглые. Выделенные полужирным шрифтом заголовки документов даны автором публикации, при этом оригинальные заголовки, если таковые имеются, как правило, опускаются; исправления и дополнения в тексте оговариваются в примечаниях.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

**Из письма секретаря Калининградского горкома КПСС П. А. Казьмина²⁶
и председателя горисполкома Д. В. Романина²⁷
в Калининградский обком КПСС и облисполком
о создании воинского мемориала на острове Канта**

31 августа 1967 г.

О создании в Калининграде
мемориального парка-памятника

<...> Ныне, когда бывший Кенигсберг волею и трудом советских людей поднят из руин и превращен в мирный социалистический город, а наша орденоносная область вместе со всей страной встречает 50-летие Советской Родины в обстановке большого патриотического подъема, значение и величие подвигов и победы участников героического штурма предстает еще ярче. В народе живет их бессмертная слава. Их пример воспитывает чувства любви к Родине, рождает стремление продолжать героические традиции в труде. Большой приток экскурсий из разных концов страны в Калининград — на места боевых сражений и могилы павших воинов — дань народного уважения их памяти, мужеству, героизму. <...>

Калининградский горком КПСС и горисполком просят обком КПСС и облисполком разрешить построить на острове, расположенном между рукавами Преголи, где находятся руины кафедрального собора, мемориальный парк-памятник советским воинам, павшим при штурме Кенигсберга, с перезахоронением останков погибших и созданием архитектурного комплекса-мемориала, что позволит увековечить память всех воинов, отдавших жизнь за свободу и независимость нашей Родины на территории города, в том числе 11 Героев Советского Союза, места захоронений которых не установлены.

Парк-памятник явится символом бессмертия героев, он будет способствовать воспитанию трудящихся на славных боевых традициях нашего народа. Одновременно парк-памятник должен стать одной из выразительных архитектурных достопримечательностей центра города.

²⁶ Казьмин Петр Алексеевич (род. в 1919 году) — первый секретарь Калининградского горкома КПСС в 1967—1972 годах.

²⁷ Романин Дмитрий Васильевич (1929—1996) — председатель Калининградского горисполкома в 1966—1972 годах, первый секретарь обкома КПСС в 1984—1989 годах.

Для разработки проекта мемориального парка-памятника предполагается провести специальный конкурс.

Закладку памятника с торжественным перезахоронением праха героев предлагается провести в октябре 1967 года как одно из мероприятий, связанных с подготовкой к 50-летию Советского государства.

Секретарь горкома КПСС

(П. Казьмин)

Председатель горисполкома

(Д. Романин)

ГАКО. Ф. 216. Оп. 1. Д. 601. Л. 18 – 20. Подлинник, машинопись.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Предложение ректора Калининградского государственного университета Н. В. Прикладова²⁸ об использовании сохранившихся стен кафедрального собора в г. Калининграде

6 февраля 1968 г.

В связи с перспективой строительства главного корпуса университета в центре города университет заинтересован в сохранении и использовании сохранившихся стен кафедрального собора.

Стены собора необходимо сохранить, поскольку они исторически и архитектурно связаны с известной во всем мире могилой И. Канта.

Могила И. Канта и связанный с ней кафедральный собор должны быть переданы Калининградскому государственному университету. Университет намерен приспособить собор под научную библиотеку. Толстые средневековые стены собора и конфигурация его благоприятствуют размещению библиотеки. В узкой части собора площадью 350 м² разместится 4–5-этажное книгохранилище на миллион томов книг.

В широкой части собора площадью 1100 м² должно быть построено три этажа. На первом этаже разместятся гардероб, буфет и другие служебные помещения. На втором и третьем этажах — читальные залы, примерно на 1500 мест.

На башне собора будет размещено оборудование для наблюдений за спутниками Земли, приборы для изучения верхних слоев атмосферы и др. Кроме того, в соборе можно разместить лабораторию с чувствительными приборами, нуждающимися в специальной защите от малейших сотрясений. Островное положение собора, необычайно толстые его стены создают эти условия. При выполнении работ по приспособлению собора в изложенном выше плане необходимо по возможности сохранить внешний его вид таким, какой он есть сейчас, как памятник бессмысленных разрушений войны.

Пройдет еще немного времени, исчезнут последние разрушенные войной здания. Центр города будет застраиваться по генеральному плану. Кафедральный собор по-прежнему своим видом поверженного, смертель-

²⁸ Прикладов Николай Васильевич (1915–1973) — ректор Калининградского государственного университета в 1967–1971 годах.

но израненного великана зримо будет напоминать о трагедии, пережитой народами, и контрастно подчеркивать торжество созидательного труда советских людей, создавших на месте руин свой г. Калининград.

На противоположной от кафедрального собора и могилы Канта половине острова вполне может быть размещен Мемориал согласно проекту застройки центра города.

Ректор

(Н. Прикладов)

ГАКО. Р-522. Оп. 1. Д. 170. Л. 4 – 5. Подлинник, машинопись.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Заключение областного отделения Союза архитекторов СССР по предложению Калининградского государственного университета об использовании здания бывшего кафедрального собора под библиотеку

10 февраля 1968 г.

Бывший кафедральный собор, начатый постройкой в начале XIV века, принадлежит к числу наиболее значительных памятников Калининградской области и имеет большую историческую и архитектурно-художественную ценность.

Архитектура собора отличается выразительной и цельной композицией, несмотря на влияние различных архитектурных стилей.

Собор значительно поврежден в годы войны, к настоящему времени утрачены кровля и перекрытия, однако основные несущие конструкции находятся в хорошем состоянии, сохранились ценнейшие фрагменты первоначального архитектурно-конструктивного решения: звездчатый свод, контрфорсы, лестница, некоторые фасады и порталы.

Портик с надгробием на могиле выдающегося ученого-философа XVIII в. Иммануила Канта, расположенный у северо-восточного угла алтарной части, является неотъемлемой частью собора.

В проекте детальной планировки центра города, разработанном московским «Гипрогором», и в проекте застройки центральной площади Калининграда, разработанном институтом «Калининградгражданпроект», рассмотренном и утвержденном Госстроем СССР, здание собора является одним из ведущих элементов объемно-пространственной композиции пойменной части центра города.

Предложение Калининградского государственного университета о передаче ему здания б[ывшего] кафедрального собора для размещения университетской библиотеки заслуживает внимания и является наиболее реальной возможностью сохранить здание.

Предварительная эскизная проработка, выполненная в институте «Калининградгражданпроект» (арх[итектор] Ваганов Ю.М.²⁹), показала, что здание может быть использовано под библиотеку университета.

²⁹ Ваганов Юрий Михайлович (род. в 1936 году) — главный архитектор института «Калининградгражданпроект» в 1965 — 2002 годах.

В здании размещаются: книгохранилище на 900 тыс. — 1 млн томов, читальные залы не менее чем на 600 мест, вспомогательные и технические помещения.

На основании вышеизложенного Калининградское отделение Союза архитекторов СССР считает целесообразным передать здание б[ывшего] кафедрального собора Калининградскому государственному университету для размещения библиотеки.

Председатель правления

Калининградского отделения Союза архитекторов СССР (В. Еремеев³⁰)

ГАКО. Р-522. Оп. 1. Д. 170. Л. 8 – 9. Подлинник. машинопись.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

**Письмо ответственного секретаря Калининградского городского отделения
Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры
В. Саленковой в ЦК КПСС о судьбе кафедрального собора**

19 февраля 1968 г.

Центральный комитет КПСС и Советское правительство уделяют большое внимание делу сохранения, реставрации и пропаганды памятников истории и культуры. Одним из интереснейших исторических памятников нашей области, стоящих на государственном учете, является могила всемирно известного ученого-философа Иммануила Канта. Этот памятник входит в маршрут экскурсии по историческим местам города. Памятник вызывает большой интерес у людей, приезжающих в наш город, и это понятно, ведь *немецкая классическая философия, основателем кот[орой] явл[яется] Кант*³¹, стала одним из краеугольных камней Марксистско-ленинского учения.

На заседании комиссии по определению судьбы кафедрального собора главным архитектором города было внесено два предложения:

1. Снести кафедральный собор и прилегаемую к нему могилу Канта перенести в другое место.
2. Остатки кафедрального собора передать государственному университету для строительства научной библиотеки.

Согласно постановлению Совета министров СССР №3898 от 14 октября 1948 года, а также постановлению Совета министров РСФСР №473 от 21 мая 1966 г. исторические памятники являются неприкосновенным все-народным достоянием и не подлежат переносу. Следовательно, могила Канта должна быть сохранена и реставрирована. Реставрацию и благоустройство памятника необходимо произвести в комплексе с кафедральным собором. Передача здания кафедрального собора государственному уни-

³⁰ Еремеев Вадим Геннадьевич (род. в 1938 году) — глава Калининградского отделения Союза архитекторов СССР в 1965—1979 годах.

³¹ Выделенный курсивом текст вписан от руки.

верситету для строительства научной библиотеки не только соответствует требованиям органов охраны памятников, но также позволит выделить, оформить, привести в надлежащий вид охранную и прилегающую к нему зону регулирования застройки.

Ответственный секретарь Калининградского
городского отделения Всероссийского общества
охраны памятников истории и культуры

(В. Саленкова)

ГАКО. Р-522. Оп. 1. Д. 170. Л. 7. Копия, машинопись.

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

**Письмо ответственного секретаря калининградской писательской
организации И. М. Пантюхова³² главному архитектору Калининграда
Ю. К. Покровскому³³ в поддержку планов восстановления собора**

28 февраля 1968 г.

Калининградская писательская организация присоединяется к предложениям других творческих организаций г. Калининграда о восстановлении кафедрального собора и размещении в нем библиотеки Калининградского университета.

Ответственный секретарь
калининградской писательской организации

И. Пантюхов

ГАКО. Р-522. Оп. 1. Д. 170. Л. 6. Подлинник, машинопись.

ПРИЛОЖЕНИЕ 6

**Справка заместителя директора Калининградского областного
краеведческого музея А. Е. Цыганковой³⁴ о целесообразности
восстановления кафедрального собора**

Февраль 1968 г.³⁵

Восстановление коробки кафедрального собора под университетскую библиотеку (предложение Калининградского государственного университета) — разумный и целесообразный способ спасти памятник мировой культуры. При оценке руин кафедрального собора как памятника в первую очередь следует помнить, что собор — место захоронения Иммануила

³² Пантюхов Игорь Михайлович (1937–2009) — русский поэт, писатель.

³³ Покровский Юрий Кириллович (1926–2000) — главный архитектор Калининграда в 1966–1980 годах.

³⁴ Цыганкова Алла Евгеньевна — заместитель директора Калининградского областного краеведческого музея, директор музея в 1970–1976 годах.

³⁵ Датируется по содержанию документов архивного дела.

Канта — крупнейшего ученого XVIII века, основоположника немецкой классической философии. Сохранить собор — это значит спасти и сохранить место захоронения И. Канта.

Снести руины собора — значит снести и уничтожить могилу ученого и надгробие над ней, которые исторически и архитектурно связаны с собором. Следует помнить, что в 1974 году исполняется 250 лет со дня рождения И. Канта — ученого, с достижениями которого и в области космогонии, и в области философии считались классики марксизма.

В связи с юбилеем ученого внимание мировой общественности так или иначе будет обращено к Калининграду и могиле Канта, то есть к кафедральному собору. Наличие на острове рядом с собором и размещенной в нем университетской библиотекой мемориального памятника в честь Героев штурма Кенигсберга не только не противоречит, но лишь подчеркнет историческое значение подвига советских воинов, спасших мировую культуру от уничтожения ее фашизмом. Это во многом зависит от правильного архитектурно-художественного решения.

Зам. директора Калининградского
областного краеведческого музея

А. Е. Цыганкова

ГАКО. Р-522. Оп. 1. Д. 170. Л. 10. Подлинник, машинопись.

ПРИЛОЖЕНИЕ 7

Справка о реконструкции кафедрального собора в Калининграде

Февраль 1968 г.³⁶

1. Книгохранилище (12850 м³).

Устройство перекрытий (шесть) по существующим стенам. Площадь каждого перекрытия 400 м².

Устройство кровли над книгохранилищем³⁷.

2. Вестибюль и читальный зал (22000 м³).

Устройство перекрытия 1120 м² по существующим стенам (колонны усилить).

Устройство покрытия и крыши над читальным залом.

3. Башни (9420 м³).

Устройство перекрытий площадью $53,0 \text{ м}^2 \times 10 = 530 \text{ м}^2$.

Устройство лестниц.

Устройство санузлов (водопровод, канализация), электроосвещение, отопление, вентиляция.

Общий объем здания 44270 м³.

Ориентировочная стоимость 651,654 руб.

Составила руководитель группы сметчиков

т. Павловская Г. Н.

ГАКО. Р-522. Оп. 1. Д. 170. Л. 3. Подлинник, машинопись.

³⁶ Датируется по содержанию документов архивного дела.

³⁷ Ошибка в тексте, правильно: над книгохранилищем.

ПРИЛОЖЕНИЕ 8

**Письмо главного инженера «Калининградгражданпроекта»
Адрианова главному архитектору Калининграда Ю.К. Покровскому
об использовании руин кафедрального собора**

31 мая 1968 г.

При этом направляем эскизные предложения института о возможном использовании руин бывшего кафедрального собора.

В восстановленном здании возможно разместить библиотеку с книжным фондом до 900 тыс. томов и читальными залами на 500 человек.

Приложение: чертежи на 6 листах в 2 экз. каждый.

Главный инженер

(Адрианов)

ГАКО. Ф. Р-522. Оп. 1. Д. 168. Подлинник, машинопись.

ПРИЛОЖЕНИЕ 9

**Из сопроводительного текста к экспозиционному плану
передвижной выставки «Памятники истории и культуры
Калининградской области» областного краеведческого музея**

4 августа 1970 г.

<...> В XIII в. мирная жизнь пруссов была нарушена вторжением тевтонских рыцарей, которые, покорив и заселив Пруссию, создали на ее территории разбойничье государство, превратили Пруссию в базу для своей агрессии против славянских и литовских народов.

Мрачные руины кафедрального собора, старые замки и кирхи, которые сейчас можно встретить на территории нашей области, напоминают нам о том далеком, страшном времени. <...>³⁸

ГАКО. Ф. Р-615. Оп. 1. Д. 32. Л. 5. Копия, машинопись.

³⁸ На выставке большинство экспонатов представляли снимки братских могил советских солдат, павших в боях за Восточную Пруссию, остальные показывали довоенные памятники (слова «немецкий» при этом авторы старательно избегали). Помимо Кафедрального собора и других исторических зданий, демонстрировалась фотография могилы Канта («выдающегося ученого, философа XVIII в.»), которая сопровождалась следующей, звучащей как оправдание, цитатой из речи В.И. Ленина на III съезде комсомола: «...Только точным знанием культуры, созданной всем развитием человечества, только переработкой ее можно строить пролетарскую культуру».

ПРИЛОЖЕНИЕ 10

**Ответ Министерства культуры РСФСР Совету министров РСФСР
«О просьбе Калининградского облисполкома о снятии
с государственной охраны кафедрального собора в Калининграде
от 26 октября 1972 г.»**

28 декабря 1972 г.

Министерство культуры РСФСР рассмотрело просьбу Калининградского облисполкома о снятии с государственной охраны как памятника культуры кафедрального собора в Калининграде, выяснило мнения по данному вопросу Центрального Совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (В.Н. Иванова), Научно-методического Совета по охране памятников культуры Министерства культуры СССР, Научно-исследовательского музея архитектуры им. А.В. Щусева Госстроя СССР, Института истории искусств и докладывает.

По вопросу сохранения кафедрального собора выявились мнения, отличающиеся от точки зрения, изложенной в ходатайстве Калининградского облисполкома.

Различные точки зрения по данному вопросу нашли отражение и в проектах застройки центра Калининграда, которые были представлены на конкурс, организованный недавно Госстроем СССР.

Министерство культуры РСФСР, признавая сложность сохранения в руинированном виде указанного сооружения и нецелесообразность его полного восстановления, вместе с тем считает, что должно быть найдено решение, обеспечивающее возможность сохранения если не всего объема памятника, то его наиболее ценной части с примыкающей к памятнику могилой И. Канта.

В этой связи Министерство культуры РСФСР полагало бы целесообразным отложить в настоящее время принятие окончательного решения по ходатайству Калининградского облисполкома и направить в Калининград комиссию специалистов, которая могла бы совместно с местными органами подготовить соответствующие практические предложения, в том числе и о благоустройстве могилы И. Канта, 250-летие со дня рождения которого по решению ЮНЕСКО будет отмечаться в 1974 г.

Просим вашего согласия.

Заместитель министра культуры РСФСР

Е. Зайцев

ГАКО. Ф. 297. Оп. 9. Д. 491. Л. 2 – 3.

Копия, машинопись (опубликовано: Фарутин, 2002, кн. 3, с. 339).

ПРИЛОЖЕНИЕ 11

**Письмо начальника областного управления культуры В.К. Глушкова³⁹
в обком КПСС по письму гражданина Ю. Петренко**

13 августа 1976 г.

В связи с письмом Ю. Петренко в ЦК КПСС управление культуры облисполкома и областное отделение Общества охраны памятников истории и культуры сообщают:

³⁹ Глушков Виктор Константинович (род. в 1931 году) — начальник управления культуры Калининградского облисполкома в 1965–1976 годах.

В ходе военных действий за взятие города-крепости Кенигсберг Королевский замок был разрушен. Кроме западного пролета и двух полуразрушенных башен, от замка ничего не осталось. Восстановить замок не представлялось никакой возможности. Для этого необходимо было выполнить, по оценке специалистов, объем работ в десятки миллионов рублей. Место, где он находился, по генеральному плану застройки города превращается в административный центр области с застройкой современными зданиями. Кроме этого, он оставался олицетворением прусского милитаризма, оголтелой реакции и фашизма. Как памятник истории он на учете не состоял. Исходя из этих соображений было принято решение о его сносе.

Кафедральный собор подлежит охране как памятник республиканского значения. В силу того, что он разрушен, восстановить его и приспособить для каких-либо целей не представляется возможным, так как на эти цели потребовалось бы 8–9 миллионов рублей. Принято решение оставить собор в руинированном виде, но произвести необходимые работы по его консервации. Работы по консервации осуществлены. Выполнен большой объем работ по благоустройству охранной зоны и прилегающей к собору территории. На эти цели израсходовано более 1 млн рублей.

ГАКО. Ф. Р-68. Оп. 1. Д. 534. Л. 39 – 40. Отпуск, машинопись.

ПРИЛОЖЕНИЕ 12

Письмо председателя Калининградского горисполкома В. В. Денисова министру культуры РСФСР Ю. С. Мелентьеву о воссоздании в Калининграде памятника И. Канту

23 января 1981 г.

Исполком Калининградского городского Совета народных депутатов убедительно просит Министерство культуры РСФСР рассмотреть вопрос о воссоздании памятника Иммануилу Канту в городе Калининграде.

Иммануил Кант является выдающимся немецким ученым XVIII века, родоначальником немецкой классической философии. Его жизнь и деятельность связаны с городом Кёнигсбергом и университетом, где он в течение многих лет был ректором. И. Кант состоял почетным академиком Российской Академии наук.

Умер и похоронен И. Кант в Кёнигсберге. Здесь на территории бывшего Кёнигсбергского университета (в его здании действует Калининградский государственный университет) ему был воздвигнут памятник, постамент от которого сохранился до сего времени. К 250-летию со дня рождения И. Канта в Калининградском государственном университете создан кабинет-музей И. Канта, получивший большую известность в области и за ее пределами. Жители и научная общественность города Калининграда вносят предложение о восстановлении памятника выдающемуся ученому и мыслителю.

Предложение о воссоздании памятника у здания Калининградского университета поддержано Академией наук СССР.

Председатель горисполкома

В. В. Денисов

ГАКО. Ф. 216. Оп. 2. Д. 510. Л. 3. Заверенная копия, машинопись.

ПРИЛОЖЕНИЕ 13

**Повторное обращение председателя Калининградского горисполкома
В. В. Денисова к министру культуры РСФСР Ю. С. Мелентьеву
о сооружении в Калининграде памятника И. Канту**

Февраль 1981 г.

Уважаемый Юрий Серафимович!

Во время Вашего последнего пребывания в декабре прошлого года в Калининграде Вами была высказана поддержка наших стремлений воссоздать в городе разрушенный в годы войны известный памятник И. Канту. Мы почувствовали также Ваше желание принять личное участие в решении этого вопроса. Поэтому естественным было обращение по данному вопросу в Министерство культуры РСФСР исполкома городского Совета народных депутатов (наше письмо от 23 января 1981 г., №53/ж).

На него поступил, откровенно говоря, обескураживающий нас ответ начальника управления учреждений изобразительных искусств Министерства т. Воробьева В.П., в котором дается рекомендация решить дело в установленном порядке. Такая безучастная, формальная позиция т. Воробьева В.П., думается, не может способствовать его успеху.

Калининградский облисполком обратился в Совет министров РСФСР в октябре месяце 1980 года с просьбой разрешить воссоздать памятник И. Канту в областном центре (копия письма прилагается). Однако ответа на сей счет пока не последовало.

Мы были бы очень признательны Вам, Юрий Серафимович, за продвижение указанного вопроса в соответствующих центральных инстанциях.

Извините.

Председатель Калининградского горисполкома

В. В. Денисов

ГАКО. Ф. 216. Оп. 2. Д. 510. Л. 12. Заверенная копия, машинопись.

ПРИЛОЖЕНИЕ 14

**Письмо председателя Калининградского горисполкома В. В. Денисова
в облисполком о создании в бывшем кафедральном соборе театра
под открытым небом**

12 апреля 1982 г.

О дальнейшем использовании руин
бывшего кафедрального собора

На территории города Калининграда в числе памятников архитектуры республиканского значения, охраняемых государством, находятся расположенные на центральном острове бывший кафедральный собор постройки первой половины XIV века и могила выдающегося немецкого философа Иммануила Канта.

В годы Великой Отечественной войны все сооружения острова были превращены в руины. В послевоенные годы выполнена большая работа по очистке и приведению в порядок его территории, здесь разбит городской парк. Полностью восстановлен мавзолей И. Канта. Периодически проводились работы по укреплению стен остатков кафедрального собора. Однако, несмотря на принятые меры, руины этого архитектурного памятника продолжают разрушаться, оставлять их дальше в таком виде нельзя. В целом восстанавливать это сооружение из-за большой затраты средств не представляется возможным.

Принятым постановлением Совета министров РСФСР от 24 января 1980 года «О мерах по улучшению охраны, реставрации и использования памятников истории и культуры в свете Закона СССР и Закона РСФСР “Об охране и использовании памятников истории и культуры”» бывший кафедральный собор, а также крепость XVIII века (Фридриха Великого) отнесены к числу особо ценных памятников архитектуры Калининградской области, подлежащих первоочередной реставрации и музеефикации в 1980–1990 гг. Этим документом подчеркнуто, что бережное сохранение и активное использование памятников истории и культуры в коммунистическом воспитании трудящихся является важной задачей Советов народных депутатов, органов культуры и общественных организаций.

Руководствуясь этими указаниями, Калининградский горисполком вносит предложение использовать руины бывшего кафедрального собора как открытую концертную площадку (театр под открытым небом) сезонного типа, на которой можно было бы организовывать специальные концертные программы с участием симфонических оркестров, камерных ансамблей, вокально-инструментальных коллективов, а также встречи с писателями, художниками, деятелями театра и кино.

Для практического осуществления этого предложения предварительно необходимо выполнить работы по консервации этого объекта: закрепить верх кирпичной кладки стен и фасадной части собора, обеспечив защиту их от воздействия атмосферных осадков, реконструировать входы.

По поручению горисполкома архитектурно-планировочное управление разработало проект первой очереди реконструкции, которым предусмотрены концертный зал на 1 тыс. посадочных мест, летняя эстрада, артистические помещения. В дальнейшем, как это имеет место в других городах, его можно перекрыть легкой собирающейся крышей типа зонтика. Внутренние габариты реконструируемого сооружения позволят использовать его и для проведения выставок современной скульптуры и монументальной живописи.

Ориентировочная стоимость консервации невелика — в пределах 150 тыс. рублей. Работы могут быть выполнены ремонтно-строительными управлениями треста «Горремстрой». Средства для этих целей возможно выделить из городского бюджета.

Вокруг собора в парке целесообразно создать музей культуры⁴⁰ под открытым небом. Сейчас по договоренности горисполкома с правлением Союза художников РСФСР для этих целей городу передается ряд ценных скульптур известных советских авторов из запасников творческих организаций и музеев республики.

⁴⁰ Правильно: скульптуры.

Опыт создания подобных концертных площадок и музеев под открытым небом на территории древних культовых сооружений, являющихся памятниками архитектуры, истории и культуры, имеется как в Советском Союзе (например, концертный зал в руинах монастыря Пирита в городе Таллине, музей скульптуры на открытом воздухе в Риге и Клайпеде), так и в ряде европейских социалистических стран.

Полагаем, что это можно сделать и в Калининграде. Указанное новое учреждение культуры в областном центре позволит расширить сферу культурного обслуживания, более активно вести пропаганду музыкальной культуры и эстетического воспитания, полнее удовлетворять растущие культурные запросы калининградцев.

Исполком Калининградского городского Совета народных депутатов просит разрешить начать в текшем году работы по приспособлению руин бывшего кафедрального собора под театр под открытым небом.

Председатель горисполкома

В. В. Денисов

ГАКО. Ф. 216. Оп. 2. Д. 611. Л. 14 – 16. Заверенная копия, машинопись.

ПРИЛОЖЕНИЕ 15

Из письма заместителя председателя Калининградского горисполкома Н. В. Бушуевой в облисполком о состоянии здания кафедрального собора

4 февраля 1984 г.

Исполком Калининградского городского Совета народных депутатов рассмотрел письмо тов. Денисова В. Н., жителя города Минска, о состоянии памятников архитектуры в Калининграде и сообщает следующее. <...>⁴¹

Другой памятник архитектуры — кафедральный собор — постановлением Совета министров РСФСР № 1327 от 30 августа 1960 года взят на государственный учет как памятник республиканского значения (14 век).

В настоящее время этот объект находится в аварийном состоянии: некоторые фрагменты кладки в связи с далеко зашедшими процессами эрозии грозят обрушением и, более того, в период урагана 18–19 января 1983 года произошло обрушение одной из арок.

В свое время производились работы (минимальные) по его укреплению, однако обеспечение полной сохранности памятника требует значительно больших затрат. Горисполком неоднократно в разные годы обращался с ходатайством в вышестоящие органы о выделении денежных средств и материалов на консервацию кафедрального собора. В 1982 году по этому вопросу направлены письма в адрес облисполкома (исх. 239/ж от 12.04.82) и председателя Госснаба РСФСР т. Боловинова К. А. (исх. 542/ж от 24.08.82). Однако средства на эти цели не были выделены.

⁴¹ Далее следует описание состояния кирхи Юдиттен (ныне православный Свято-Никольский храм).

Здание кафедрального собора с могилой философа И. Канта является экскурсионным объектом в городе, здесь ежедневно проводятся экскурсии, поэтому оставлять далее сооружение в аварийном состоянии без проведения неотложных восстановительных работ нельзя, дальнейшая задержка начала консервационных работ могла бы повлечь полную утрату памятника. Исходя из этого, горисполком принял решение о проведении срочной консервации развалин с частичным устранением участков кладки, грозящих обрушением, укреплением верха стен и защиты их эрозии, а также укрепления ослабленных конструкций здания.

Автор письма ошибочно утверждает, что горисполком нарушает законоположение об охране памятников культуры в части согласования проводимых работ с республиканскими и государственными органами охраны памятников.

Известно, что полномочиями этих органов на местах облечены управление культуры облисполкома, действующая при нем группа по охране и эксплуатации памятников истории и культуры.

Должностные лица этих организаций систематически принимают участие при решении вопросов, связанных с проведением реставрационных работ, в соответствии со ст. 31 закона РСФСР «Об охране и использовании памятников истории и культуры».

Распоряжением горисполкома №293 от 25.06.82 в комиссию для определения технического состояния здания кафедрального собора включены тов. Ковалев Н.Н. — зам. председателя президиума Совета Калининградского областного отделения общества охраны памятников истории и культуры и инженер производственной группы по охране и эксплуатации памятников истории и культуры при управлении культуры облисполкома тов. Забалуев В.И.

Систематически принимает участие в работе совещаний в горисполкоме, обсуждающих вопросы хода проведения консервационных работ здания собора, начальник управления культуры облисполкома тов. Гречко И.А.

Кроме того, консервационные работы ведутся под систематическим надзором архитектурно-планировочного управления горисполкома. При этом сохраняются все фрагменты и детали внутреннего и внешнего убранства, средневекового декора здания.

После приведения здания в надлежащий вид будет решен вопрос о дальнейшем использовании этого памятника культуры.

Далее автор письма утверждает, что в 1976 году в Калининграде был уничтожен костел, который являлся памятником республиканского значения, на самом деле, указанный костел 1929 года строительства памятником архитектуры не являлся и действительно был снесен в связи с аварийным состоянием.

По вопросам, затронутым в письме заявителя, ему направлен ответ за подписью главного архитектора города тов. Попова Е.А., в котором автор извещен, что направленное ему разъяснение является ответом на его обращение в Совет министров РСФСР.

Зам. председателя горисполкома

Н.В. Бушуева

**Из заключения Министерства культуры РСФСР
«По вопросам сохранения, реставрации и использования
памятников истории и культуры в Калининградской области»**

6—9 августа 1984 г.

<...> Наиболее сложной проблемой является сохранение, консервация и использование памятника архитектуры XIV в., кафедрального собора, в Калининграде. Облсполком и горисполком изыскивали возможности для начала работ по консервации здания. АПУ⁴² горисполкома организовал разработку проекта консервации собора; проект был согласован в Министерстве культуры РСФСР, и по нему уже осуществлен значительный объем работ. В работах принимают участие, кроме управления треста мостовых и дорожных работ и благоустройства (подрядчик), Калининградское специализированное управление реставрационных и ремонтных работ, а также другие строительные организации на условиях субподряда. Выполнено работ свыше 250 тыс. руб.

Предложения по проводимым консервационным работам.

Необходимо в дальнейшем отказаться от применения цементных растворов при ремонте стен кафедрального собора, а также от применения силикатного кирпича. Целесообразно перейти на известковый раствор и большемерный красный кирпич (возможно, за счет разборки неценных построек и их руин).

Целесообразно, как второй этап консервации, предусмотреть устройство покрытия собора, имея в виду использование интерьера для проведения концертов, выставок, музейной экспозиции. <...>

ГАКО. Ф. Р-297. Оп. 10. Д. 861. Л. 31 – 32.

Подлинник, машинопись (опубликовано: Фарутин, 2002, кн. 3, с. 391).

Список литературы

1. Клемешева М. А. О судьбе Королевского замка // Калининградские архивы. 2000. Вып. 2. С. 179 – 191.
2. Костяшов Ю. В. Кто спас усыпальницу Иммануила Канта от разрушения? // Кантовский сборник. 2002. Вып. 23. С. 125 – 131.
3. Кузнецова И. С. Два памятника Иммануилу Канту в одном городе. 16.08.2016 г. URL: <https://www.kantiana.ru/news/148/199047/> (дата обращения: 21.08.2016).
4. Маниок Е. С. Советское градостроительство в бывшей Восточной Пруссии (Калининград и Клайпеда в 1945 – 1950-е гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Калининград, 2015.
5. Одинцов И. А. Возрождение собора // Балтийский альманах. 2005. №5. С. 148 – 150.
6. Самая западная: Калининградская область в документах и материалах за 1962 – 1985 гг. / под ред. И. А. Фарутина. Калининград, 2002. Кн. 3.
7. Фостова С. А. Дискуссия о судьбе Кёнигсбергского замка и его разрушении в 1950 – 1960-е годы (из фондов Государственного архива Калининградской области) // Калининградские архивы. 2015. Вып. 12. С. 179 – 204.

Об авторе

Юрий Владимирович Костяшов — доктор исторических наук, профессор Института гуманитарных наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, kostyashov@gmail.com

⁴² Архитектурно-планировочное управление.

KÖNIGSBERG CATHEDRAL AND IMMANUEL KANT'S TOMB IN SOVIET KALININGRAD

Yu. Kostyashov

Based on earlier unknown or poorly studied archival documents, this article reconstructs the post-war history of the 14th century Königsberg Cathedral and the tomb of philosopher Immanuel Kant in former Kneiphof. The study investigates the authorities' and general public's attitudes towards this monuments. Throughout the Soviet period until the beginning of Perestroika, the local Communist party and state authorities attempted to demolish the ruins of the Cathedral, which was damaged during the war, and relocate Kant's grave. However, this goal was not achieved, because members of Kaliningrad intelligentsia and the emerging civil society, who had the support of Moscow cultural organisations and institutions, including the Ministry of Culture of the RSFSR, furthered the cause of protecting the main attractions of Königsberg/Kaliningrad. The article discusses the projects of using the ruins of the Cathedral for different purposes (creation of a university library, construction of an observatory, a concert hall, or an open-air theater, etc.). The author cites documents about granting the Cathedral the status of a monument of cultural heritage. The article provides information about the physical condition of the Cathedral and Kant's tomb in different years, including the materials of various relevant committees. The author describes the conservation, maintenance, and restoration of both objects. The history of the Cathedral and Kant's grave is examined in the context of politics of memory pursued by the regional authorities. Changes in the attitudes towards the German historical and cultural heritage of former East Prussia are traced. The supplement contains 16 documents from the State Archive of the Kaliningrad region, 14 of which are published for the first time.

Key words: Königsberg, Kaliningrad, Cathedral, Kant's tomb, monuments of history and culture, politics of memory.

References

1. Klemesheva, M. A. 2000, O sud'be Korolevskogo zamka [The fate of the Royal Castle], *Kaliningradskie arhivy* [Kaliningrad archives], no 2, p. 179–191.
2. Kostyashov, Yu. V. 2002, Kto spas usypal'nicu Immanuila Kanta ot razrusheniya? [Who saved the tomb of Immanuel Kant from destruction?], *Kantovskij sbornik* [Kant's collection], no 23, p. 125–131.
3. Kuznecova, I. S. 2016, Dva pamyatnika Immanuila Kantu v odnom gorode [Two monuments to Immanuel Kant in the same city], 16.08.2016, available at: <https://www.kantiana.ru/news/148/199047/> (accessed 21 August 2016).
4. Manyuk, E. S. 2015, Sovetskoe gradostroitel'stvo v byvshej Vostochnoj Prussii (Kaliningrad i Klaipeda v 1945–1950) [Soviet urban planning in the former East Prussia (Kaliningrad and Klaipeda in 1945–1950-ies.)], Kaliningrad, 209 p.
5. Odincov, I. A. 2005, Vozrozhdenie sobora [Revival of the Cathedral], *Baltiiskij al'manah* [Baltic almanac], no 5, s. 148–150.
6. Farutin, I. A. (red.) 2002, Samaya zapadnaya: Kaliningradsкая область v dokumentah i materialah za 1962–1985 gg. [The most western: Kaliningrad region in the documents and materials during the 1962–1985], Kaliningrad, kn. 3, 432 s.
7. Fostova, S. A. 2015, Diskussiya o sud'be Kyonigsbergskogo zamka i ego razrushenii v 1950–1960-e gody (iz fondov Gosudarstvennogo arhiva Kaliningradskoj oblasti) [The discussion about the fate of the Königsberg castle and its destruction in 1950–1960-ies (from the documents of the State Archive of the Kaliningrad region)], *Kaliningradskie arhivy* [Kaliningrad archives], no 12, p. 179–204.

About the author

Prof. Yury **Kostyashov**, Department of History, Immanuel Kant Baltic Federal University, kostyashov@gmail.com

Мелих Ю.Б. Иррациональное расширение философии Канта в России. — СПб. : Алетейя, 2014. — 343 с.*

На самому себе заданный вопрос, существует ли еще тот комплекс проблем вокруг философии Канта, который либо совсем, либо недостаточно изучен, автор монографии хотя и не сразу, но дает положительный ответ. И такая постановка вопроса, и задержка с положительным ответом на него связаны с тем, что Ю.Б. Мелих как добросовестный и профессиональный исследователь трансцендентальной философии Канта вполне закономерно вначале обращается к анализу современного состояния отечественного кантоведения. Автор справедливо считает это состояние удовлетворительным по нескольким причинам. Во-первых, возросла интенсивность публикаций монографий и сборников, посвященных проблемам философии Канта в России. Особо Ю.Б. Мелих выделяет сборник «Кант и философия в России» (1994), который она полагает отправной точкой оживления интереса к философии Канта с позиции отечественной философии. Во-вторых, налицо комплексность исследований. Влияние Канта прослеживается не только в русской философии, но и в русском художественном творчестве. И, в-третьих, очевидна разносторонность этих исследований. Отмечается, что русскую религиозную философию, русское неокантианство, русский прагматизм объединяет определенное отношение к философии Канта.

Именно критическая философия Канта так или иначе стала истоком таких противоположных друг другу философских умонастроений. Данный факт — свидетельство действительной универсальности идей немецкого гения, непреходящей ценности и актуальности его философии. Они оказались востребованными и теми, кто искал более тесной связи научного познания с повседневностью, изменчивой, текучей жизнью, и теми, кто полагал открыть в философии способы преобразования социальной действительности, и теми, кто видел в философии образец чистого знания, и, наконец, теми, кто философию определял в качестве инструмента интерпретации божественных символов.

Следует согласиться и с тезисом автора монографии, ставшим одним из иницилирующих моментов данного произведения, о том, что неокантианство все еще остается малоизученным направлением мировой философии конца XIX начала XX века. Я уже писал о причинах, которые осложняют работу над анализом феномена русского неокантианства¹. Необходимо только указать на то, что и в исследовании истории немецкого неокантианства имеются свои непростые и неоднозначные моменты и трудности. Однако в последние годы положение с исследованиями в области неокантианства стало существенным образом меняться в лучшую сторону. Причем возросший интерес к неокантианству — не только историко-философский. Уже есть немало работ, которые полагают, что неокантианство есть само-

* Поступила в редакцию: 10.06.2016 г.

doi: 10.5922/0207-6918-2016-4-8

© Белов В.Н., 2016

¹ См.: Белов В.Н. Русское неокантианство: история и особенности развития // Кантовский сборник. 2012. № 1 (39). С. 38.

сознание эпохи постпостмодерна, обоснование нового гуманизма эпохи различий и дифференциаций, сознание человеческой культуры, философия диалога и коммуникаций. И для таких утверждений имеются свои основания. В данном контексте хотелось бы обратить внимание на недавно изданную книгу известного итальянского специалиста по философии Германа Когена — профессора А. Помы (Poma A. *Cadenze. Note filosofiche per la postmodernita*. Milano ; Udine, 2014).

Представляет несомненный интерес и мысль автора монографии о попытке развития кантовской философии со стороны неокантианства за счет иррационального. Такое стремление, по мнению профессора Ю.Б. Мелих, было характерно для неокантианства в целом, то есть и для немецкого, и продиктовано поиском целостного мировоззрения, преодолевающего любой дуализм человеческого разума. Автор ставит перед собой цель дать ответ на вопрос, *«способно ли неокантианство преодолеть через иррационализм раздробленность мира и обосновать целостность мировоззрения, а не углубиться в мистику и затеряться в прагматистском релятивизме»*² (с. 40).

Переходя к анализу творчества русских неокантианцев, Ю.Б. Мелих замечает: «В отечественной истории философии Сергей Иосифович Гессен менее известен, чем его соратники по журналу "Логос" Ф.А. Степун, Б.В. Яковенко, В.Е. Сеземанн» (с. 88). Мне трудно согласиться с таким суждением в отношении Василия Эмильевича Сеземана. К моему возражению подталкивает даже простое сравнение публикаций указанных русских мыслителей. Если в изучении других редакторов русского «Логоса» существует определенная отечественная традиция, защищаются диссертации, проводятся конференции и круглые столы, публикуются первоисточники, монографии и сборники, то в отношении В.Э. Сеземана ситуация не столь радужная. Если и говорить о традиции в изучении его наследия, то такую следует искать на Западе. Необходимо отдать должное литовским коллегам, которые по достоинству оценили вклад русского философа в дело формирования основ литовской культуры, выпустив двухтомное собрание сочинений В. Сеземана на литовском языке, в Литве существует когорта исследователей его трудов. Хотелось бы среди прочих назвать имена Лозурайтиса, Анилионите и Гензелиса. Творчество русского философа вызывает интерес и в других европейских странах, так, в 2005 году в Хельсинки прошла конференция, посвященная В.Э. Сеземану, куда был приглашен и сын философа Георгий, проживающий ныне в Вильнюсе; в Амстердаме опубликован перевод на английский язык его «Эстетики», которую специалисты причисляют к произведениям европейской классики (Sesemann V. *Aesthetics*. Amsterdam ; N. Y., 2007), на английском же языке в 2006 году вышла первая монография о русском мыслителе (Botz-Bornstein T. *Vasily Sesemann. Experience, Formalism, and the Question of Being*. Amsterdam ; N. Y., 2006).

Обращение к философской позиции Сеземана в рецензируемой монографии было бы продуктивным и закономерным еще по одной очень важной, на мой взгляд, причине — особого внимания в его философии к проблеме иррационального³.

² Курсив автора монографии.

³ Более подробно об этом см.: Белов В.Н. В.Э. Сеземан – систематик русского неокантианства // Вопросы философии. 2012. № 4. С. 121–127 ; Белов В.Н. Проблема рационального и иррационального в русском неокантианстве // Духовный континент русской философии. Саратов, 2009. С. 159–180.

Проведя скрупулезный анализ творчества трех представителей русского неокантианства — С.И. Гессена, Б.В. Яковенко и Ф.А. Степуна — автор рецензируемой монографии приходит к выводу о том, «что заявленная в неокантианстве претензия на возможность пересоздать действительность не поддается человеку, и вместо индивидуализации она оборачивается множеством масок и мутных ликов или же утопает в темных мистических глубинах, растворяя при этом и саму действительность» (с. 306).

Произведенный анализ взглядов русских неокантианцев позволяет профессору Ю.Б. Мелих утверждать их несомненную связь с теорией прагматизма. Особую близость позиции русского неокантианства она находит в так называемом прагматическом романтизме Ричарда Рорти, интервью с которым и завершает рецензируемое издание.

В заключение осталось отметить, что данная монография стала результатом многолетнего труда ее автора, а также нескольких научных командировок, осуществленных при финансовой поддержке международных программ, в рамках которых профессору Ю.Б. Мелих удалось поработать с материалами в университетских библиотеках Европы и США. Это дало возможность автору ввести в научный оборот многочисленные работы на иностранных языках, как относящиеся к самим русским или немецким неокантианцам, так и посвященные анализу их творчества. В частности, хотелось бы отметить прежде всего материалы III Международного философского конгресса в Гейдельберге и диссертацию С.И. Гессена «Über individuelle Kausalität». Монография Ю.Б. Мелих может быть рекомендована специалистам, а также всем интересующимся историей европейской философии рубежа XIX и XX веков и историей отечественной философии и культуры.

В.Н. Белов

ТРЕБОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В КАНТОВСКОМ СБОРНИКЕ

Правила публикации статей в журнале

1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.

2. Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других печатных изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично без согласия редакции.

3. Рекомендованный объем статьи — 30 тыс. знаков с пробелами, для научного сообщения — 6 тыс. знаков с пробелами (включая заглавие, аннотацию, ключевые слова, список литературы на русском и английском языках).

4. Все присланные в редакцию работы проходят *внутреннее* и *внешнее рецензирование*, а также проверку системой «Антиплагиат», по результатам которых принимается решение о возможности включения статьи в журнал.

5. Плата за публикацию рукописей не взимается.

6. При подаче статьи на рассмотрение автор вместе с материалами рукописи должен представить внешнюю рецензию на работу с обязательным указанием контактных данных рецензента (Ф. И. О., должность, место работы, почтовый адрес места работы, e-mail, телефон). При подаче статьи в электронном виде рецензию можно представить в формате PDF.

7. Статья на рассмотрение редакционной коллегией направляется ответственному секретарю журнала — *Анатолию Геннадьевичу Пушкарскому* по e-mail: **kant@kantiana.ru**.

8. Решение о публикации (или отклонении) статьи принимается редакционной коллегией журнала после ее рецензирования и обсуждения.

9. Автор имеет право публиковаться в одном выпуске Кантовского сборника один раз; второй раз в соавторстве — в исключительном случае, только по решению редакционной коллегии.

Комплектность и форма представления авторских материалов

1. Статья должна содержать следующие элементы:

1) индекс УДК — должен достаточно подробно отражать тематику статьи (основные правила индексирования по УДК см.: <http://www.naukapro.ru/metod.htm>);

2) название статьи строчными буквами на русском и английском языках (*до 12 слов*);

3) аннотацию на русском и *summary* на английском языке (210–250 слов). Аннотация располагается перед ключевыми словами после заглавия, *summary* после статьи и перед *references*;

4) ключевые слова на русском и английском языках (*4–10 слов*). Располагаются перед текстом после аннотации;

5) список литературы (*примерно 25 источников*) оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. — 2008 и *references на латинице* (Harvard System of Referencing Guide);

6) сведения об авторах на русском и английском языках (Ф.И.О. полностью, ученые степени, звания, должность, место работы, e-mail, контактный телефон, почтовый адрес места работы).

2. Оформление списка литературы.

• Список литературы, оформленный в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. — 2008, приводится в конце статьи в алфавитном порядке без нумерации. Сначала перечисляются источники на русском языке, затем — на иностранных языках. Если в списке литературы есть несколько публикаций одного автора одного года издания, то рядом с годом издания каждого источника ставятся буквы а, б и другие. Например:

Брюшинкин В.Н. Взаимодействие формальной и трансцендентальной логики // Кантовский сборник. 2006. № 26. С. 148-167.

Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, которая может появиться как наука // Кант И. Сочинения : в 8 т. М., 1994а. Т. 4.

Кант И. Метафизические начала естествознания // Кант И. Сочинения : в 8 т. М., 1994б. Т. 4.

Howell R. Kant's Transcendental Deduction: An Analysis of Main Themes in His Critical Philosophy. Dordrecht ; Boston ; L., 1992.

• Источники, опубликованные в интернет-изданиях или размещенные на интернет-ресурсах должны содержать точный электронный адрес и обязательно дату обращения к источнику (в круглых скобках) по образцу:

Walton D. A. Reply to R. Kimball. URL: www.dougwalton.ca/papers%20in%20pdf/07ThreatKIMB.pdf (дата обращения: 09.11.2009).

3. Оформление *references*.

В английский блок статьи необходимо добавить *references* — **список литературы на латинице**, оформленный по требованиям *Harvard System of Referencing Guide*: сначала дается автор, затем – год издания. В отличие от списка литературы, где авторы выделяются курсивом, в *references* курсивом выделяется **название книги (журнала)**! В квадратных скобках дается перевод на английский язык названия указанного источника, если он составлен не на латинице. Например:

Книга на кириллице: Borisov, K.G. 1988, *Mehanizm pravovogo regulirovaniia processa internacionalizacii mnogostoronnih nauchno-tehnicheskikh svyazej v sovremennoj vseobshnej sisteme gosudarstvo* [The mechanism of legal regulation of the internationalization process of multilateral scientific and technical relations in the modern system of universal], Moscow, 363 p.

Книга на латинице: Keohane, R. 2002, *Power and Interdependence in a Partially Globalized World*, New York, Routledge.

Журнальная статья на кириллице: Dezhina, I.G. 2010, *Menjajushhiesja priority mezhdunarodnogo nauchno-tehnologicheskogo sotrudnichestva Rossii* [Changing priorities of international scientific and technological cooperation between Russia], *Ekonomicheskaja politika* [Economic policy], no. 5, pp. 143–155, available at: www.iep.ru/files/text/policy/2010_5/dezhina.pdf (accessed 08 April 2013).

Журнальная статья на латинице: Johanson, J., Vahlne, J.-E. 2003, *Business Relationship Learning and Commitment in the Internationalization Process*, *Journal of International Entrepreneurship*, no. 1, pp. 83–101.

Более подробно с правилами составления *references* можно ознакомиться на сайте: libweb.anglia.ac.uk/referencing/harvard.htm

4. Оформление ссылок на литературу в тексте.

• Ссылки на литературу в тексте даются в круглых скобках: автор или название источника из списка литературы и через запятую год и номер страницы: (Кант, 1994а, с. 197) или (Howell, 1992, p. 297).

• Для многотомных изданий — автор или название источника из списка литературы, затем через запятую со строчной буквы номер тома и номер страницы: (Шопенгауэр, 2001, т. 3, с. 22).

• Произведения Канта обязательно цитируются по имеющимся русским переводам. Если автор статьи исправляет русский перевод или при наличии изданного русского перевода дает цитату Канта в собственном переводе, то это должно быть оговорено в соответствующем примечании (внизу страницы), в котором обосновывается необходимость исправления перевода или собственного перевода.

• Ссылки на русские переводы Канта оформляются так же, как и другие источники. Например, в тексте статьи ссылка на русский перевод «Критики чистого разума» будет выглядеть следующим образом: (Кант, 2006а, с. 82–83).

• Если необходимо указать пагинацию, принятую в немецких изданиях Канта, то ссылка оформляется следующим образом: (Кант, 2006а, с. 359-361; A219 / B267); так же и с другими русскими переводами произведений Канта.

• Не допускается упоминание в списке литературы собраний сочинений Канта в целом, например: Кант И. Сочинения : в 6 т. М., 1963–1966. Необходимо давать название конкретной работы.

• Ссылки на оригинальные тексты Канта приводятся по изданию: Kant I. *Gesammelte Schriften* (Akademie-Ausgabe). Berlin, 1900 ff. В тексте статьи они оформляются следующим образом: (AA, XXIV, S. 578), где римскими цифрами указывается номер тома данного издания, а затем страница в этом издании. Ссылки на «Критику чистого разума» оформляются по этому же изданию, например, следующим образом: (A 000) для текстов из первого издания, (B 000) — для второго издания или (A/B 000) — для фрагментов текста, встречающихся в обоих изданиях. *Gesammelte Schriften* в списке литературы не указывается. Остальные издания Канта описываются обычным образом в списке литературы.

• В материалах, предназначенных для раздела «Публикации», можно сохранить все оригинальные примечания и ссылки на литературу или оформить ссылки и примечания в соответствии с настоящими требованиями.

5. Материалы, предоставленные в редакцию для публикации в Кантовском сборнике, не отвечающие требованиям, изложенным выше, в печать не принимаются, не редактируются и не рецензируются.

Общие правила оформления текста

Авторские материалы должны быть подготовлены *в электронной форме* в формате листа A4 (210×297 мм).

Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в формате *doc* и *docx* (Microsoft Office).

Подробная *информация о правилах оформления текста*, в том числе *таблиц, рисунков, ссылок и списка литературы*, размещена на сайте Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта: http://journals.kantiana.ru/kant_collection/monography/.

Рекомендуем авторам также ознакомиться с информационно-методическим комплексом «Как написать научную статью»: <http://journals.kantiana.ru/authors/imk/>.

Порядок рецензирования рукописей статей

1. Все научные статьи, поступившие в редколлегию Кантовского сборника, подлежат обязательному рецензированию. Отзыв научного руководителя или консультанта не может заменить рецензии.

2. Главный редактор журнала определяет соответствие статьи профилю журнала, требованиям к оформлению и направляет ее на рецензирование специалисту, доктору или кандидату наук, имеющему наиболее близкую к теме статьи научную специализацию.

3. Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются ответственным редактором серии с учетом создания условий для максимально оперативной публикации статьи.

4. В рецензии освещаются следующие вопросы:

а) соответствует ли содержание статьи заявленной в названии теме;

б) насколько статья соответствует современным достижениям научно-теоретической мысли;

в) доступна ли статья читателям, на которых она рассчитана, с точки зрения языка, стиля, расположения материала, наглядности таблиц, диаграмм, рисунков и формул;

г) целесообразна ли публикация статьи с учетом ранее выпущенной по данному вопросу литературы;

д) в чем конкретно заключаются положительные стороны, а также недостатки статьи, какие исправления и дополнения должны быть внесены автором;

е) рекомендуется (с учетом исправления отмеченных рецензентом недостатков) или не рекомендуется статья к публикации в журнале, входящем в Перечень ведущих периодических изданий ВАК.

5. Рецензирование проводится конфиденциально. Автор рецензируемой статьи может ознакомиться с текстом рецензии. Нарушение конфиденциальности допускается только в случае заявления рецензента о недостоверности или фальсификации материалов, изложенных в статье.

6. Если в рецензии содержатся рекомендации по исправлению и доработке статьи, главный редактор журнала направляет автору текст рецензии с предложением учесть их при подготовке нового варианта статьи или аргументированно (частично или полностью) их опровергнуть. Доработанная (переработанная) автором статья повторно направляется на рецензирование.

7. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается. Текст отрицательной рецензии направляется автору по электронной почте, факсом или обычной почтой.

8. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редколлегией серии.

9. После принятия редколлегией решения о допуске статьи к публикации ответственный секретарь информирует об этом автора и указывает сроки публикации.

Текст рецензии направляется автору по электронной почте, факсом или обычной почтой.

10. Оригиналы рецензий хранятся в редакции Кантовского сборника в течение пяти лет.

ПОДПИСКА

На всероссийский научный журнал «Кантовский сборник» можно подписаться в любом отделении агентства «Роспечать». Индекс издания в каталоге — 80623, каталожная цена 100 руб., периодичность — 4 номера в год.

КАНТОВСКИЙ СБОРНИК

Научный журнал

2016

Том 35

№4

Редакторы *Е. Т. Иванова, А. Д. Матвеев*

Корректор *Е. А. Алексеева*

Компьютерная верстка *Г. И. Винокуровой*

Подписано в печать 23.01.2017 г.

Формат 70×108 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 9,6

Тираж 500 экз. (1-й завод — 61 экз.). Заказ 20

Издательство Балтийского федерального университета им. И. Канта
236022, г. Калининград, ул. Гайдара, 6

